

"Хозяин Чёрной башни"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Черная башня Данниха... Впервые я увидела ее в сумерках, когда вершины шотландского высокогорья отливали лиловым, а небо на западе походило на сверкающий, вышитый золотом гобелен. Северный закат пылал, и разрушенная башня вздымалась на его фоне зазубренным силуэтом, охраняя с высоты Блэктауэр, тянувшийся вниз по склону холма.

Карету трясло и качало – остаток пути лошади проделали крупной рысью. Но я едва ли чувствовала эту тряску, да и пронизывающий ветер, теребивший ледяными пальцами бархатную бахрому обивки. Меня сковал холод совсем иного рода; я вздрогнула и плотнее запахнула полы своей накидки.

Я была утомлена, и самые нервические фантазии без труда могли бы овладеть мною. Прodelав долгий путь из Лондона, я впервые попала в этот затерянный уголок, похороненный в самом сердце высоких шотландских гор, и путь мой измерялся не только милями, но и опытом; я чувствовала себя так, словно очутилась в ином мире.

То был апрель 1853 года. Весна еще не сделала даже робкой попытки вторгнуться в высокогорье. Утесник и вереск будто съжились до голых коричневых кустиков, а белые ветви берез казались выточенными из льда. Здесь трудно было себе представить, что в Лондоне уже повсюду расцвели цветы – лавандовые крокусы, ярко-желтые нарциссы и бледно-желтые первоцветы. И что молодая трава уже сверкает нежной апрельской зеленью – та самая трава, во дворе церкви Святой Клотильды, которую я видела всего две недели назад.

Воспоминание об этом было словно острый нож. Закрыв глаза, я снова увидела нежную зелень, расчерченную мраморными крестами и фигурами рыдающих ангелов, прикрытую серой вуалью дождя, и прямо у моих ног – строгий прямоугольник свежей могилы. В этой освященной земле упокоился мой отец, и вместе с ним был погребен весь мой мир. Скорбящих было не так много – только слуги и несколько престарелых коллег отца, которые отважились, несмотря на сырость, отдать последнюю дань уважения знаменитому ученому и антиквару. “Я емь Воскресение и жизнь; верящий в меня...” Священник торопился, и слова его едва можно было разобрать. Священнику хотелось побыстрее покончить со всем этим и вернуться к домашнему очагу и стакану с портером.

Мистер Дауни стоял рядом со мной. Он не был родственником – только поверенным моего отца, просто некому больше было занять это место. На свой юридический манер он был достаточно добр, однако сразу же по окончании заупокойной службы он весьма твердо взял меня под руку и отвел к уже поджидавшему экипажу. Нам следовало обсудить кое-какие дела – не слишком приятное занятие, – и мне, так же как и ему, хотелось побыстрее со всем этим покончить.

К тому времени, как мы добрались домой, слуги уже развели огонь в библиотеке. Комната была теплой и покойной; на большом отцовском столе была зажжена лампа с красным абажуром, за ним стояло потрескавшееся отцовское кресло, обитое кожей, стены были заставлены книгами. Мои глаза наполнились слезами при виде знакомой комнаты и пустого кресла за неестественно опрятным столом. Я отвернулась от поверенного под предлогом, что хочу предложить ему стакан вина. Взяв стакан и для себя, я залпом выпила. Теперь я была готова. Я стащила свой чепец, опустилась на стул и, наконец, повернулась лицом к мистеру Дауни.

Тот несколько секунд пристально смотрел на меня. Потом быстро отвел глаза, но я догадалась, что его смутило, и поправила руками волосы, приглаживая выбившиеся завитки.

- Мне бы хотелось просто взять их и отрезать! Или выкрасить в черный цвет - ради соответствия моему платью... Отец мои волосы так любил, называл их золотисто-рыжими... он цитировал Гомера... Простите, мистер Дауни. Вы были так добры ко мне. Я больше не стану злоупотреблять вашим временем. Что вы хотели мне сказать?

Желтое худощавое лицо мистера Дауни осталось бесстрастным, черты его были заморожены долгими годами юридических тяжб; но, похоже, моя вспышка его встревожила. Он не желал, чтобы у него на руках очутилась рыдающая женщина.

- Может быть, сейчас не самое подходящее время. Ваш отец говорил, что вы приучены помогать ему в делах; однако вы так молоды... - Он задумчиво изучал меня, поглаживая свой длинный костлявый нос, а потом, к моему изумлению, сказал: - Должно быть, для молодой девушки это была довольно странная жизнь... Ведь ваша мать умерла, когда вы были еще младенцем, и у вас никогда не было компаньонки...

- Я в ней нисколько не нуждалась, - холодно ответила я, усмотрев в этой фразе намек на критику. - Папа дал все, что было мне нужно. Пожалуйста, мистер Дауни, не... не напоминайте мне. Скажите мне правду, и покончим с этим. Я осталась без всяких средств к существованию, не так ли?

- Две сотни в год - это еще не нищета.

- Но и независимости они тоже мне дать не могут.

- Юная леди восемнадцати лет от роду в независимости не нуждается. - В устах мистера Дауни это прозвучало почти как злобный выпад. - Ваша тетюшка, без сомнения, готова предложить вам свой дом.

- Моя тетюшка терпеть меня не может - с тех самых пор, как в возрасте пяти лет я сообщила ей, что она похожа на своего собственного мопса.

Мистер Дауни в раздражении шмыгнул носом. - Я подозревал, что вы легкомысленны, мисс Гордон, но чтобы в такой день, как сегодня... А как насчет сына вашей тетюшки - вашего кузена?

- Кузен Рэндэлл? Да... я знаю, что все вокруг только и ждут того дня, когда мы с Рэндэллом поженимся. Именно поэтому, мистер Дауни, я так мечтала о том, что буду независима.

- Но... Но, моя дорогая мисс Гордон, ваш кузен - чрезвычайно уважаемый молодой человек! Мистер Рэндэлл Гордон - молодой джентльмен вполне современных и весьма либеральных взглядов!

Я ответила с притворной скромностью:

- Насколько я поняла, мистер Дауни, Рэндэлл желает жениться на мне для того, чтобы на практике продемонстрировать свои современные, либеральные взгляды?

Но я недооценила мистера Дауни. Он лишь крепче сжал губы, чтобы удержаться от улыбки.

- Мисс Гордон, вы достаточно часто смотрите в зеркало, чтобы знать, почему молодой

человек может пожелать жениться на вас – вне всякой зависимости от своих взглядов. Правду сказать, – продолжал он более сухо, – я получил письмо от мистера Рэндэлла Гордона только сегодня утром. Он выражает свои сожаления по поводу слабого здоровья его матери, которое не позволило ей вовремя прибыть из Европы на похороны.

Я не сдержалась и фыркнула. Мистер Дауни нахмурился.

– Дорогой мистер Дауни, – я наклонилась вперед и коснулась его руки, – я не могу выйти замуж за Рэндэлла. Даже из чувства признательности к вам.

– Что вы предлагаете в таком случае? – Мистер Дауни вздохнул, но в его голосе вполне могло бы прозвучать гораздо больше тревоги.

– Ну... – без напряжения произнесла я. – Я приищу себе работу.

– Господи, но в каком же качестве вы намерены зарабатывать себе на жизнь? В качестве компаньонки? Или гувернантки?

– Вам нет нужды проявлять свой сарказм, мистер Дауни. О да, я знаю – если ты порядочная женщина, то выбор невелик. И вы назвали те немногие виды деятельности, которые для меня открыты. Но это так несправедливо! Несколько лет я была секретарем и помощницей своего отца. Он обучил меня; он говорил, что никакой мужчина не смог бы работать лучше. Почему я не могу использовать этот свой опыт?

Одеревеневшая челюсть мистера Дауни отвалилась. Я по-настоящему шокировала его; и только его убежденность в том, что мое душевное здоровье пошатнулось от горя, избавила меня от немедленной – и весьма строгой – отповеди.

– Дитя мое, мы не можем изменить мир, даже если хотим этого. Я уверен, что вы умны – так же как и любая девушка в Англии. Но вам никогда не удастся занять должность секретаря.

– Почему бы и нет?

– Почему... почему... потому что, мисс Гордон, гувернантку нанимает хозяйка дома, а секретаря нанимает джентльмен. Секретарь многие часы проводит наедине – наедине! – со своим хозяином. За закрытыми дверями, мисс Гордон! Должен ли я сказать больше?

Я испытала острое искушение попросить его предоставить дальнейшие объяснения. Пошире раскрыть глаза и умолять объяснить мне... Но у меня не хватило духу и дальше досаждать ему.

– Нет, – вздохнула я, – вам нет нужды делать это. Но я думаю, что вы только что незаслуженно оскорбили всех джентльменов Англии.

– Мистер Рэндэлл Гордон выразил желание, чтобы вы оставались здесь до возвращения его и вашей тети, которое ожидается в течение двух недель, – сникшим голосом сообщил мистер Дауни. – К тому времени, я убежден, простое здравомыслие подскажет вам, каким образом действовать дальше.

Я покорно улыбнулась и не сказала ни слова. Провожая моего гостя взглядом до двери, я продолжала улыбаться. Ну а потом вернулась в кабинет и уселась в большое отцовское кресло. Это было не кресло, а просто античная руина; долгие месяцы я билась за то, чтобы, наконец, выбросить его. Но теперь была рада, что мне это не удалось. Некоторое время я просто сидела в кресле, водя пальцами по растрескавшейся коже. А потом придвинула к себе лист бумаги,

опустила отцовское перо в ониковую чернильницу, которую он привез домой из Греции, и стала писать.

* * *

Понадобилась примерно педеля, чтобы по почте пришли первые ответы на мои письма. Я написала коллегам моего отца, которые хорошо знали его, а также меня. Все они ответили – весьма вежливо – и сообщили о том, что не нуждаются в секретаре. Здесь я потерпела поражение. Но отец обладал недюжинным упрямством, которое проявлял со свойственной ему мягкостью и спокойствием, а я была его дочь. Я дала объявление в газеты.

Это было ошибкой. Мистер Дауни был прав, а я ужасно, ужасно ошибалась. Объявление только дало повод к неправильному истолкованию. Я получила два ответа. Когда я возвращалась со второго собеседования, мои пальцы просто жгло огнем после пожатий “джентльмена”, который искал “обученного секретаря по антиквариату”.

Сумерки спустились раньше, чем мне удалось добраться до дому. Я была слишком утомлена и слишком унижена, чтобы позвонить и приказать зажечь огонь и подать чай. Поэтому я сразу же отправилась в библиотеку и бросилась в отцовское кресло. Я безуспешно пыталась вернуть себе отцовское мужество и чувство юмора. Я думала о своем будущем. Без сомнения, другие варианты были куда хуже Рэндэлла.

Мне представилась мисс Миллз, компаньонка моей тети – сухая палка в образе женщины, всегда одетая в поношенные коричневые платья. Она постоянно моргала, а одна ее щека дергалась в нервном тике. Еще была девушка – мисс Аллеи? – которая служила гувернанткой в семье лорда А. Наша горничная рассказывала мне о ней; слухи ходили по всему Лондону. Мисс сбежала с младшим сыном, и лорд А. оставил мальчика без гроша. Тогда галантный юноша отказался жениться и бросил гувернантку.

Мисс Миллз или мисс Аллен – рабство или позор. Я подумала, что по большому счету предпочитаю позор. Но ни та, ни другая судьба не казалась мне привлекательной.

Мисс Миллз, мисс Аллен или – Рэндэлл. Я не видела его несколько месяцев, и мне было трудно вспомнить, как он выглядит. Я знала, что он высок, что его каштановые волосы редеют на макушке, что у него густые усы, которыми он непомерно гордится, но я не могла собрать его черты воедино. Его лицо было круглым и вечно покрыто румянцем; одевался он элегантно. Может быть, даже слишком элегантно? Его перчатки были чересчур тугими. А может быть, это его руки были слишком пухлыми – пухлыми и мягкими, словно тесто, а при прикосновении оказывались неприятно холодными. Если я выйду замуж за Рэндэлла, думала я, он получит право когда только захочет трогать меня своими холодными руками.

Я шагала взад и вперед, в отчаянии сжимая пальцы, когда Эллен внесла записку, которую только что передал ей гонец. Я не торопилась прочесть ее. Я полагала, что это – приглашение от мистера Дауни, который уже предлагал мне пожить некоторое время с ним и его женой. Но самое ужасное, что в записке могло быть сообщение о прибытии Рэндэлла. Я попросила Эллен зажечь огонь и принести мне чай и выпила две чашки, прежде чем посмотрела на записку. И только тогда я поняла, что она написана незнакомой рукой.

Почерк принадлежал мужчине, в этом не было сомнений – тяжелые черные буквы были небрежно начертаны поперек страницы:

“Если Д.Г., которая характеризует себя как опытного секретаря по антиквариату, прибудет завтра в отель “Тревеллерз”, в 10 часов утра, она сможет представить свои рекомендации.

Спросить мистера Гэвина Гамильтона”.

“Тревеллерз” оказался тихой, респектабельной гостиницей в Блумсбери, недалеко от музея. Я спросила мистера Гамильтона, и клерк направил меня на второй этаж. Когда я стучала в дверь, то почувствовала, как вспотели мои руки под перчатками. Через минуту низкий мужской голос приказал мне войти.

Комнату наполнял свет, лившийся из окна напротив двери. Он ослепил меня, так что я могла видеть лишь очертания человека, с которым говорила. Он был высок и держался как джентльмен, но больше я почти ничего не разглядела.

Довольно долго он стоял без движения и не говорил ни слова. Молчание становилось странным. Нервничая, я уже решила было заговорить, когда, странным образом дернув квадратным плечом, он шагнул вперед и вышел из луча света. Тут я в первый раз ясно увидела его: это был мистер Гэвин Гамильтон, хозяин Блэктауэра.

При виде этого лица я лишилась дара речи. Я была приучена к уродливым лицам; никого из друзей моего отца нельзя было счесть образчиком мужской красоты. Но лицо, которое смотрело на меня, было не просто уродливо – оно было ужасно. Оно было изуродовано. По одной стороне лица – от брови до подбородка – шел синевато-серый шрам, который морщил его плоть и нарушал линию рта.

В остальном же его лицо было вполне обычным, хотя его черты были слишком резки, чтобы его можно было назвать красивым. Это лицо было длинным и худым, с высокими скулами и прямым, выдающимся вперед носом. Его глаза были темны и широко посажены под тяжелыми бровями. Усов он не носил, и его густые черные волосы были подстрижены короче, чем того требовала мода. Какой-нибудь другой мужчина, имеющий подобный шрам, постарался бы, насколько возможно, спрятать его под волосами. Но только не мистер Гэвин Гамильтон.

Он дал мне достаточно времени, чтобы привыкнуть к его внешности, прежде чем начал говорить.

– Садитесь, – сказал он довольно хриплым голосом. – Вы, насколько я понимаю, и есть Д. Г. Как расширяются эти инициалы?

– Дамарис Гордон. – Я села, по милости Божьей стул оказался здесь же, под рукой, не думаю, что я смогла бы сделать хотя бы шаг. – Мой отец... мой отец был... доктор Эндрю Гордон.

– Так я и думал. Я слышал о смерти вашего отца. Правду сказать, мы находимся в отдаленном родстве. Упомянул ли он когда-нибудь о своей связи с Гамильтонами из Данноха?

– Нет, думаю, что нет.

– Если вы сомневаетесь, покопайтесь в генеалогии. Я буду откровенен, мисс Гордон. Если бы я не сообразил, что под инициалами “Д.Г.” скрывается дочь вашего отца, я не стал бы откликаться на ваше объявление.

– Я понимаю. – Даже после того, как первоначальный шок прошел, мне все еще было трудно смотреть в это лицо. Я перевела взгляд на его руки, и это был еще один удар. Хотя он и был одет в домашний костюм – на нем был темно-серый утренний сюртук и белая рубашка, – руки его были затянуты в перчатки – не обычные мужские перчатки, но черные шелковые, которые так облегли его руку, что были похожи на нарисованные.

Он заметил, что я крайне неохотно поднимаю на него глаза, и потому уселся на стул, где солнечный свет безжалостно освещал его изуродованную шрамом щеку.

- Похоже, вы испытываете неловкость, мисс Гордон. Видите ли вы дверь справа от вас? В соседней комнате находится женщина, в обязанности которой входит прислуживать мне. Миссис Кэннон!

В дверном проеме, на который он указал, появилась леди. Ее морщинистое лицо и седые волосы принадлежали пожилой женщине, но ее платье павлинье-синего цвета, отделанное сливочного цвета бархатными бантами, скорее подошло бы молодой девушке. Вскоре мне предстояло узнать, что бесстыдная любовь к пышным платьям была болезненным свойством миссис Кэннон. В тот, первый, раз ее вид просто потряс меня, но вскоре я успокоилась. Широкие голубые глаза этой женщины были честны, словно глаза младенца, и почти столь же бессмысленны; морщинистый розовый ротик расплылся в улыбке, и я не смогла не ответить ей тем же. Затем, повинувшись жесту своего странного хозяина, дама удалилась.

- Не чувствуете ли вы, что необходимые условности соблюдены? - сардоническим тоном спросил мистер Гамильтон. Голос его был низким и хриплым. - Тогда можем продолжить. Я подумывал предложить вам место. Но я не ожидал, что вы так молоды и так...

Он не закончил предложения, оставив мне лишь в смущении гадать, какое именно слово он предпочел опустить. Щеки мои вспыхнули, и я прикусила язык - как все это было на меня не похоже!

- Должен сказать, - заметил мистер Гамильтон, не сводя с моего лица своих пронизательных темных глаз, - что ваше объявление просто изумило меня. О чем думала ваша семья, когда позволила вам совершить подобную глупость? Ведь нет сомнения, что ваша тетя готова предоставить вам свой дом? И ведь всем известно, что вы обручены с вашим кузеном. Может быть, вы поссорились? Хочу предостеречь вас, мисс Гордон, что моя нужда в секретаре имеет известные границы. Я не желаю помогать вам дразнить кузена Рэндэлла.

Точно не помню, что именно я ответила, но на меня накатила волна ярости. Мистер Гамильтон трясся от смеха. Затем он несколько секунд безмолвно изучал меня. Наконец заявил деловым тоном:

- В ваши обязанности будет входить составление каталога и устройство моей библиотеки. Вам также придется писать под диктовку. Я готов назначить вам подобающее жалованье. Устроят ли вас подобные условия?

- Да...

- Это - преимущества данной должности. Но поскольку я, при всех своих грехах, человек честный, я сообщу вам и о недостатках. Мой дом находится на севере Шотландии и весьма далек от комфорта современной цивилизации. Единственные женщины вашего круга - это миссис Кэннон, которую вы уже видели, и... еще одна юная леди.

Он замолчал и нахмурился, глядя на свои руки, затянутые в эти странные перчатки. Потом сказал, отвернувшись:

- Эта юная леди - моя дочь. Она инвалид и не может ходить. Из-за своей болезни она избалована до крайней степени. И выглядит даже младше своих шестнадцати лет.

- Какая трагедия, - отозвалась я, думая, что понимаю, что он хочет сказать. - Я была бы

счастлива сделать все возможное для мисс Гамильтон. Вне всякого сомнения, у нее есть гувернантка, однако когда человек привязан к постели, более глубокое изучение определенных предметов помогает скоротать время. Я могла бы заниматься с ней греческим или...

Громовой смех Гамильтона прервал меня на полуслове.

- Аннабель и уроки греческого! Вы даже не представляете себе, как это комично, мисс Гордон. У девчонки комариные мозги, да и нрав у нее ничуть не лучше. Я только пытаюсь предостеречь вас. Чтобы вы не ожидали многого от маленькой идиотки. Лично я советовал бы вам избегать ее. Я и сам так поступаю.

Я была в ужасе от такой жестокой речи, и думаю, что этот ужас отразился на моем лице.

Мистер Гамильтон пристально глядел на меня, его искривленный рот тронула полуулыбка. Длинные черные пальцы его правой руки нетерпеливо барабанили по столу.

- Вы колеблетесь? - спросил он тем же хриплым голосом, который я услышала в первый раз. - Меня это не удивляет.

Я подняла склоненную голову и посмотрела ему прямо в лицо:

- Я принимаю это место.

Не знаю, почему я это сказала. Было похоже, будто кто-то или что-то выговорили эти слова за меня. Но, странно, когда слова были произнесены, я почувствовала, что больше не боюсь.

- Нет, в самом деле нет! Я принимаю предложение, и все тут! Когда мы отбываем в... в...

- В Блэктауэр. - Мистер Гамильтон поднялся вместе со мной и подошел ближе. Когда он остановился, я собрала все свои силы, чтобы не отступить. Он был так высок, что моя макушка едва достигала его подбородка; казалось, он навис надо мной, словно гора. - Блэктауэр, - повторил он. - Мы отбываем через два дня, в десять утра.

Спускаясь по ступенькам, я восстанавливала в памяти детали этого странного собеседования. Нет, я не боялась мистера Гэвина Гамильтона, несмотря на его вид, его манеры и - в этом я теперь была уверена - его упорные попытки напугать меня. Но я могла себе представить, как на него отреагирует остальная часть человечества - на него и на его методы нанимать секретарей. Мистер Дауни - о господи, как он будет браниться!

Глава 2

Четырьмя днями позже, когда миссис Кэннон и я покидали отель "Королевские руки" в Данкелде, холодные капли, бившие нам в лица, более походили на снег, чем на дождь. Мы добрались до Данкелда вчера вечером, очень поздно - после утомительного путешествия по железной дороге; и теперь я, стараясь скрыть зевоту, дрожала на ступеньках гостиницы и любовалась бледным утренним светом, тронувшим серое небо на востоке.

Данкелд, таким образом, был конечной станцией железной дороги. Коляска мистера Гамильтона ожидала, чтобы провезти нас оставшееся расстояние, однако самого мистера Гамильтона с нами не было. Конюх сообщил нам, что он уже уехал верхом.

Я почти не виделась с ним со времени нашего первого собеседования. Когда я прибыла на

железнодорожную станцию в Лондоне со своим багажом, прикрученным на крыше нанятого экипажа, он усадил меня и миссис Кэннон в вагон, предназначенный для леди, и исчез. В Данкелде он появился снова, чтобы проводить нас до гостиницы, а потом снова растворился.

Как только карета покинула Данкелд, миссис Кэннон немедленно уснула. Я тоже чувствовала себя усталой, но незнакомый пейзаж заворожил меня. После того как мы покинули деревню, дорога начала плавно подниматься, мы миновали несколько величественных домов, окруженных обширными землями. Дорога бежала среди нависающих скал и деревьев, все еще лишенных листвы. Конечно же летом этот пейзаж был бы прекрасен: оголенные вяза и буки зазеленеют, вереск покроет пустоши лиловым ковром, а далекие горы, вероятно, не будут выглядеть столь мрачными на фоне синего неба, залитые ярким солнечным светом. Но сейчас такая перспектива казалась слишком отдаленной, а дикость окружающей местности с наступлением утра лишь усилилась. Подъем становился все круче, а горы придвигались все ближе. С темной каменной стены низвергался пенно-белый водопад, разбивающийся облаками мелких брызг.

Среди этих хмурых склонов я чувствовала себя ужасно маленькой – маленькой и глупой. Независимость – это очень хорошо, но, может быть, я могла бы быть независимой и без того, чтобы удалиться от своих родственников на такое громадное расстояние. В конце концов, что я знаю о мистере Гэвине Гамильтоне? Что лицо его изуродовано шрамом, что у него грубые манеры и что на него работает почтенного возраста домоправительница, которая постоянно пребывает в каком-то полусне. Вряд ли этой информации было достаточно, чтобы одобрительно отнестись к тому, что я целиком и полностью оказалась в его власти.

Я посмотрела на миссис Кэннон, и мое мрачное настроение немного рассеялось. Закутанная в чудесную накидку из лиловой тафты, отороченную мехом, миссис Кэннон спала так же безмятежно, как младенец в своей колыбели. Рот ее был слегка приоткрыт, открывая взгляду ряд фарфоровых зубов – слишком, безупречных, чтобы быть настоящими. На голове ее красовался капор, сшитый по последней моде.

На обед мы остановились в Каслтоне, который представлял собой собрание хижин, изо всех сил цепляющихся за маленький кусочек каменистой земли. И это, с разочарованием подумала я, то самое поселение, которое расположено ближе всех к Блэктауэру!

Обед состоял из баранины, густого чечевичного супа и пудинга. Миссис Кэннон поела с громадным аппетитом и, как только мы тронулись в путь, уснула снова. Я сидела с блэковским “Иллюстрированным путеводителем по Шотландии” на коленях, но коляску так трясло, что читать я не могла. Но я уже знала, что говорится в “Путеводителе” о новом месте моего обитания: “Самая дикая и самая неприступная часть высокогорья”. И описание было недалеко от истины. Каменистые склоны Кэйргормских гор теперь окружали нас со всех сторон. Дорога превратилась в колею для повозок, вдоль нее мчался угрюмый серый поток.

Когда красный мяч солнца упал за гористый горизонт, дорога спустилась в ущелье, которое было едва ли шире нашей кареты. Тусклый свет, который еще мог бы просочиться сверху, был полностью перекрыт ветвями сосен, кольцом окруживших устье ущелья и яростно цеплявшихся за крутые стены. Меня отбросило назад, на подушки, и коляска начала подниматься вверх. Неожиданно в окно ударил целый сноп брызг, и я увидела справа развевающийся белый занавес, во мраке похожий на привидение, – водопад, который с грохотом разбивался об утес прямо у дороги.

– Горбалз, – произнес дремлющий голос. – Скоро мы будем дома... – И за этим последовал приглушенный храп.

Еще ни разу я не видела ничего менее похожего на земной пейзаж. И была рада, когда взмыленные лошади добрались до верхней точки склона и потрусили в долину. Здесь не было величественных домов, садов – только скалы и коричневый, мертвый вереск. Один раз попало стадо овец с черными носами. Наконец мы миновали крошечную деревушку – низкие, крытые соломой домишки, которые плоской кучкой сгруппировались на каменистой земле. Потом мы взобрались на последний склон, и перед моими испуганными глазами предстало явление Блэктауэра.

С вершины склона мы попали на широкое плато, усыпанное гравием, и мимо мощных стен проследовали во двор, освещенный пылающими факелами. Миссис Кэннон пробудилась, выбралась из своей накидки и заторопилась к двери.

Дверь вела в коридор с каменным полом, в котором было даже холоднее, чем снаружи. Временами до нас доносился запах кухни, который убедил меня в том, что мы находимся в задней части дома, недалеко от кухни. Миссис Кэннон оживленно трусилась впереди меня, минуя коридор за коридором, и наконец мы проследовали через двери в холл при входе в дом. На дикий камень здесь были уложены деревянные полы; более того, здесь были ковры, каковому факту мои холодные лодыжки были весьма благодарны. В одной из стен была тяжелая дубовая дверь, которая, вероятно, вела к парадному входу, куда подъезжали кареты. Симпатичная лесенка вела на второй этаж.

- Мы используем только западное крыло, – объясняла пыхтя миссис Кэннон, покуда взбиралась по ступеням. – Остальная часть дома лежит в руинах, и, потом, она слишком, слишком велика.

Но и одно только западное крыло показалось мне совершенно необъятным. Коридоры здесь были также устланы коврами и освещены свечами в настенных кронштейнах.

Наконец миссис Кэннон остановилась перед одной из дверей и отворила ее:

- Это – моя комната. Нет, не присаживайтесь, моя дорогая, я пока посмотрю, сделаны ли для вас все необходимые приготовления.

Она дернула звонок, и вскоре на его звон откликнулась одна из горничных. Девушка была молода, крепкого сложения, прическа ее была украшена льняной тесьмой, а одета она была в темное домашнее платье с белым фартуком и чепцом. Ее пухлое розовое лицо можно было бы счесть хорошеньким, если бы она не была столь угрюма.

- Войди и закрой дверь, – резко приказала ей миссис Кэннон. – Мисс Гордон, эту молодую девицу зовут Бетти. Она будет отзывать на ваш звонок так же, как и на мой собственный. Ну, говори же, ты, глупая девчонка! – добавила она, и на какое-то мгновение я подумала, что эти слова относятся ко мне. – Какую комнату ты приготовила для мисс Гордон?

- Красную комнату, мам.

- Вполне подходит. Ну же, Бетти, нечего стоять здесь разинув рот; покажи мисс Гордон красную комнату.

Пожилая леди уже расположилась у огня, уложив обе пухлые ноги на решетку. Я поднялась, ничуть не удивленная ее бесцеремонностью; я уже знала, что миссис Кэннон – женщина добрая, но озабоченная в первую очередь собственными удобствами и комфортом.

Когда я уже двинулась к двери, она сквозь дремоту пробормотала:

- Я буду обедать здесь, мисс Гордон. Присоединитесь ко мне? Бетти вас приведет...

Я от души поблагодарила ее, но думаю, что пожилая леди погрузилась в сон до того, как за мной закрылась дверь.

Красная комната, которая располагалась через три двери по коридору от комнаты миссис Кэннон, была такой же веселой, как и ее имя. В очаге плясал огонь, отбрасывая теплые отсветы на сливочного цвета занавески и полог кровати. Пол был покрыт ярким турецким ковром.

Бетти едва прикрыла за нами дверь, и она тут же отворилась снова. В комнату без стука вошел унылого вида слуга, без церемоний бросил на пол мою поклажу и удалился.

Распаковав багаж, я придвинула стул к огню и со вздохом облегчения опустилась на него. Согревшись, я уже почти задремала, когда вернулась Бетти.

- Если вам угодно, мисс, я пришла спросить, не хотите ли вы, чтобы я помогла вам переодеться?

- Я одета, благодарю тебя. Если миссис Кэннон обедает со всеми церемониями, ей придется меня извинить.

- Хозяин прислал сказать, что вы будете обедать с ним.

Хозяин, в самом деле, подумала я. Моей первой реакцией был протест. Я уже открыла было рот, чтобы сказать, что слишком утомлена, чтобы вынести парадный обед сегодня вечером. Но потом сообразила, что это просто наивность. Я не была гостьей мистера Гамильтона, я была у него на службе. Приглашение содержало в себе приказ.

Повинуясь какому-то упрямству, я оделась в свое лучшее платье, хотя его глубокий вырез и короткие рукава оставляли мои плечи голыми и не защищенными от холода. Но в любом случае черный муар очень шел к моим волосам, а юбка шелестела, когда я двигалась. Я зачесала волосы вверх, уложив их в высокую корону, и некоторым локонам позволила спадать по плечам.

Когда я отвернулась от тусклого отражения в зеркале, Бетти уставилась на меня, разинув рот.

- Мне идет? - с улыбкой спросила я.

- Вы выглядите такой красивой, мисс!

Я была права. Она оказалась весьма хорошенькой.

Дрожа от холода, я последовала за Бетти в гостиную. Было приятно сознавать, что в этом доме я уже нашла отклик в чьей-то душе, пусть это и была душа служанки. Однако гостиная меня изумила. Обычно это комната, предназначенная для женщин, но в этой не оказалось ни изысканных статуэток дрезденского фарфора, ни цветных занавесей. Мебель была старомодной и массивной, грубовато сработанной и почерневшей от древности. Стены были увешаны гравюрами на охотничьи сюжеты и оцетинились рогами бедных погибших оленей. Странно, но только тогда я впервые подумала о мистере Гэвине Гамильтоне. У мистера Гамильтона имелась дочь, соответственно, когда-то он, должно быть, имел и жену. Очевидно, он был вдовец. Но я продолжала гадать, отчего его жена никогда не пыталась по-другому обставить эту комнату.

Я с трудом отвела взгляд от потрясающего зрелища миссис Кэннон в вечернем платье, чтобы сделать реверанс своему хозяину. Он не изменился; он все еще был одет в тот же самый дорожный сюртук и в те же тяжелые ботинки, в которых я видела его вчера вечером. Он спросил меня о том, как я перенесла путешествие, и я ответила, что достаточно хорошо, хотя и это, видимо, было лишним. Разговор застыл. Мистер Гамильтон посвятил все свое внимание графине с портером. Миссис Кэннон смотрела на него словно верная собачонка, которая точно не знает, чего от нее ждут, а я согревала ноги у огня.

К обеду нас пригласил довольно странный человек, гадкого вида, облаченный в грязную шотландскую юбку и куртку. Шотландка на юбке заинтересовала меня, поскольку я подумала, что это традиционные цвета Гамильтонов, но я не могла отчетливо разобрать рисунок из-за вкраплений грязи. Старый слуга возглавлял процессию, неся в руках массивный серебряный канделябр, и вслед за ним мы перешли в более старую часть дома. Коридор с каменным полом и каменными стенами походил на длинную пещеру. Его пронизывали ледяные сквозняки, которые заставляли пламя на свечах пускаться в дикую пляску. Я чувствовала себя так, словно шагаю по самую щиколотку в снегу. Наконец старик навалился плечом на массивную дверь, обшитую филенкой, и мы вошли в столовую.

В старом доме это, должно быть, был главный зал. На столе, который был достаточно длинен, чтобы за ним могли усестись разом тридцать человек гостей, стояли свечи, но они давали слишком мало света, чтобы победить впечатляющий пещерный мрак комнаты. Потолочные балки терялись в черноте, с них свисало нечто, формой походившее на гигантскую паутину.

Еда, которую приходилось нести через все эти холодные коридоры от кухни до западного крыла, попала нам на стол уже холодной. Мистер Гамильтон, похоже, не обратил на это никакого внимания. Он оживленно рассказывал о древностях замка, и то, что я поначалу приняла за паутину, оказалось изорванными флагами и знаменами Гамильтонов былых времен. Хозяин также указал мне на портреты на стенах. Я готова была предположить, что там они и были, но видеть их не могла. Мои ноги превратились в ледышки. Как только я сумела, я без промедления принялась подавать сигналы миссис Кэннон, показывая, что я измучена, и надеясь, что, уловив мой сигнал, она догадается, что мы обе можем удалиться и оставить мистера Гамильтона наедине со своим вином. Но она сидела закрыв глаза, с самой неопределенной улыбкой. Я начала подниматься.

Рука мистера Гамильтона опустилась мне на запястье.

- Подождите, я хочу, чтобы вы кое-что послушали.

Его пальцы были холодными и жесткими, словно пальцы трупа, а черный шелк неприятно скользнул по моей коже. Я тут же села. Я уже тряслась от холода, и если я и содрогнулась лишний раз, то, думаю, он этого не заметил. Во всяком случае, я себя в этом убедила. Как только я уселась, он сразу же убрал руку. А потом в холодном воздухе раздалось нечто, похожее на неземную музыку - мягкие, чистые звуки, которые падали, словно капли воды в замерзший колодец.

- В том, что живешь в варварской стране, есть и некоторые преимущества, - мягко заметил мистер Гамильтон. - Полагаю, немногие английские джентльмены в наши дни и в наш век имеют придворного менестреля. Так вот, мисс Гордон, он перед вами.

Я обернулась, проследив взглядом направление его вытянутой руки. Теперь, когда он показал туда, я смогла разглядеть высоко у северной стены очертания балкона или галереи.

- Очень интересно, - сказала я, пытаюсь удержаться от того, чтобы зубы мои не стучали. - Но не могли бы мы послушать его в гостиной?

- Такая музыка более эффектно звучит здесь, - коротко ответил мистер Гамильтон. Холод, казалось, только оживил его; на его скулах появились пятна румянца, а его глаза сияли. - Дейвей! - прокричал он, поднимая голову. - У нас сегодня гостя. Сыграй ей что-нибудь из твоего лучшего.

Музыка прервалась, зазвучали разрозненные звуки - менестрель пробовал инструмент, словно искал вдохновения. Наконец струны нашли мелодию, и голос запел.

Этот голос явно принадлежал немолодому человеку, но он был чистым и глубоким, несмотря на то, что дрожал. Я знала эту балладу; то была история несчастной фрейлины Марии, королевы шотландцев, которая забеременела от Дарнлея, мужа королевы. Движимая отчаянием, девушка попыталась за ужасным деянием скрыть свою вину. Она взяла новорожденного младенца, положила его в крошечную лодочку и пустила лодочку по морю...

Старый Дейвей был артистом - я почти слышала голос несчастной девушки. Я повернулась к хозяину с улыбкой восхищения, но моя улыбка застыла, стоило мне увидеть его лицо.

Он поднялся, его черные руки оперлись на крышку стола, и он закричал что-то дрожащим от ярости голосом. Слова были кельтскими, я узнала язык, но не смогла разобрать значения слов. Музыка прервалась, словно струны в одно мгновение перерезали ножом.

- Но что случилось? - запинаясь, спросила я. - Он пел замечательно!

- Он прекрасно знает. Он знает, что никогда не должен петь в моем доме эту песню...

Глава 3

Говорят, в первую ночь в незнакомой кровати никто и никогда не спит хорошо. И, разумеется, я тоже не думала, что сразу сумею уснуть в ту первую ночь в Блэктауэре. На душе у меня было нелегко. Я никогда не видела, чтобы мужчина так страдал, как мистер Гамильтон, когда он вскочил со стула и закричал на певца. Это неспроста. И еще я вспомнила, что несчастную леди из баллады звали Мэри Гамильтон. Даже если эта история была правдива, с чего бы человеку, вроде мистера Гамильтона, страдать от припадков чувствительности и столь ревностно охранять репутацию весьма отдаленной прародительницы?

Мне хотелось бы это узнать не только из праздного любопытства, но еще и потому, что мне предстояло жить в одном доме с мистером Гамильтоном. Если он вообще подвержен подобным всплескам эмоций, тогда... - Тут я сказала себе, что все это глупости, и все же не могла забыть его лица, почерневшего от ярости, с губами, искривленными так, как не удавалось их изуродовать даже шраму.

Я полагала, что и во сне буду видеть это лицо или лицо бедной Мэри Гамильтон, но ничего подобного не случилось. Когда я проснулась - отдохнувшая и посвежевшая, все вместе предстало передо мной совсем в другом свете. Здоровый ночной сон помог мне увидеть события предыдущего вечера в соответствующей перспективе, и я отбросила их как странные, но не имеющие особой важности. В этом доме был человек, который в первую очередь вызывал мое нетерпеливое любопытство, и в данном случае я имела возможность незамедлительно его удовлетворить.

Когда Бетти принесла мой завтрак, я спросила ее, где находится комната мисс Гамильтон. Она

ответила, что это четвертая дверь по коридору, следующая за комнатой миссис Кэннон, однако она не скрывала, что мой вопрос ее, без всякого сомнения, удивил – так широко Бетти раскрыла глаза. Это была мелочь, но она лишь подтвердила сложившееся у меня мнение о том, что юная леди находится в небрежении, и еще больше разожгла во мне желание стать ее другом.

Не знаю, чего я ожидала, – полагаю, я думала увидеть полупустой чердак, заставленный вышедшими из употребления стульями и детскими кроватками. Но вместо этого я оказалась на пороге комнаты, походившей на будуар принцессы из волшебных сказок. Это была самая роскошная и разукрашенная комната из всех, которые я когда-либо видела, – розовые китайские обои с павлинами, цветами и фруктами, розовые дамасковые занавеси на окнах и позолоченные ножки кровати. Ковры были голубыми, с вытканными на них розами величиной с кочан капусты. Узлы лепт и шелковых цветочных бутонов свивались в самых неожиданных местах и фестонами окружали оконные ручки, а массивное золотое зеркало эпохи барокко было повешено так, чтобы отражать кровать. В комнате было огромное количество мебели – инкрустированной, или лакированной, или украшенной резьбой.

В центре большой кровати, обложенная отделанными кружевами подушками, сидела юная девушка. Золотые локоны, сложным образом завитые, падали ей на плечи. На коленях у нее лежала раскрытая книга, и даже от двери я могла разглядеть, что то был не роман, но один из новых модных журналов с картинками, на которых красовались леди с кукольными личиками, разодетые по последней, самой кричащей моде.

А потом я перевела взгляд от меха, и шелка, и от золотых локонов на личико девушки – и сказка кончилась. Ее глаза встретились с моими, она смотрела не моргая. Глаза были бледно-голубыми, щеки бледны смертельной бледностью.

- Кто вы? – требовательно спросила она тонким, ворчливым голосом. – И по какой причине вы вломились сюда?

- Прошу меня извинить, мисс Гамильтон, – произнесла я. – Мне так хотелось встретиться с вами! Я – Дамарис Гордон, секретарь вашего отца.

- Мой отец собирается на вас жениться? – холодно спросила она.

- Ну что вы! Нет, разумеется, нет! Как подобная мысль могла прийти вам в голову?

- Дженет – моя горничная – говорит, что он может. Она сказала, что вы молоды и ничего из себя, не считая этих ужасных волос. – Ее голубые глаза внимательно оглядели меня, а потом вернулись, вероятно с целью сравнения, к изображениям жеманных леди на страницах модного журнала. – Вы не красавица, – решила она, – но, может быть, мужчина мог бы счесть вас привлекательной.

- Моя дорогая мисс Гамильтон – вы не должны говорить такие вещи! Что вы, такая юная и невинная, можете знать о мужчинах?

- Я прочла много романов, и мужчины в них часто увлекаются женщинами из прислуги.

Это было чересчур. Пожалуй, такого не следовало спускать ей с рук, несмотря на ее увечность. Но прежде чем я успела ответить, мисс Гамильтон продолжила:

- Если вы не являетесь любовницей моего отца, зачем вы тогда приехали? Почему вы покинули Лондон ради такого жалкого места? Ах, балы, магазины, прекрасные дома, двор... вы видели

королеву? Как она выглядит?

Из всех жителей Лондона я была последней, кто был готов обсуждать балы и изящество знати, но свое богатое воображение я могла использовать без всяких угрызений совести. Открыв рот, девушка слушала мои цветистые сказки, и в ее манерах появилось нечто, если не более уважительное, то хотя бы более сердечное. Я выполняла роль Шахерезады до тех пор, пока одна из горничных – Дженет, или о ком там она еще говорила, – не вошла, чтобы унести поднос, оставшийся после завтрака.

- Полагаю, ваш отец ожидает, что я немедленно приступлю к своим обязанностям, – сказала я. – Теперь мне пора идти.

- Очень хорошо, – милостиво заявила принцесса. – Но возвращайтесь сегодня вечером.

- Приду, если смогу, – ответила я, стараясь видеть за ее властными манерами одинокого ребенка. – Если я не буду нужна вашему отцу.

- Скажите ему, что я хочу вас видеть. Он всегда дает мне все, что я хочу.

“Итак, – думала я, спускаясь по ступеням, – мисс Аннабель Гамильтон не моя проблема. Или же, – я даже застыла у двери в гостиную, когда меня пронзила новая мысль, – или моя? Может быть, ее отец намекал на то, чтобы я вместо греческого поучила ее хорошим манерам? Она конечно же сможет применить кое-какие мои советы, но боюсь, что я и сама в этом смысле далеко не лучший учитель”. Улыбаясь, я открыла дверь и обнаружила хозяина ожидающим меня.

В то утро он облачился в костюм горца – такой же, какие носили и слуги. Его плед был темной расцветки, по большей части черно-зеленой, с вкраплением нити мрачно-красного цвета; далее – клетчатая шотландская юбка, куртка подходящего серого цвета, а под ней – белая рубашка с открытым воротом. Этот странный костюм очень шел к его высокой фигуре, он словно сошел с портрета одного из вождей шотландских горцев.

- Итак, – приветствовал он меня, – мои шпионы уже донесли мне, что вы провели утро с моей дочерью. Что вы о ней думаете?

- Она достойна жалости. И конечно же она очаровательна.

- О, перестаньте! Разве что она очаровала вас своими откровенными высказываниями насчет вашей внешности, характера и поведения.

- Ни один человек не станет обращать внимания на слова ребенка.

- Ей шестнадцать. Но если это – самое худшее, что вы можете о ней сказать, то она, должно быть, превзошла в сдержанности самое себя. Нет сомнений, что вы ей понравились.

- Я сделала все возможное, чтобы это было так, – отвечала я с улыбкой, вспомнив свои поддельные описания ее величества, принца Альберта и придворного бала.

- Как благородны мы все этим утром! Надеюсь, ваше христианское отношение продержится еще некоторое время, хотя я в этом и сомневаюсь. Но довольно об этом. В ваши обязанности не входит потакать причудам Аннабель. Пойдемте.

Библиотека располагалась напротив гостиной, в главном коридоре западного крыла. Одну

стену целиком занимали окна, оставшиеся три были уставлены книжными полками. Металлическая галерейка, к которой вели несколько довольно мрачных ступенек, также была уставлена полками. Рядом с окнами стоял большой стол, заваленный книгами и бумагами. В сущности, комната была обставлена весьма и весьма привлекательно, но беспорядок был ужасающий. Пыль покрывала в комнате все, кроме разве стола, и, когда мистер Гамильтон закрыл дверь, я услышала за полками скрежет коготков.

Хозяин правильно понял мой выразительный взгляд.

- Вы получите подходящего кота. Хотите начать уже сегодня?

Я в растерянности посмотрела на свои грязные руки:

- Да, после того, как переоденусь. Здесь лучше всего подойдет мое самое старое платье.

- Но я не нанимал вас в качестве горничной, - заметил мистер Гамильтон. - Одна из служанок сделает здесь уборку.

Он открыл дверь и закричал. Вскоре в коридоре раздалось шарканье ног и появился старик, который прошлым вечером сообщал о том, что обед готов. Он был одет все в тот же грязный килт и куртку, или же в их точные копии, и вытянулся перед хозяином, расставив ноги и скрестив руки, не удостоив меня даже взглядом.

- Это - Ангус, - сказал мистер Гамильтон, - мой преданный камердинер, мажордом, дворецкий - называйте его как хотите. Ангус, мисс Гордон намерена привести в порядок эту библиотеку. Пришли, пожалуйста, все для уборки и одну из девушек с кухни.

Глаза старика были посажены глубоко и едва выглядывали из-за костлявых щек и лохматых седых бровей, но я заметила, что они повернулись в моем направлении. Старик пробормотал что-то по-кельтски. Мистер Гамильтон отозвался на том же языке. Это было резкое порицание; не понимая ни слова, я могла заключить это по одному лишь тону. Ангус не сдавался. Взгляд, который он бросил на хозяина, был страшен своей открытой злобой.

- Он - грязный и упрямый старик, - спокойно заметил мистер Гамильтон. - Вам следует игнорировать большую часть его неодобрительных замечаний, как не заслуживающих вашего внимания. Но если они когда-нибудь превысят границы приличия или он проявит неповиновение приказам, немедленно доложите об этом мне.

И они с Ангусом принялись ругаться - другого слова тут не подберешь - насчет того, какую служанку мне назначить, и насчет деталей предстоящей работы. Я стояла и смотрела на них. С первого взгляда они были полной противоположностью друг другу: один - молодой и стройный, другой - старый, сгорбленный и уродливый. И тем не менее... Если бы не сутулость Ангуса, они были бы примерно одного роста, и строение их худощавых лиц было странным образом схоже. Теперь я поняла, почему плед так шел мистеру Гамильтону. Как и Ангус, он был типичным шотландцем.

Ну что же, я это уже знала, ведь Гамильтоны - старинная шотландская фамилия. Я встряхнулась и отбросила пустые мечты, когда Ангус повернулся, чтобы уйти. В первый раз за все время он посмотрел прямо на меня. Я ответила ему таким же пристальным взглядом. Было очевидно, что мы с Ангусом вряд ли сумеем поладить.

* * *

Я назвала “подходящего кота” Тоби, он был готов к выполнению своих обязанностей, и он их выполнял. Поначалу я нервничала, когда из-за полок раздавался мышинный писк, а свидетельством происходящей там битвы был лишь кончик пушистого хвоста Тоби, энергично машущий из стороны в сторону. Позже я стала спокойней относиться к подобным звукам, а кроме того, частота их значительно поуменьшилась, поскольку Тоби, оправдывая свою репутацию, значительно преуменьшил количество грызунов.

Еще в Лондоне я заподозрила, что мистер Гамильтон нанимает меня исключительно из соображений благотворительности. Его библиотека убедила меня в обратном: она действительно нуждалась в заботе. Но благотворительность или нет, я была намерена отработать свое жалованье. Я работала словно раб, в пыли и саже, и даже не заметила, как апрель сменился маем.

Однажды утром, когда я уже взялась за работу, дверь отворилась. Я ожидала, что это прислуга с кухни, и даже не подняла головы, пока огромная тень не загородила мне солнечный свет.

- Вы никогда не задумывались о том, - произнес мистер Гамильтон, - почему леди стараются не допускать в мир профессий? Посмотрите на себя! Ваши волосы покрыты пылью, ваше лицо побледнело, и вы начинаете сутулиться, словно Ангус.

- Моя внешность, сэр, это мое личное дело.

- Совершенно верно. Но ваше здоровье - это уже моя забота. Поскольку вы - мой наемный работник, я приказываю вам каждый день упражняться на свежем воздухе. Вы ездите на лошади?

- Нет, - быстро сказала я, не став добавлять, что лошади меня пугают.

Мне пришлось подчиниться. Когда я вышла во двор, он уже сидел верхом на лошади - высоком сером жеребце, который вращал злыми глазами. Я была рада увидеть, что для меня он выбрал по виду значительно более спокойное животное. Лошадка стояла, прикрыв глаза, и похоже было, что она не прочь прилечь.

Я была решительно настроена не показать мистеру Гамильтону свой страх, так что я угостила лошадку куском сахара, ожидая, что в любой момент огромные лошадиные зубы вопьются в мою руку. Но ищущие губы были мягкими, словно бархат. Несколько успокоенная, я воспользовалась помощью грума и без особой грации вскарабкалась в седло. Мистер Гамильтон с весьма невежливым изумлением следил за моими развевающимися юбками.

- Подтяните колени к седлу, - приказал он. - Не стоит постоянно награждать лошадь столь истерическими пинками. Любое животное, кроме Шалуни, после такого уже давно бы умчалось с вами на спине.

- Шалуни? - Я недоверчиво уставилась на кивающую голову лошадки.

- В юности она была очень резвой, это в конюшне успокоили ее. - Тут мой взгляд достиг его лица, и улыбка покинула его. Он произнес медленно: - К сожалению, натуру, судьбу человека изменить нельзя. Мы остаемся тем, что мы есть; никакое воспитание не может выбить из нас те недостатки, которые вошли в нашу плоть и кровь.

Он повернул своего коня мордой к воротам, оставив за собой туманный шлейф из непонятных и неприятных слов.

Я догнала его уже за изгородью и сказала прямо:

- Вы не можете иметь в виду именно то, что только что сказали. Это - фатализм, он не оставляет никакой надежды на искупление ни для тела, ни для души...

- Я не верю в душу, - резко произнес он. - Я обращаюсь к физическому, животному началу.

Я понимала, что он ждет моей реплики, поэтому ответила чопорно:

- Мне нет никакого дела до ваших убеждений. Но я не согласна с любым из ваших умозаключений.

- Ну конечно, вы не согласны. При всей вашей смысленности, вы - весьма неземная юная особа. Вы всегда верите в лучшее во всем и в каждом?

- Ну почему? Нет, - сказала я. Горечь, звучавшая в его словах, застала меня врасплох.

- Вы ведь знаете, что в мире существует зло, что не каждому следует доверять или верить? Сомневаюсь, чтобы вы этим руководствовались. Откуда, в конце концов, вам было узнать столь неприглядную правду? Разумеется, не от вашего отца.

Его руки ослабили поводья. Его конь остановился. Мы глядели друг на друга, и я почувствовала, что вынуждена опустить глаза - таким пристальным был его взгляд.

- У нас был мясник, - сказала я, стараясь перевести разговор в более легкомысленное русло. - И вскоре мне пришлось узнать, что он не заслуживает доверия. Баранина вместо ягненка, говядина вместо телятины...

- Но ведь вам не пришло в голову применить урок, полученный от мясника, к человеку, который предложил вам место в отдаленном загородном доме? Что, ради всего святого, заставило вас приехать сюда со мной?

Он наклонился вперед, руки сжаты на луке седла, лицо потемневшее и злое. Я не могла отодвинуться, не тронув с места свою лошадь, которую нелегко было заставить сделать хотя бы шаг. Я чувствовала, как тяжело забилося мое сердце.

- Существует... существует такая вещь, как правосудие, - нерешительно начала я. И, к моему облегчению, его мрачное лицо несколько просветлело.

Он снова взялся за поводья.

- Это сойдет. Хорошо, что вы не заговорили о своем женском чутье, потому что я не смог бы вынести такого рода возражения.

Мы ехали дальше в молчании, следуя изгибам вьющейся тропки, которая карабкалась на холм позади дома. Я была занята, во-первых, тем, чтобы удержаться в седле, а во-вторых, мысленно продолжала разговор, который он оборвал так резко. И для меня стало настоящим сюрпризом, когда передо мной поднялись грубые стены Черной башни.

Мистер Гамильтон, отпустив поводья, въехал под мрачные своды, поднимавшиеся над фундаментом. Камни были грубыми и невероятно массивными; погода и время делали их все темнее, пока они не достигли существующего оттенка, благодаря которому башня и получила свое имя. Я направила Шалунью к стенам и тронула рукой камень, который оказался холодным

и грубым.

- Это была каменная крепость, - размышляя, сказала я. - Разве могло такое сооружение когда-нибудь пасть?

- О Черной башне ходят разные сказки, - безразлично произнес мистер Гамильтон. - В древности возлюбленная хозяина Данноха предала его. Его враги перерезали ему горло у ее ног, а потом прирезали и ее, в награду за предательство. Вы выбрали плохое место для уединения, мисс Гордон. Шотландские горцы никогда не были цивилизованными, и всякий горец - все еще свирепый зверь в юбке.

Я улыбнулась ему, отказываясь схватить наживку, и через мгновение он скрылся за южным углом башни.

Вершина холма была не слишком велика - почти целиком ее занимала башня, окруженная мрачными уступами. Сразу под ногами лошади уступ обрывался в отвесный каменистый склон, кончавшийся далеко в мрачном ущелье. Холмы на западе были ниже тех, которые вставали сейчас перед нами, и за ними я могла разглядеть вересковые пустоши, уже покрытые легкой дымкой светлой зелени. Темная поверхность дороги, петляя, скрывалась из виду и, наконец, исчезала совсем, изгибаясь и уходя к югу - к Эдинбургу и к Лондону.

С усилием я отвела глаза от дороги, и отогнала мысли, которые она пробуждала, и посмотрела вниз, на расстилавшийся под нами склон. Разумеется, наш путь лежит не туда. По этому каменистому склону могли бы пройти разве что горные козы или стадо привычных овец. Об этом я и сообщила мистеру Гамильтону.

- Вы позабыли еще об одном животном, о человеке, - ответил он. - Видите внизу дымок? Дом принадлежит одному из моих арендаторов. Когда у него находится ко мне дело, он взбирается по круче прямо здесь. Посмотрите, вы даже можете разглядеть тропинку.

Да, там было что-то вроде тропинки; она пробиралась меж камней и искривленных сосен, которые изо всех сил цеплялись за эту горькую землю. Да, здесь можно было вскарабкаться. Но если бы карабкавшийся поскользнулся, он бы покатился вниз, сопровождаемый лавиной камней, и катился бы так, пока не достигнул бы дна долины.

- Я бы не решилась прогуляться по этой тропке, - признала я.

- Это не так трудно, я это проделывал. Но теперь оглянитесь вокруг.

Передо мной, словно карта, расстилалась равнина, с высоты выглядывавшая такой чистой и мирной; едва различимые серые каменные домишки тонули в зелени; на горизонте возвышались прекрасные нагие холмы. Потом я посмотрела налево. Внизу лежал Блэктауэр.

Раньше я не осознавала его размеров и значительности. Центральная часть его, должно быть, была такой же древней, как и башня. Она была выстроена из того же потемневшего от времени камня, с двумя башенками, расположенными у старого входа. Правое и левое крыло возводились из более легкого камня; окна в них были шире, а стены - тоньше, чем в центральной части здания. По одну сторону к дому примыкали конюшни и дворовые строения. Даже в ярком весеннем свете дом не казался привлекательным жилищем.

Я повернулась к дому спиной и посмотрела в противоположном направлении. Мое внимание привлекла яркая вспышка, похожая на отражение солнца в какой-то полированной поверхности.

- Что это? - спросила я, указывая туда.

- Должно быть, это окна Гленгарри. Странно, как сильно бьет в них солнце. Это ближайшее к нам поместье. Оно всегда принадлежало Данбарам, но многие годы дом пустует.

Мистер Гамильтон привстал в стременах, глядя на далекое сияние. Когда он снова опустился в седло, я не смогла определить по выражению его лица, разглядел ли он там что-то или нет. Первое казалось маловероятным - слишком велико было расстояние.

Глава 4

После этого мы стали выезжать по несколько раз в неделю; весну постепенно сменило лето. Это роскошное время года было в горах Шотландии прохладным и непродолжительным, однако обладало своеобразной суровой Красотой. Березы и рябины покрылись свежей зеленой листвой, а вереск зацвел лиловым. Когда погода была хорошей, в чистом воздухе окрестности были видны на много миль вокруг. Мистер Гамильтон показал мне отдельные пики и назвал их старинные кельтские имена - Бен-Макдьои, Бен-Авон, Бен-на-Боурд. Как-то ясным утром он показал мне крошечную пирамидку далеко на западе, почти на горизонте, которая называлась Бен-Невис и была расположена более чем в тридцати милях.

В то утро, после того как мы вернулись с прогулки, я направилась в комнату мисс Гамильтон. Теперь я стала называть ее Аннабель, а она называла меня Дамарис, но мы были все еще далеки от близкой дружбы. В тот день надушенная духота комнаты после свежего воздуха холмов показалась мне нестерпимее, чем обычно. Я подошла к одному из окон и, толкнув, заставила его широко распахнуться.

Аннабель издала пронзительный визг:

- Немедленно закройте! Я не выношу холодного воздуха!

- На улице не так уж холодно, свежий воздух вам не повредит. Только посмотрите, какое солнце!

Я подошла к кровати и стала рядом, чтобы убедиться, что в комнате нет сквозняка. Кровать была превосходно защищена пологом, а девушка, сгорбившись, восседала там, подобно маленькому султану в шелковом шатре.

- День за днем дышать спертым воздухом - это очень вредно, - произнесла я. - Разве вы никогда не покидаете своей комнаты?

- Вы забыли, - голубые глаза обожгли меня злым взглядом, - я ведь калека.

- Но я ведь ничего не знаю о вашем состоянии. Как вы получили свои увечья?

- Когда я была маленькой, я упала в воду. Сначала ручей очень широк и глубок, а потом он превращается в водопад... Я провела в ледяной воде четыре часа.

- Если вы так долго пробыли в воде, почему же вы не утонули?

- Течение выбросило меня на камни, - бойко отвечала Аннабель. - Моя голова оказалась над водой, но мои ноги остались погружены в поток. Их парализовало.

Я присела рядом с ней на кровати.

- Я некоторое время изучала анатомию - вместе с моим отцом. Вы позволите мне взглянуть на ваши ноги?

- О, пожалуйста. - Аннабель откинулась на подушке и рассерженно посмотрела на меня. - Только не воображайте, что разбираетесь в медицине. Вы просто любопытная особа, как и все остальные слуги.

Последнее замечание я пропустила мимо ушей, поскольку это, по-видимому, был лучший способ реагировать на ее оскорбления, и сдернула одеяло. Ее слабые, бледные ноги были тонкими, как у ребенка. Однако на них не было шрамов, да и сами кости, похоже, были невредимы.

Наконец я натянула на нее покрывало и расправила его.

- Странно, - сказала я себе. - На мой взгляд, все в порядке.

Я пожалела об этих словах сразу же после того, как они у меня вырвались. Аннабель резко повернула голову. Одно мгновение мы смотрели друг на друга, я - с тревогой, а она - как бы это сказать точнее... в ее блестящих глазах светилась ясная и несомненная мысль, мысль, которую я должна была немедленно развеять, пока она не сумела превратиться в надежду. Не мое дело было предлагать ей подобные идеи. Моя беспечность происходила оттого, что мои слова опередили мои мысли.

- Но, разумеется, я не врач, - быстро сказала я. - Доктор, должно быть, поставил диагноз - а у вас должен был быть самый лучший доктор - сразу после несчастного случая.

- Я не помню никаких докторов, - произнесла Аннабель. - После того как умерла моя мать, здесь все пошло кувырком.

Это был первый раз, когда кто-то при мне упомянул вслух покойную миссис Гамильтон. В приступе любопытства я позабыла обо всем остальном.

- Когда она умерла? - спросила я.

- Когда я родилась. Я убила ее. Именно поэтому, - спокойно продолжала девушка, - мой отец меня ненавидит.

- Аннабель! Как вам могла прийти в голову такая дикость?

- Это не дикость. Это - правда!

- Ну, разумеется, помнить этого вы не можете. И я убеждена, что миссис Кэннон никогда не говорила вам ничего подобного.

- Никто не говорил мне! Это словно в романе под названием "Тайна лорда Эллсворса". Моя мама была очень красивой, и мой отец страстно любил ее. Он ненавидит меня за то, что я убила ее. Знаете, я кое-что вам покажу, если только вы обещаете сохранить все в секрете. Я никогда никому это не показывала.

В руках девушки оказался овальный кусочек дерева примерно пяти сантиметров в длину. Она протянула его мне:

- Это моя мать. Разве она не была красавицей?

Я с сомнением взглянула на портрет – то была миниатюра на слоновой кости, пожелтевшей от времени. Позолоченная рамка была потерта. Лицо было одним из тех жеманных лиц, какие украшали модные журналы, – с круглыми щечками, с губками, похожими на бутон розы, и с томными темными глазами. Черные волосы падали локонами на пухлые белые плечи.

– Она – красавица, – лицемерно согласилась я. – Благодарю за то, что вы показали мне ее.

Аннабель заставила меня закрыть глаза, пока прятала свое сокровище в тайник, а потом я поднялась, чтобы идти. Странное впечатление, что в этом портрете что-то не так, все еще не покидало меня. Я была уже почти у двери, когда вспомнила то, о чем намеревалась сказать раньше.

– Почему бы вам ненадолго не спуститься вниз после обеда? Один из слуг мог бы вас перенести.

– О нет. – Аннабель снова откинулась в подушки.

– Но я уверена, что это вам не повредит. Давайте спустимся прямо сейчас, я хочу, чтобы вы посмотрели, что мне удалось сделать в библиотеке. И вы должны познакомиться с Тоби.

– Кто такой Тоби? Слуга?

– Нет, не слуга. Я не скажу вам, кто он такой. Вы должны спуститься и сами посмотреть.

– Ну... ну хорошо. – Она ответила мне слабой улыбкой, которая сделала ее почти хорошенькой. Однако Аннабель не была бы собой, если бы не попыталась оставить за собой последнее слово. – Если мне это повредит, это будет ваша вина.

Но я была готова рискнуть. Мне думалось, что опасность, угрожающая ее телу, несравнима с опасностью, которая грозит ее разуму, если она и дальше будет оставаться в изоляции и погружаться в мрачные размышления в своей одинокой комнате. Она уже почти утратила способность отличать факты от фантазий. Например, эта дикая история о ее матери...

Я остановилась посреди холла, пронзенная новой мыслью. Эта история была дикой; но могла ли я быть уверена в том, что она не соответствует истине? Я ничего не знала об истории семьи. И если я хочу помочь Аннабель, я должна кое-что о ней разузнать.

Я знала, что то было лишь оправдание для моего бесстыдного любопытства. Но оно давало мне мужество продолжать оставаться любопытной. Я решила поговорить с миссис Кэннон.

Разговор с миссис Кэннон был не таким простым делом, как кому-то может показаться. Ее интересовали в жизни только три темы: еда, па-ряды и недостойное поведение прислуги. Сколько бы я ни пыталась перевести разговор на другой предмет, она всякий раз слабо улыбалась и начинала похрапывать. И тем не менее я еще не встречала пожилых леди, которые не любили бы посплетничать, и потому в тот день я отправилась обедать в ее комнату с твердой решимостью вытянуть у нее все, о чем мне хотелось знать.

Когда мы покончили с основной частью трапезы – а все это время внимание леди было целиком и полностью поглощено обедом, – я спросила самым непринужденным топом:

– Сколько лет прошло с тех пор, как скончалась миссис Гамильтон?

– Миссис Гамильтон? – Почтенная леди моргнула и добавила в чай две лишних ложки сахара.

Наконец она выдавила: – Пятнадцать лет. Или, может быть, шестнадцать? Аннабель шестнадцать. Значит, это было примерно четырнадцать лет назад.

Я неслышно вздохнула. Ну что ж, я и раньше знала, что этот разговор будет нелегким.

– Как же она умерла? Она скончалась при родах?

– При родах? – Миссис Кэннон задумалась, ложечка застыла над ее чашкой. – О нет. Вовсе не при родах. Аннабель было два годика, когда ее матушка покинула нас. Она – ее единственное дитя. Других никогда не было...

– Но отчего умерла леди?

– Отчего? Дайте вспомнить. Чахотка – или плеврит? Меня здесь тогда не было. – Миссис Кэннон опустила ложку и отхлебнула сладкого, как патока, чая. – Меня пригласили на это место уже после смерти миссис Гамильтон – я ведь нахожусь в отдаленном родстве с этой семьей, как и вы, моя дорогая. И скажу я вам: в хорошем же состоянии я нашла дела, когда приехала!

– В самом деле?

– Только представьте себе: хозяин уволил в доме всех слуг до единого. Я допускаю, что он обвинял их в небрежности – тот несчастный случай с ребенком, вы знаете. Когда я приехала, она все еще была очень больна, да и он сам, бедняга, не вставал с постели.

Я только открыла было рот, чтобы прояснить кое-что, но опоздала. Голова миссис Кэннон уже завалилась набок. На губах ее играла блаженная улыбка, глаза закрылись. Потихоньку, на цыпочках, я вышла из комнаты.

Мистера Гамильтона я обнаружила во дворе. Он как раз садился в седло, чтобы отправиться в путь. Иан держал его стремя, и я взглянула на грума с интересом. Я всегда предпочитала его другим слугам; он был спокойным, но не угрюмым, и всегда любезно говорил со мной. Правду сказать, он был весьма привлекательный молодой человек – высокого роста, с приподнятыми скулами и узким смуглым лицом, как и большинство виденных мною шотландцев. И я подумала, что Бетти могла бы присмотреться к нему повнимательней.

– Я хочу, чтобы сегодня вечером Аннабель спустили вниз, – сообщила я ее отцу. – Это ей не повредит?

Руки мистера Гамильтона ослабили поводья; его норовистый серый жеребец подался вперед и нетерпеливо встал на дыбы.

– Это ей не повредит, – произнес мистер Гамильтон. – Но вы... вы что, сошли с ума?

Под любопытным взглядом Иана и полудюжины других слуг, слонявшихся вокруг, я едва ли могла объяснить хозяину причины. Так что я просто молча вернула мистеру Гамильтону взгляд, и через мгновение его губы растянулись в неуверенной улыбке.

– Нет, конечно, вы же никогда не соизволите объясниться, не так ли? Очень хорошо. Иан, отправляйся с мисс Гордон и перенеси Аннабель... Куда? В библиотеку? Мисс Гордон, вы пытаетесь вывести меня из себя? Ну хорошо, будь по-вашему. В библиотеку. Но к четырем пусть она оттуда убирается. Потому что комната понадобится мне самому.

Иан, пристально глядевший куда-то в пространство, остался глух и нем; но я... я пылала гневом, пока вела его в дом и поднималась с ним вместе по лестнице. Со стороны мистера Гамильтона было исключительно жестоко говорить так о своей дочери, да еще и в присутствии слуг.

Мы нашли Аннабель наряженной в затейливое платье из голубого шелка, которое застегивалось впереди дюжиной крошечных пуговиц. В сильных руках Иана она с легкостью проделала путь вниз по лестнице, а после того, как он ушел, я тщательно укутала ее колени пледом и отошла, чтобы полюбоваться своей работой.

Некоторое возбуждение, похоже, пошло ей на пользу. С легким удивлением я осознала, что, если бы ее щеки цвели здоровым румянцем, а ее лицо хранило счастливое выражение, она была бы хорошенькой. Аннабель оглядела комнату с ее аккуратными полками и рядами книг.

- Выглядит очень мило, - снисходительно сообщила она. - Ну и где же этот ваш Тоби?

Я вытащила его из его любимой берлоги - за полкой с двенадцатью толстенными томами "Истории" мистера Юма. Тоби больше не походил на одичавшую злую кошку из конюший; мышьяная диета пошла ему на пользу, и он стал толстым и гладким. Его черная шерстка сияла, а усы сверкали чистотой. Будучи весьма терпимым по натуре, он всегда был готов завести новое знакомство. Тоби немедленно устроился на коленях Аннабель и замурлыкал.

Я сказала Иану, чтобы он пришел за нами в четыре. Когда слуга появился, Аннабель сморщила личико, словно капризный ребенок:

- О, неужели я уже должна уходить? Я совсем не устала - правда, ну ни капельки.

Я, разумеется, вовсе не собиралась сообщать ей истинную причину того, почему мы должны освободить библиотеку ровно в четыре. Так что я просто сказала, что на первый раз ей не следует слишком утомляться. Она покорилась, я даже не ожидала, что она будет так милостива, и Иан унес ее.

То был первый из наших маленьких вечеров, которые теперь устраивались несколько раз в неделю. Нам было тактично дано понять, что на два часа в день комната в нашем распоряжении, и в это время нас никто не беспокоил. Но однажды случилось непредвиденное. Иан опоздал прийти, а мистер Гамильтон вернулся раньше обычного.

Аннабель дразнила Тоби с помощью перышка, а он лежал на спине у нее на коленях, больше похожий на котенка, чем на взрослого кота, который тяжким трудом зарабатывает себе пропитание. Когда дверь отворилась, Аннабель подняла голову, и ее лицо мгновенно застыло. Эта перемена в выражении ее лица настолько меня поразила, что я обернулась к своему работодателю с видом, который ни в каком отношении нельзя было счесть почтительным.

- Добрый вечер, Аннабель. Добрый вечер, Тоби. - Хозяин подался вперед, в эту минуту он казался просто огромным.

- Вы знаете Тоби? - на секунду забывшись, с удивлением воскликнула Аннабель.

- И очень хорошо. Он сидит у меня на столе, когда я пишу письма, и постоянно меня критикует.

Мистер Гамильтон склонился над креслом дочери и коснулся пальцами головы кота. Исподтишка он наблюдал за своей дочерью. В его взгляде было любопытство и слабое

удивление.

Заслышав в коридоре грохот шагов, я повернулась к двери, куда уже входил Иан – необыкновенно раскрасневшийся и взволнованный.

- Прошу прощения, мисс! Сэр! Я задержался...

- Ничего страшного, Иан, – ответила я.

Мистер Гамильтон промолчал.

Я поднялась вверх с Аннабель, которая снова стала той надутой девицей, какой я знала ее раньше. Нет, спасибо, она не нуждается в том, чтобы я уложила ее в постель – ее горничная Дженет уже ожидала ее, – но мне было необходимо выиграть время, чтобы собраться с мыслями. Уже несколько раз я пыталась набраться мужества, чтобы поговорить с хозяином о его дочери, и каждый раз у меня не хватало духу. И я хотела увериться, что целиком и полностью держу себя в руках, прежде чем отправлюсь в библиотеку. Всякий, кто собирался спорить с Гэвином Гамильтоном, должен был призвать на помощь всю свою сообразительность.

Когда я ворвалась в библиотеку, хозяин сидел за столом. Взглянув, кто вошел, он кивком показал мне на стул. Я села. И потом, прежде, чем я успела открыть рот, он совершил нечто такое, что заставило меня едва не задохнуться от его намеренной грубости. Он потянулся к папке на столе, вытащил из нее целую пригоршню банкнотов достоинством в один фунт и протянул их мне.

- Ваша первая заработная плата за квартал, – сказал он.

Я бездумно взяла деньги и вспыхнула.

- Я хотела поговорить с вами об Аннабель, – сказала я, свирепо глядя на него. – Во-первых, я хотела поговорить о ее физическом здоровье. Чем она больна? Почему не может ходить?

- Не имею никакого представления, – с полным безразличием ответил хозяин. – Доктора много лет назад сказали мне, что они не могут найти объяснения ее состоянию. Впрочем, так же, как и я.

- Вы... значит, вы обращались к докторам?

Все это время он сидел откинувшись на спинку стула и лениво покачиваясь на двух его задних ножках. На сей раз передние ножки с грохотом опустились на пол, и мистер Гамильтон наклонился над столом, вперив в меня сердитый взгляд:

- В каком это убийственном грехе вы меня заподозрили, Дамарис?

- Что же... Меня беспокоит состояние ее ума. Мне хотелось привести ее вниз, спустить с небес, подарить ей новые интересы, потому что я весьма обеспокоена некоторыми ее фантазиями. Когда-то она сочиняла и рассказывала себе романтические сказки, а теперь она уже в них верит.

- Какого рода сказки?

- Например, о своей матери. – Передние ножки стула снова опустились, но я упрямо продолжала: – Она рассказывала мне, что ее мать умерла, когда рожала ее.

- Это неправда. Мать Аннабель умерла от тифа. В Лондоне. Вот. Что дальше?

- Больше ничего.

- Я напугал вас, - произнес мой хозяин куда более мягко. - Прошу извинить, мисс Гордон.

Раньше он называл меня Дамарис. Я ничего ему не ответила. Я была слишком смущена и сбита с толку, чтобы придумать, что бы такое сказать. И я едва ли смогла бы отрицать, что он испугал меня, ведь это действительно было так - но совсем, совсем немножко!

Когда мистер Гамильтон снова заговорил, я поняла, что разговор на эту тему окончен раз и навсегда.

- Завтра я должен ехать в Эдинбург. Некоторое время я проведу вдаль от вас. Может быть, вам что-нибудь нужно? Хотите передать кому-нибудь весточку?

- Нет. Благодарю вас.

Он жестом показал, что отпускает меня. Его движение было одновременно высокомерным и небрежным. И я тихо, как мышка, шмыгнула вон из комнаты.

* * *

Он уехал на следующее утро, на рассвете. После завтрака я в одиночестве вышла прогуляться - у меня было одно дело, к которому я не осмеливалась приступить, пока хозяин был в доме. Я искала мать Аннабель.

В поместье не было ни церкви, ни какого-либо другого местечка, свидетельствующего о религии. Раз в месяц сюда приезжал священник, чтобы провести богослужение в доме кузнеца - самом большом в деревне - или чтобы сочетать браком или отслужить заупокойную службу по тем жителям деревни, кто нуждался в подобных услугах. Тот же, кому необходимо было незамедлительно получить религиозное утешение, должен был идти пешком или ехать на лошади через хребет в Каслтон. Но здесь имелось небольшое кладбище; если ехать на лошади, то не так уж и далеко от помещичьего дома, и я направила Шалунию именно туда.

Сосны, навевавшие печаль даже при свете дня, склонялись над низкой каменной стеной, окружавшей кладбище. Земля была жесткой и поросла сорняками, могилы едва обозначались в зарослях утесника. Большинство низких плит были из местного гранита, с неумело вырезанными эпитафиями, а чаще всего на них значилось лишь имя и даты рождения и смерти.

Я отпустила поводья лошади; мне не было нужды привязывать ее, поскольку по собственному почину она никогда не сделала бы и шага. Я отправилась посмотреть могилы.

В северном углу, отделенная от смиренных могил деревенских жителей шаткими железными перилами, находилась усыпальница Гамильтонов. Большинство могил были очень старыми, ветер обтесал их камни почти до гладкости; на одной я разобрала дату, которая походила на 1578. Подавляющая часть могил Гамильтонов, сохранившая надписи, относилась к XVI веку и началу XVII, но было и несколько более поздних памятников.

В доме никто меня не тревожил. Невидимая и предоставленная самой себе, я бродила по коридорам. Я проходила с высоко поднятой свечой комнату за комнатой - все они были пусты. Поразительно, что нигде в доме не было никаких следов женщины, бывшей здесь некогда

хозяйкой, – ни платьев, которые она могла бы носить, ни кровати, на которой она могла бы спать, ни безделушек, которых она могла бы касаться.

Я побывала в старой детской, где ребенком жила Аннабель. Все в этой комнате оставалось нетронутым; игрушки были навалены грудями и покрывались пылью на потемневших полках. Я коснулась тряпичной куклы, и раскрашенная головка китайского фарфора покатила вдоль полки и наконец остановилась у моих ног, откуда продолжала улыбаться мне слабоумной улыбкой. Я даже вторглась в спальню мистера Гамильтона – строгую комнату, ход в которую шел из поперечного коридора западного крыла, в значительном отдалении от моей комнаты и комнаты миссис Кэннон. Ни одна женщина никогда не разделяла с ним этой спальни.

После того как я исследовала западное крыло, мне пришлось остановиться. Остальная часть дома со всей очевидностью была необитаема уже долгие годы. Но от этого меня лишь сильнее охватил азарт. Не было сомнения в том, что где-то непременно должен был остаться след пребывания, существования на свете матери Аннабель. Не только горем ее мужа следовало объяснить это намеренное, систематическое удаление из дома любого предмета, который мог ей принадлежать. Скорее все это походило на то, что кто-то пытался отрицать, что она вообще когда-либо жила на свете.

В четверг я решила исследовать Главный зал и прилегающие к нему комнаты. Я взяла с собой Тоби. Как и все коты, он обожал исследовать новые места, а я чувствовала необходимость обзавестись товарищем в путешествии по темным коридорам.

На улице с тоскливой постоянностью лил дождь, и туман застилал окна в тот день, когда я толкнула дверь под главной лестницей и шагнула в выстланный камнем коридор, который вел к залу. Свеча заплясала на сквозняке. Даже Тоби казался подавленным. Он трусил прямо у моих ног, словно маленькая черная собачонка, и даже ни разу не мяукнул.

При свете дня зал не был таким мрачным, как ночью, но в своем величественном запустении все же оставался весьма печальным зрелищем.

Подогнанные друг к другу плиты поблескивали от сырости. Высоко-высоко в восточной стене виднелся целый ряд окон с покрытыми пылью желтыми и красными стеклами, проходя через которые неяркий дневной свет приобретал мрачный оттенок огня, смешанного с дымом. Прямо напротив главной двери, у которой я стояла, была галерея для менестрелей. Я могла разглядеть только высокую резную балюстраду потемневшего дерева. Четвертую стену, ту, что напротив окон, украшал невероятных размеров каменный камин. Вдоль дымовой трубы была развешана коллекция проржавевшего оружия – старинные палаши и копья, длинный кортик или кинжал, лезвие которого было покрыто бурыми пятнами – возможно, это была ржавчина или... Еще там была пара одинаковых рапир для фехтования.

В центре комнаты красовался длинный стол со стоящими рядом двенадцатью стульями – я пересчитала их почти бессознательно, в попытке успокоить нервы. У каждого стула была высокая спинка, а сиденья и подлокотники были покрыты бархатом. Больше мебели в комнате почти не было – разве что резной дубовый сундук по одну сторону от камина да под окнами ряд шкафов для одежды, обитых железными ободьями. Я не могла разглядеть, было ли что-нибудь у той стены, которая тянулась под галереей, – эта часть комнаты тонула во мраке.

Я попыталась открыть один из шкафов. Поначалу я было подумала, что он заперт, но потом жесткие петли поддались с жалобным скрипом, и я едва не упала назад. Полки внутри были уставлены блюдами и стеклянной посудой. Фарфор был толстым и грубым, но украшенным гербами – я решила, что это и есть герб Гамильтонов. И все это было покрыто толстым слоем

пыли.

Я вытерла пальцы о юбку и огляделась. Древнее оружие и старая мебель могли бы заинтересовать опытного антиквара. Но сегодня я не была антикваром; я была только любопытной девицей, любящей совать нос в чужие дела, и здесь для меня не было ничего интересного.

Я прошла через комнату и под галереей для менестрелей обнаружила массивную дубовую дверь, обитую гвоздями. К моему удивлению, она легко отворилась. Петли были смазаны совсем недавно. Стоя в проеме двери, я подняла повыше мою пляшущую свечу и разглядела еще один проход с каменным полом. Он был погружен в смоляную темноту. Ни одного огонька не засветилось мне в ответ, конец коридора был погружен в кромешную тьму.

Неожиданно Тоби, до того жавшийся у моих ног, выгнул спину и зашипел.

Подобный звук в подобном месте – этого было вполне достаточно, чтобы я затряслась от страха. И вслед за тем я увидела то, что до меня определили острый нюх и тонкий слух животного. Что-то надвигалось на нас из темного конца коридора.

Ноги мои приросли к месту. Я была не в состоянии двинуться, чтобы укрыться хотя бы в сомнительной безопасности зала. Когда нечто приблизилось, я услышала звук шаркающих ног и хриплое дыхание астматика. Все это придало мне мужества. Что бы такое к нам ни приближалось, это было нечто живое, поскольку оно все-таки дышало.

Наконец лицо пришельца оказалось в желтом круге света свечи. В первое мгновение я его не узнала, так гротескно изменил черты этого лица мерцающий неверный свет. Рот незнакомца был открыт, обнажая ряд коричневых неровных зубов.

- Ну, так я и думал, – пробормотал надтреснутый голос. – Шныряете все, в доме всюду суете свой нос. Подумать, так вы уже здесь хозяйка.

Разобрать, что говорит Ангус, было вовсе не просто, даже когда он изо всех сил старался говорить на своем отвратительном подобию английского, но сейчас я сразу поняла его. В одно мгновение избавившись от суеверных страхов, я нахмурилась, глядя в его уродливое лицо.

- Как вы осмелились сказать мне такое!

- Ох, я-то знаю, все Гамильтоново хозяйство через годик будет твоим – лукавая ведьма! Лучше бы среди нас появился сам дьявол!

- Простите, но мне здесь ничего не нужно!

- Ты врешь, – любезно отвечал Ангус. – Но его тебе не получить – только не Гамильтона. Про все остальное сказать не могу... – И он испустил несколько надтреснутых хрипов, которые, судя по всему, означали смех.

Определенно, Ангус в хорошем настроении был несколько более терпим, нежели Ангус, застигнутый врасплох. И все же я невольно отступила на шаг, чтобы оказаться подальше от этой отвратительной пародии на веселье. Голова Ангуса последовала за мной, высунувшись из хламиды, словно голова древней черепахи. Его морщинистая желтая клешня потянулась следом и ухватила мою руку.

- Его не получишь, – повторил он. – Достаточно он имел дела с женщинами, той, другой,

хватило.

Я не могла двинуться, даже если бы и хотела. Костлявые пальцы сдавили мою руку, как тиски.

- Какой другой? - Я едва узнавала свой собственный голос. - Вы имеете в виду миссис Гамильтон, не так ли? Ангус, ведь вы тогда были здесь. Я знаю, что были. Что произошло с миссис Гамильтон? Как она... как она умерла?

Искривленные пальцы Ангуса ослабили хватку. Он заморгал, глядя на меня, словно был сильно испуган.

- Спроси хозяина, - пробурчал он.

- Что вы хотите этим сказать?

- Есть только один, который знает. - Голос старого слуги понизился до хриплого шепота. - Она уехала, в один день, четырнадцать лет па-зад - туда, где холмы. И он поскакал за ней. И она уже не вернулась. Никто никогда уже не видел ее живой - только Гамильтон. - Он схватил мое запястье и согнулся вдвое в пароксизме всхлипывающего хохота. - Ну же, спроси Гамильтона, как она умерла! Что в тебе его не спросить?

Когда наконец мне удалось улизнуть - Тоби не отставал ни на шаг, урча позади меня, - вслед мне раздался смех Ангуса, похожий на хохот гоблина.

Глава 5

Мне не давал покоя вопрос, почему хозяин держит в доме такого демона, как Ангус? Между ними, похоже, никогда не было особой любви; я частенько видела, как глаза Ангуса загораются ненавистью, когда он смотрит на человека, которому поклялся служить. А мистер Гамильтон презирал Ангуса. И тем не менее, когда с Аннабель случилось несчастье, он отверг помощь других слуг и оставил одного только Ангуса...

Чтобы развеяться, я вышла пройтись и случайно оказалась у парадных дверей дома, между двумя высокими соснами, стоявшими по флангам подъездной дорожки. Сразу за соснами дорога заворачивала на скотный двор. Под одним из деревьев красовался большой камень, похожий формой на грубое кресло. Я уселась там, в тенистом холодке сосны.

Отсюда я могла видеть всю долину, нежные голубые склоны казались совсем близкими. Я вдруг осознала, что не смотрю ни на птиц, ни на склоны гор. Мои глаза были прикованы к дороге, идущей в Эдинбург, по которой в любой день мистер Гамильтон мог вернуться домой.

Я хотела, чтобы он вернулся. Мне казалось, что стоит мне его увидеть, как черные, ужасные подозрения, поселившиеся в моем сознании, померкнут, улетучатся, и окажется, что это - болезненное воображение, и ничего больше. Я сама создала тайну там, где была лишь естественная для мужчины сдержанность по отношению к его личным чувствам, а злой старый слуга попытался напугать меня. Мне просто нечем было занять свою голову. Поскольку мистер Гамильтон уехал, я лишилась наших прогулок верхом. Я скучала по ним. Я скучала по нему...

О, нет! Было бы умнее найти себе какое-нибудь здоровое занятие - что-нибудь утонченное, приличествующее леди, что-нибудь, что требует сосредоточенности и внимания. Дикая красота раскинувшейся передо мной картины подсказала мне ответ. На следующий же день я взяла свой планшет для набросков и карандаши и уселась на камень под сосной. Не могу сказать, чтобы мои усилия увенчались успехом; тяжелая красота пейзажа была слишком

грандиозна для моих любительских способностей.

Как-то после полудня я сидела на своем обычном месте и рисовала. День был таким ясным, что я могла видеть лиловые тени в ущельях и кустарники, покрывавшие склоны Бен-Макдьюи, а воздух был таким теплым, что я расстегнула две верхние пуговицы моего лифа. Работа продвигалась. Теперь, если мне удастся прочертить линию деревьев под утесом... я подняла глаза от наброска. И тут же вскочила на ноги, позволив и наброску и карандаша посыпаться на землю. Прямо передо мной на лошади сидел джентльмен. Это был очень привлекательный юноша, элегантный блондин.

Не успела я двинуться, как прекрасное видение уже спрыгнуло с лошади. Юноша заставил меня сесть снова, собрал мои рисовальные принадлежности и весьма горячо принес мне свои извинения.

- Не стоит извинений, сэр, - ответила наконец я, несколько придя в себя. - Я была погружена в работу, вашей вины здесь нет.

- Я видел, что вы увлечены. - Молодой джентльмен взгляделся в мой измятый рисунок. - Какая тонкая работа! Восхитительный вкус! Любой может сказать, что вы учились рисованию у самых лучших мастеров.

- О нет. Мой отец...

- Да, конечно. Мне известна его репутация в ученом мире.

- В самом деле? - Я внимательно изучала джентльмена. Он не походил на человека, который мог бы с обожанием относиться к весьма сложной для понимания эрудиции моего отца, и при ближайшем рассмотрении я обнаружила в нем одну не слишком приятную особенность - он не отвечал на мой взгляд прямым взглядом.

Я положила карандаш и застегнула лиф.

- Вы кого-то ищете? - спросила я. - Полагаю, вы здесь впервые.

- О, прошу меня простить! - Джентльмен изящно поклонился. - Я - сэр Эндрю Эллиот. Мы с сестрой сняли на лето Глендэрри. Моя сестра, леди Мэри, не совсем здорова. Нам рекомендовали воздух высокогорья.

- Мне жаль услышать о нездоровье вашей сестры. Она принимает визиты?

Голубые глаза сэра Эндрю посмотрели в сторону.

- Что до этого, ее здоровье подвержено изменениям, день на день не приходится...

Я не стала настаивать. Разумеется, у меня не было никакого желания натягивать на себя капор и перчатки, да еще и брать зонтик, чтобы наносить кому-то формальный визит. Даже если от секретаря требуется, что он будет наносить подобные визиты! Но я полагала, что скорее нет.

Сэр Эндрю нарушил мои праздные размышления:

- Я вижу, вы также ущемлены в общении с равными себе. Я полагаю, что вы носите траур по его лордству, или я должен был сказать - по лорду Данноху?

- Лорд Даннох? - в изумлении повторила я. - Разумеется, мне известно его имя; говорят, что он

- один из самых богатых пэров Шотландии. Но я едва ли могла носить по нему траур, даже если бы узнала о том, что он почил в Бозе. Но я об этом не слыхала.

Мои слова изумили сэра Эндрю так же сильно, как его вопрос удивил меня. Его рот открылся, и он уже собрался было что-то сказать, когда нас отвлек звук конских копыт - лошадь мчалась во весь опор. Сэр Эндрю встал на колени, его руки были полны диких маргариток, которые он бездумно рвал, пока мы говорили, и повернулся, чтобы разглядеть дорогу.

Я узнала всадника, хотя и он, и его лошадь все еще оставались для стороннего наблюдателя крошечными фигурками у изножья холма. Где-то по дороге он переоделся в свои любимый шотландский костюм; темно-зеленая клетка резко выделялась на фойе серебристо-серых боков лошади. Казалось, они летят - так быстро они приближались; через мгновение всадник натянул поводья, и вот мистер Гамильтон уже смотрит сверху вниз на сэра Эндрю.

- Сэр Эндрю и его сестра сияли Глендэрри на лето, - объяснила я, поскольку у бедного молодого человека язык прилип к гортани.

Бедняга сэр Эндрю совершенно растерялся. Он всячески старался не смотреть хозяину в лицо, но его взгляд то и дело невольно возвращался к нему. Я знала, что для всякого, кто не видел моего хозяина раньше, его лицо представляло пугающее зрелище. Но когда мистер Гамильтон заговорил со мной, молодой человек решил вмешаться.

- Мисс... мисс Гордон? - выдавил он.

"В самом деле, - подумала я, - может ли мужчина быть таким неуклюжим. Неужели мне придется самой представить все подходящие объяснения?"

- Сэр Эндрю только что прибыл, - сказала я. - Я еще не успела представиться. Я - Дама-рис Гордон, сэр Эндрю, а это - мистер Гамильтон, владелец поместья Блэктауэр.

Я не имела никакого представления о том, почему они так упорно и так странно глядят друг на друга, но, впрочем, мне не было до этого дела. Меня внезапно охватило некое легкомысленное веселье, когда все на свете кажется ужасно забавным. Поведение обоих мужчин представилось мне донельзя комичным; мистер Гамильтон пригласил сэра Эндрю в дом, хотя со всей очевидностью желал, чтобы тот убрался подальше; сэр Эндрю же вежливо отклонил приглашение, хотя его желание войти было так же очевидно. Сэр Эндрю сослался на слабое здоровье его сестры, и мистер Гамильтон выразил свои сожаления по этому поводу, хотя было совершенно ясно, что ни данная леди, ни ее драгоценное здоровье не вызывают у него ни малейшего интереса.

Сэр Эндрю явился с визитом раз и другой. Казалось, он находил наше общество очаровательным - бог знает почему! И хотя мистер Гамильтон взял себе за правило присутствовать при каждой такой встрече, хозяин мой бывал весьма груб, а временами едва удерживался в границах вежливости. Обычная светская беседа в его исполнении превращалась в особую форму допроса. Особенно его интересовало происхождение сэра Эндрю и его биография.

Но сэру Эндрю не только приходилось парировать вопросы хозяина, ему пришлось также выдержать изнурительное любопытство слуг. Даже Ангус снизошел до того, чтобы лично пару раз "заглянуть" и "сунуть свой нос" в комнату; а однажды я застала сэра Эндрю за беседой с Дженет, костлявой горничной Аннабель. Она шмыгнула прочь, едва завидев меня, и сэр Эндрю приветствовал меня с облегчением, которое легко читалось на его лице.

- Вот так так, на каком грубом наречии говорят эти здешние крестьяне! И как неотесанны! Клянусь, я не смог бы повторить ни слова из того, что говорила мне эта женщина.

Я не поддержала этого разговора, причем без всякой задней мысли, что было грубейшей ошибкой с моей стороны. Я должна была, в конце концов, догадаться, что происходит, но я была слишком занята своими собственными чувствами, так что все это застало меня врасплох. Вскоре я узнала, что именно замышляли Дженет с сэром Эндрю - когда Аннабель, подобно правящей королеве, призвала меня к себе.

Я отправилась к ней, чувствуя себя слегка виноватой. В последнее время я пренебрегала общением с ней, будучи слишком поглощена собственным любопытством.

- Я желаю сегодня вечером спуститься вниз, - провозгласила девушка.

- Но ваш отец попросил меня написать несколько писем. Может быть, завтра?

Аннабель набрала побольше воздуха, выгнула спину и закатила ужасную истерику.

Я была напугана сверх всякой меры. Я боялась, что она умрет. Ее лицо посипело, а глаза побелели. Вены на ее горле вздулись и стали похожи на веревки - так яростно она кричала.

Я поймала ее машущие руки.

- Аннабель, Аннабель, что такое? Что вас беспокоит?

Вопли ее обратились в слова:

- Вы не хотите, чтобы я увидела его! Вы стараетесь придержать его для себя одной! Действуете так, словно вы здесь хозяйка, а вы ничтожество, вы просто дешевая, вульгарная...

По счастью, словарный запас девушки был не слишком приспособлен для того, чтобы адекватно выразить ее чувства. Она сделала глубокий вдох и принялась плакать.

- Это нечестно, - всхлипывала она. - Я хозяйка дома - не вы! Не вы! Почему я не могу видеть его?

- Вы можете его видеть, и все будут вам рады, - холодно сказала я и, когда Аннабель подняла лицо, добавила: - Но не сегодня. Если вы ведете себя как ребенок, с вами и будут обращаться как с ребенком. Завтра, если вы сумеете убедить меня, что вы знаете, как следует себя вести молодой леди, вы сможете спуститься вниз.

Аннабель начала было протестовать, но тут заметила свое отражение в зеркале, и как раз кстати. Ее лицо распухло, спутанные пряди волос свисали вдоль ее надутых щек, словно сорняки.

Уже в коридоре я встретила Дженет. Она сделала быстрый книксен и попыталась проскользнуть мимо меня. Я вытянула руку, преградив ей дорогу.

- Не отрицайте, я знаю, это вы, Дженет, рассказали мисс Гамильтон о визитах сэра Эндрю. Неужели вы не понимаете, что подобной информации полагалось бы поступить от миссис Кэннон или от меня? На будущее - следите за своим языком.

Говорить подобное было глупо - с таким же успехом можно было бы приказать ветру не дуть. Я знала, что нажила себе врага и при этом не извлекла для себя никакой выгоды.

После обеда я отправилась в библиотеку, готовая к тому, чтобы заняться писанием под диктовку, но мистера Гамильтона там не было. И много времени не прошло, как горничная объявила о приходе сэра Эндрю.

Он был одет в новенький костюм, вне всякого сомнения, по самой последней моде – коричневая охотничья куртка с бесчисленными карманами, светлые брюки, очень узкие в икрах, и твидовая шляпа.

– Вы, как всегда, одна, мисс Гордон?

– Я ожидаю мистера Гамильтона. Он намеревался продиктовать мне несколько писем.

– Безупречный секретарь. – Улыбка сэра Эндрю стала шире. – Но боюсь, что мистер Гамильтон позабыл о вас. Когда я подъезжал к дому, я видел всадника, который мчался от него во весь опор.

– Это просто нелепость. Он твердо сказал мне...

– Да, то, что он мог пренебречь подобным... э... секретарем, кажется весьма странным. Но может быть, его прельстила какая-то другая встреча.

Улыбка сэра Эндрю стала мне надоедать, собственно как и сам он. Сэр Эндрю тем временем обошел стол и положил руку на спинку моего стула.

– Очень хорошо, – произнесла я, вставая. – Поедем за ним. Здешняя атмосфера кажется мне несколько гнетущей.

Вскоре мы уже скакали. Тропинка вела в сторону, где я еще не бывала – прямо ко входу в долину. Я могла понять, почему мистер Гамильтон никогда не пользовался этим путем. Тропинка бежала, высоко поднимаясь по холму. В редких просветах между деревьями виднелась дорога, лежавшая далеко внизу, да белая пена ручья, бежавшего рядом. В этом месте ручей был шире, чем у деревни; он был глубок и несся стремительно. Через несколько миль он образовывал широкий пруд, прежде чем обрушиться с холма яростным водопадом. Берега пруда были высоки и круты; в центре его, словно остров, возвышалась груда больших камней. Это было то самое место, где с Аннабель в детстве приключилось несчастье.

Сэр Эндрю, стоявший рядом со мной, затих. Он смотрел на мрачный пруд с каким-то странным выражением. Я не ожидала, что он окажется столь чувствительным к атмосфере этого места, но если где природа и говорила мужскому сердцу о том, что она враждебна человеку, то это было именно здесь.

Сэр Эндрю некоторое время хранил молчание. А потом, без всякого предупреждения, он заключил меня в объятия.

Я была слишком поражена, чтобы двинуться или выразить свой протест. Сэр Эндрю с безупречным самообладанием принялся целовать меня. Его усы щекотали мне щеку, и в первое мгновение я почувствовала, что вот-вот рассмеюсь – таким смехотворным было все это представление. Но мое веселое изумление длилось недолго. Он был очень силен. Когда я попыталась высвободиться, он сжал объятия так, что его руки сдавили мои ребра. Я боролась изо всех сил, но не могла вырваться, пока он наконец не отпустил меня по собственной воле. Я бросилась к Шалунье, которая мирно щипала траву неподалеку.

Обернувшись, я увидела, что он стоит совсем рядом. Я вытянула руки:

- Не прикасайтесь ко мне - не прикасайтесь, или я испробую на вас свой хлыст! Как вы осмелились так поступить?

- Это ваша вина, - ответил он, отступив на шаг назад и томно разглядывая меня из-под своих густых ресниц. - Вы - непревзойденно очаровательны, Дамарис. Вы спустили с цепи беднягу дьявола. Боже правый, я не обвиняю Гамильтона за то, что он прячет вас здесь. Но почему вы здесь остаетесь? Вы ведь его не любите, не так ли?

- Люблю его? - тупо переспросила я.

- Нет, конечно же нет. Я никогда не встречал мужчины, который бы в меньшей степени внушал нежные чувства. - Он воспользовался моим изумлением - и моим оцепенением, чтобы обнять меня снова. - Я предлагаю вам бежать, Дамарис, - прошептал он мне в волосы. - Я никогда не покину вас. И как... как же мне все будут завидовать!

Наконец до меня дошел смысл его слов. Я подняла кнут и хотела ударить его по лицу.

Он успел уклониться и поймать кнут рукой, но сам этот жест и выражение моего лица, должно быть, убедили его.

- Насколько я понимаю, ответом будет "нет", - довольно холодно произнес он.

Я отвернулась от него и взобралась в седло. Но как только я попыталась двинуться с места, он выхватил у меня поводья.

- Вы не скажете мистеру Гамильтону - ведь правда?

Я бы скорее умерла, нежели упомянула бы об этом предмете перед кем бы то ни было - и в последнюю очередь перед хозяином! Но у меня не было никакого желания облегчать таким образом беспокойство сэра Эндрю, который все-таки последовал за мной. Мы расстались в молчании; я покинула его у дверей и вошла в дом, не оглянувшись.

Я позабыла о том, что у меня Назначена встреча с мистером Гамильтоном, и, если бы это было возможно, я бы постаралась ее избежать. Но по пути вверх мне пришлось пройти мимо библиотеки, и он услышал мои шаги. Знакомый резкий голос произнес мое имя и, пока я колебалась, повторил его снова, на этот раз более настойчиво.

Хозяин сидел за столом. Перед ним были разложены бумаги, а комнату затопила тьма - почти такая же густая, как темнота наступающей ночи.

- Прошу прощения, что я позабыла о письмах, - сказала я, оставаясь в дверях. - Вы хотите продиктовать их теперь?

Он поднял голову и пронзительно взглянул на меня. Полагаю, что мой голос звучал довольно странно.

- Нет. Где вы были? Подойдите сюда - почему вы затаились там, у двери? Что случилось? - требовательно спрашивал мистер Гамильтон. - У вас руки дрожат. Вас что-то напугало?

- Нет.

На улице поднялся ветер. Он шевелился в кустах за отворенным окном, словно живое существо. Тяжелые занавеси вздувались под порывами ветра.

Мистер Гамильтон поднялся и подошел ко мне.

- С кем вы катались? С этим молодым грубияном из Глендэрри? О, перестаньте, Дамарис, не надо лгать. Я всегда знаю, когда вы мне лжете. Что-то вас расстроило. Что же это было?

Едва ли я могла сказать ему правду: правду о том, что оскорбительные предположения сэра Эндрю задели меня совсем не в том смысле, в каком он предполагал. Теперь я смотрела на себя и на мистера Гамильтона так, как смотрел на нас весь мир, и я понимала кое-что еще, что было даже еще труднее вынести. Я стояла скрестив руки, чтобы успокоить их дрожь.

- Я расстроилась из-за погоды, - пробормотала я. - Гроза была так близко. Что, если бы она настигла нас в пути!

Сильная вспышка молнии, острая, словно меч, пробила облака и ударила где-то совсем рядом. Раскаты грома прокатились по округе и эхом отозвались в холмах.

Это было уже слишком - после всех тех нервных потрясений, которые я испытала за сегодняшний вечер. Я задрожала и сжала руки, словно ребенок, цепляющийся за материнскую юбку. Мгновением позже, когда я пришла в себя, мистер Гамильтон уже разжимал мои руки, мои ладони легли ему на грудь, пальцы коснулись рубашки. Я попыталась вырваться - и обнаружила, что поймана в ловушку - прядь моих волос зацепилась за пуговицы его куртки.

- Мне очень жаль, - пробормотала я ему в рубашку. - Но, похоже, мои волосы запутались.

Прямо перед моими глазами были его руки - спокойные, готовые помочь. Затянутые в черное, пальцы резко контрастировали с белизной его рубашки. Вокруг его запястья, притянутая статическим электричеством шелка, была обвита длинная прядь моих волос. Золотисто-рыжий локон обвивал черный шелк перчатки, словно браслет.

Неожиданно эти руки пришли в движение, и со всей неистовостью страсти он запустил пальцы в мои растрепанные волосы, приблизив мое лицо к своему. Вторая вспышка молнии осветила темное небо за окном. Зажмурив глаза, я видела после нее лишь темноту, похожую на толстый черный бархат. В темноте я нащупала дверь и выскочила на лестницу с такой скоростью, словно за мной гнались сто чертей.

Глава 6

Таким образом, я провела в Блэктаузере еще одну бессонную ночь; она была не первой и, вне всякого сомнения, не последней. Наутро небеса были голубыми, солнце сияло, и я вдруг почувствовала облечение. Все утро я, словно последняя трусиха, пряталась в своей комнате. В случае необходимости, если кто-либо спросит меня, я была готова прибегнуть к самой распространенной из всех женских уловок - сослаться на головную боль. Но никто меня не побеспокоил. Конечно же он должен был знать, каково мне, несмотря на то, что до вчерашнего дня я ничем не выдала своих чувств. Ни один мужчина не может, держа в объятиях женщину, не понять этого. Мои губы отвечали на настойчивые притязания его губ, мои руки обнимали его. Закрыв глаза, я и сейчас могла бы представить себе эти объятия, они все еще жгли мое тело, словно огнем.

Около полудня я увидела его на конюшенном дворе. Один из грумов вывел его лошадь, он сел в седло и выехал через ворота. Я следила за его высокой, прямой фигурой до тех пор, пока она не скрылась из виду.

Затем - это было словно что-то из другой жизни - я вспомнила, что сегодня после обеда

обещала Аннабель спустить ее вниз. Теперь я могла сдержать свое обещание, не опасаясь встретить хозяина. Когда-нибудь мне придется с ним встретиться, в отчаянии думала я, но только не сегодня!

Я была полна решимости выполнить обещание, данное Аннабель, еще и потому, что не сомневалась в том, что сэр Эндрю не осмелится снова показаться мне на глаза. Однако едва только я у трюма Аннабель поудобнее – она раскраснелась от удовольствия, была возбуждена и наряжена в одно из своих самых искусно расшитых платьев для чая, – как горничная доложила о визите.

Я могла бы кое-что сказать, невзирая даже на присутствие Аннабель. Но сэр Эндрю оказался мне не по зубам – чересчур умен. Он привез с собой сестру.

Она навела меня на мысль об огне, и это было довольно странно, потому что ее красота была нежной, волосы – белокурыми. Совершенные округлости ее фигуры были подчеркнуты элегантно кроеным темно-синим костюмом для верховой езды, который теснейшим образом облегал ее бюст и талию, прежде чем упасть изящными клиньями широкой юбки. Аннабель пожирала ее взглядом – словно перед ней вживую предстала одна из тех кукол, что были изображены в ее модном журнале.

– Ну разве они не чудесно смотрятся вместе? – спросил сэр Эндрю, явно рассчитывая быть услышанным обеими леди. – Два настоящих божества, друг подле друга – какая радость это видеть.

– Могу ли я предложить вам немного освежиться? – сквозь зубы спросила я. – Я знаю, час еще ранний, но вы проделали верхом такой долгий путь...

Сэр Эндрю нагло ухмыльнулся мне и милостиво принял предложение. В комнате появились чайные принадлежности, и все мы немного расслабились. Или, вероятно, мне следовало сказать: “я расслабилась”, потому что, кроме меня, похоже, никто не утратил обычной самоуверенности. Леди Мэри весело щебетала, сообщая Аннабель о балах и театральных вечерах. Та с упоением ее слушала, но взгляд ее то и дело отклонялся в сторону и останавливался на сэре Эндрю.

– Рада видеть, что здоровье леди Мэри так неожиданно улучшилось, – не без сарказма заметила ему я. – С ваших слов я заключила, что она не отважится выезжать с визитами этим летом. Воздух высокогорья творит просто чудеса!

– Я говорил, что ее здоровье время от времени демонстрирует значительные улучшения, – невозмутимо отвечал сэр Эндрю. – Что же до меня, я в восторге видеть мисс Гамильтон в таком прекрасном состоянии. Согласно вашим описаниям, я ожидал увидеть бледное дитя, просто инвалида, а вместо этого нахожу здесь очаровательную молодую леди.

Аннабель наострила ушки, на что и была рассчитана эта ремарка, и бросила на меня взгляд, исполненный отвращения. Меня не слишком волновало, что она обо мне думает, но мне ненавистна была сама мысль о том, что ложь сэра Эндрю сойдет ему с рук.

Вскоре леди Мэри завела со мной веселый разговор, изумив меня своими остроумными замечаниями по поводу общества и манер. Правда, постепенно ее замечания сменились вопросами. Что за человек мистер Гамильтон? Насколько он молод и насколько хорош собой? Давно ли я живу в Шотландии? Не скучаю ли я по Лондону и всем его увеселениям? Что я делаю, чтобы развлечь себя? В ее улыбающихся устах никакой вопрос не казался дерзким. И прежде чем я это поняла, я уже рассказала ей множество вещей – о своем отце, о его

внезапной смерти, о том, как я искала себе место.

Вес это время я краем глаза следила за Аннабель и сэром Эндрю, которые, похоже, наслаждались обществом друг друга, не обращая внимания на остальных. Благодаря болтовне леди Мэри, я не могла расслышать, о чем они говорят, но на лице Аннабель были написаны столь откровенные и восторженные чувства, что я начала сожалеть, что эта часть разговора проходит мимо меня.

Послеполуденный свет позолотил комнату, и наконец леди Мэри поднялась, чтобы проститься. Сэр Эндрю подчинился с видимой неохотой, в которой чувствовалось тонкое и рассчитанное притворство. Его глаза с тоской смотрели на Аннабель. Она же, как гораздо менее опытная участница спектакля, скривилась в гримасе, которая появляется у ребенка, когда его уводят с праздника. Я нахмурилась, но она этого не заметила. Она была занята тем, чтобы как можно более элегантно подать сэру Эндрю руку – так, словно бы действительно рассчитывала, что тот ее поцелует. Сэр Эндрю взял руку Аннабель обеими руками и склонил голову...

Беспокойство, которое бурлило во мне на протяжении всего этого визита, достигло пика.

Леди Мэри сделала вид, что ничего не заметила.

- Пойдем, Эндрю, и прекрати дразнить мисс Гордон.

Грациозно и с улыбками они наконец оставили нас.

После того как Иан отнес Аннабель наверх, я присела и стала размышлять о том, что случилось. Было несомненно, что Аннабель того и гляди влюбится в сэра Эндрю. Может быть, это уже произошло. Он был достаточно смазлив, чтобы завоевать сердце любой девушки, особенно девушки такого рода, которая ничего не видит, кроме голубых глаз и золотых усов.

Чем может завершиться их “роман”? Когда сэр Эндрю галопом промчится по ее жизни и покинет ее, как это, несомненно, случится к концу лета, – подкручивая свои усики и привычным образом помахав ей на прощание, – что ж, мне даже не хочется думать о том, в каком состоянии окажется Аннабель. Я решила, что лучше будет пресечь флирт на корню. Сэр Эндрю, несомненно, преднамеренно поощряет его; он и его сестра весьма настойчиво требовали, чтобы мы нанесли им ответный визит, и они говорили Аннабель о скорой встрече и о том, что эти встречи будут частыми. Следовательно, мне, и только мне, предстояло убить первую любовь, и самым надежным способом убийства было – поговорить с мистером Гамильтоном. Несмотря на то что я всегда питала отвращение к роли шпиона и сплетника, я просто не знала, что еще можно предпринять.

Я решила просить совета миссис Кэннон – не потому что я ожидала от нее какой-то серьезной поддержки, но просто потому, что мне нужно было с кем-то поговорить. Когда я вошла в ее комнату, почтенная старушка спала, и мне понадобилось некоторое время, чтобы втолковать ей, о чем я, собственно, веду речь.

- Поговорить с мистером Гамильтоном? – моргая, повторила она. – О, моя дорогая, вы не сможете сейчас этого сделать. Он уехал в Эдинбург. И я не знаю, когда он вернется.

- Уехал... в Эдинбург? Вчера... вчера он ничего мне об этом не говорил.

- Полагаю, что это было внезапное решение. Он такой опрометчивый человек; у него весьма странные представления о долге, и он действует в соответствии с ними, не беспокоясь о том, что подумают об этом другие.

Я сосредоточенно разглаживала складки своей черной юбки.

- Упоминал ли он о том, почему уезжает?

- С чего бы это? - Миссис Кэннон широко раскрыла глаза.

Я покачала головой, потому что ответа у меня не было. На мгновение меня закружили воспоминания о собственных несчастьях. Мистер Гамильтон больше не хочет видеть меня, это я хочу его видеть. Либо он сбежал, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, или же просто совершил то, что сделал бы на его месте любой порядочный человек: он уехал, чтобы приискать мне другое место.

Честно говоря, мне не было пользы размышлять об этом. Я заставила себя мысленно вернуться к исходной проблеме, но чтобы разбудить миссис Кэннон на этот раз, мне пришлось хорошенько потрудиться. Восприняв мое молчание как знак полного удовлетворения, она снова начала посапывать.

- Я хочу поговорить с вами о сэре Эндрю Эллиоте, - громко сказала я. - Если мистер Гамильтон в отъезде, на нас возлагается еще большая ответственность. Сар Эндрю и Аннабель встречались друг с другом. Он намерен регулярно являться к нам с визитами, а Аннабель - ну, не мне вам рассказывать, что такое Аннабель. Я не уверена, что будет мудрым с нашей стороны позволить им сблизиться.

Уже несколько раз миссис Кэннон поражала меня, демонстрируя значительную проникательность, - всякий раз, когда выплывала из своего сонного тумана. Теперь она одарила меня взглядом - таким острым и таким понимающим, что мне показалось, что на моем лице проступили поцелуи сэра Эндрю.

- Я не сомневалась, что он станет флиртовать. Джентльмены частенько бывают такими. Однако, мисс Гордон, джентльмен может флиртовать с женщиной, но жениться он предпочтет на наследнице богатого состояния. Когда лорд Даннох отойдет в мир иной, Аннабель станет одной из самых выгодных партий в Шотландии.

У меня перехватило дыхание. Ну конечно, ну конечно! Это объясняло множество самых разных вещей, включая и переменчивость в поведении сэра Эндрю во время нашей первой встречи. Он принял меня за мисс Гамильтон. О да, теперь мне все было ясно. Он был молод и хорош собой; но, вероятно, все его дорогие наряды вовсе не свидетельствовали о соответствующем им богатстве и воспитании.

- Я не знала о том, что мистер Гамильтон находится в родстве с лордом Даннохом.

- Его лордство является старшим братом мистера Гамильтона. Я думаю, что именно поэтому мистер Гамильтон и уехал так внезапно, - сообщила миссис Кэннон. - Здоровье лорда Данноха внушает большие опасения.

- Но у его лордства нет сыновей?

- Были. Два прекрасных сына. - Миссис Кэннон печально вздохнула. - Один умер во младенчестве. Ну а другой утонул прошлой весной в Оксфорде - лодка перевернулась. Именно по этой причине мы были в Лондоне в апреле. Его лордство не смог перенести известия о смерти сына, и его хватил апоплексический удар. Одно время мы думали, что лорд Даннох последует прямоком за своим наследником в царство вечного блаженства. Сейчас это вопрос нескольких педель, и очень скоро мистер Гамильтон станет лордом Даннохом.

Я простилась с миссис Кэннон и вернулась к себе в комнату. Больше всего меня огорчала моя собственная тупость – похоже, я просто не хотела узнать правду. Ведь в первый же раз, как я увидела мистера Гамильтона, он упоминал о Гамильтонах Даннохских. Да, конечно, но у этих старинных семей всегда так много побочных ветвей, и некоторые из них бедны как церковные мыши, а его образ жизни никогда не давал оснований предположить, что он ожидает каких-то серьезных изменений. Что же до Аннабель...

Всегда и везде Аннабель! Я пыталась поговорить о ней, пыталась побеспокоиться о ней. Но она не нуждается в моем беспокойстве. Она станет самой богатой наследницей в Шотландии. Сэр Эндрю превосходно ей подойдет. Они оба глупы, поверхностны и эгоистичны. Нет сомнений в том, что они будут счастливы вместе.

На следующий день мое настроение не улучшилось. Я не могла ничем заняться – все валилось у меня из рук. Библиотека была запретной территорией – слишком много с ней связано воспоминаний, – и у меня не было настроения заниматься набросками. Я заглянула в комнату Аннабель и обнаружила ее и миссис Кэннон, погруженными в муки рождения нового платья. Покрытый розами атлас покрывал пол, словно дорогой ковер, и миссис Кэннон ползала по нему, словно гигантский жук, с ножницами в руках, тогда как Аннабель смотрела на все это с кровати и давала указания.

Места для меня там не было. Я удалилась в еще более скверном настроении, чем раньше. Конечно, я знала, что брожу по дому, стараясь оттянуть время, уклониться от той работы, что мне надлежало сделать – мне следовало написать моему кузену Рэндэллу. Если я и лелеяла какие-то глубоко запрятанные надежды (а, господи боже, они у меня были!), то они рассыпались в прах с отъездом мистера Гамильтона. Я знала, что должна приготовиться к отъезду до того, как меня официально отошлют из дома.

Может быть, если бы Рэндэлл был человеком другого сорта, я бы могла ему написать, но даже и тогда я, скорей всего, не стала бы этого делать. Истина заключалась в том, что я утратила самоуважение, гордость и прочие превосходные добродетели. Я больше не имела сил оторвать себя от хозяина, я могла совершить это лишь одним способом – прямым сойти в могилу и чтоб меня засыпали землей. Если он хочет, чтобы я продолжала жить, он должен отослать меня от себя.

И как только я призналась себе в этом, мне стало немного лучше. Есть некоторое облегчение в том, чтобы встретить самое худшее лицом к лицу. Но я все еще не находила себе покоя, дом давил на меня. Я пошла в конюшню и попросила Иана оседлать мне Шалунью.

Я не знаю, почему решила направиться в Глендэрри – может быть, потому, что больше ехать было некуда. Я никогда не бывала там, но сбиться с пути было невозможно; мне приходилось лишь послушно следовать за изгибами дороги и струящегося потока. Дорога вела сквозь чащу темных елей, где солнечный свет падал на землю пятнами, составлявшими изящный дрожащий узор, и через открытые вересковые пустоши. Наконец я увидела перед собой Глендэрри.

Здесь дом был гораздо более поздней постройки, чем Блэктауэр, и намного меньше размерами. Фасад дома был величественным, с высокими и широкими окнами и террасой в итальянском стиле. Кусты роз в высоких вазах украшали ступени, и их цветы свешивались через перила.

Я уже поднималась по ступенькам, когда в открытом окне справа от двери появилась головка леди Мэри.

- Мисс Гордон! Какой приятный сюрприз! Пожалуйста, входите.

Я так и сделала. Мы поговорили о погоде и обменялись взаимными комплиментами. Затем леди Мэри подняла лежавший на столе веер – изящную вещицу с перламутровыми пластинами и нарисованной пасторальной сценкой с пастушками – и принялась томно помахивать им.

- Вы скоро ожидаете мистера Гамильтона назад? – спросила она. – Должна вам признаться, мне ужасно любопытно встретиться с ним. Как я понимаю, он вдовец. Странно, что он не женился снова. Неужели он был так предан своей жене?

- Полагаю, что это – самое естественное объяснение.

- Вовсе нет. – Глаза леди Мэри сверкнули. – Может быть, он просто не любит женщин – или любит их так сильно, что не может остановить свой выбор на какой-то одной.

- Мне очень жаль, что я не имею возможности удовлетворить ваше любопытство, – сдержанно отвечала я. – Но я и вправду ничего не знаю о его личных делах. А сплетни меня не интересуют.

Она бросила на меня из-за веера быстрый взгляд голубых глаз. Веер закрывал ее рот, так что я не могла верно судить о том, какую именно реакцию вызвала моя грубость.

- Что ж, – мягко произнесла она, – я ведь не интеллектуалка, как вы, мисс Гордон; я не разделяю вашего восхитительного равнодушия к сплетням. И в самом деле, Эндрю порой приносит домой такие забавные истории, которые слышит в деревне...

- Что за истории? – резко спросила я, охваченная дурными предчувствиями.

- Фи, мисс Гордон, вы не так уж равнодушны к сплетням, как утверждаете! Я должна была бы в свою очередь подразнить вас за то, что вы преувеличили свое к ним равнодушие. Но я не буду так жестока. Эти истории касаются миссис Гамильтон – и того, как она умерла.

- Это было очень давно – никто не может помнить...

- Ах, но люди помнят. Не потому, что она бывала в деревне; она холодно относилась к этим людям, презирала их; и как они на это негодовали! – Леди Мэри опустила свой веер; хорошенький ротик изогнулся в улыбке. – Но они ее помнят. Знаете, она была очень красивой.

- И что же они говорят, эти жалкие людишки из деревни?

Она посмотрела на меня внезапно потемневшими глазами:

- Между мужем и женой были плохие отношения, вы знаете. Слуги частенько слышали, как они ссорились. Говорят, он ее бил.

- И это все, что они говорят?

- Нет. – Леди Мэри снова развернула свой веер. Я, почти загнипнотизированная, смотрела, как ее белая рука двигает им туда-сюда, туда-сюда. – Они говорят, что миссис Гамильтон бежала, спасаясь от его ревности и угроз. Они говорят, что муж последовал за ней, поймал ее у пруда, недалеко от водопада. Они говорят, что она все еще здесь – глубоко под черной водой, у скал.

На одно мгновение вся комната накренилась, словно корабль в бурю. Затем я пришла в себя и спокойно сказала:

- Это - ложь.

Красавица поднялась и подошла ко мне, ее юбки изящно развевались.

- Мисс Гордон, вы молоды, и вы одна в целом свете. Может быть, в каком-нибудь другом доме вы были бы счастливее. У меня есть друзья в Англии и на континенте. Могу ли я сообщить им о вашей ситуации?

Это был подходящий момент, чтобы сообщить ей, что я уже решила искать другое место и обдумываю этот вариант. Я была потрясена - не столько этой историей, но тем фактом, что она в нее верит. Как еще я могла объяснить ее тревогу за меня - подлинную тревогу. Я была готова поклясться в этом!

Когда мы вышли, сэр Эндрю мерил шагами дорожку перед домом. Уздечка была переброшена у него через руку, и он выглядел необычайно задумчивым. Однако, увидев нас, он расплылся в сияющей улыбке.

- Не хотите ли, чтобы я проводил вас часть пути?

- Нет, благодарю вас.

- Вижу, я в немилости. Ну хорошо, я постараюсь когда-нибудь вернуть себе былую приязнь.

У поворота дороги я оглянулась. Леди Мэри стояла на террасе, ее силуэт был обрамлен вьющимися розами. Эта картина долго стояла у меня перед глазами, когда и сама она, и дом уже скрылись из виду. С болью в сердце я ехала, не замечая пути, пока меня не привело в чувство неожиданное, резкое движение лошади. И как раз вовремя; только схватившись за голову лошади, я удержалась от того, чтобы быть сброшенной на землю.

Я поняла, что Шалунья, обычно спокойная и сонливая, без сомнения, заболела. Она вела себя странно с той самой минуты, как мы покинули Глендэрри. В любом другом случае ее поведение можно было бы назвать игривым; но она шарахалась от каждой придорожной маргаритки. Погруженная в свои думы, я просто фиксировала это, но мое тело, гораздо более тренированное, чем я сознавала, умело управляло лошастью. Но последний неожиданный рывок был слишком резким, чтобы не обратить на него внимания.

Я натянула поводья и заставила животное остановиться. Но даже и тогда лошадь продолжала беспрерывно двигаться, поднимая ноги, словно собиралась встать на дыбы. Я шлепнула ее по спине.

- Что такое? - спросила я. - Ты чего-то испугалась?

Шалунья повернула ко мне голову и жалобно скосила глаза. И тут я по-настоящему испугалась. Я припомнила старинные рассказы о том, что животные чувствуют то, что не видно человеческому глазу. Я не без напряжения оглянулась.

Разумеется, там ничего не было - ни позади меня, ни где-либо еще. Мы находились в самой середине маленькой пихтовой рощи. Легкий ветер с сухим шуршанием шевелил иглы деревьев. Было бы абсурдом думать, что в такой час кто-то может оказаться здесь, что кто-то прячется за пихтами, затаив против нас зло. Призраки выходят по ночам, и они любят сырые коридоры и крошащиеся стены.

Все это было совершеннейшей правдой - но какая-то часть меня не хотела поддаваться

уговорам. Меня вдруг охватила безумная паника. Я вдавила колени в бока лошади и пригнулась в седле. И она с ужасным храпом понеслась вперед.

Мне не пришлось стыдиться того, что мы убегаем. С первого же рывка лошади я откинулась назад и рухнула на землю с такой силой, что на мгновение у меня остановилось дыхание.

Некоторое время я лежала неподвижно, вдыхая воздух, пропахший сосновыми иглами, в которые зарылось мое лицо. Вдруг мне показалось, что я слышу стук лошадиных копыт, и я попыталась сесть; но когда я перенесла вес тела на левую руку, она подвернулась, и я едва не потеряла сознание от боли.

Стук копыт раздавался все ближе, наконец лошадь остановилась; мужской голос в тревоге прокричал:

- Святые небеса, мисс Гордон, что случилось? У меня было дело в деревне... хотел, чтобы вы составили мне компанию... но какое счастье, что я выехал за вами следом! Вы сильно поранились?

- Благодарю вас, сэр Эндрю, - произнесла я, позволяя ему привести меня в сидячее положение. - Со мной все в порядке; думаю, я вывихнула запястье. Не могу понять, как это случилось. Шалунья - самая спокойная из всех лошадей.

- На этот раз она оказалась достаточно опасной. Полагаю, она все еще скачет.

Мои глаза разглядели красновато-коричневое пятно на другом конце поляны.

- Нет, она здесь, сэр Эндрю! Продирается сквозь деревья, словно непослушный ребенок.

Я позвала ее; и Шалунья вышла ко мне из леса с опущенной головой и тянущимися за ней поводьями. Она просеменила к нам, все еще ступая как-то странно, но явно очень встревоженная тем, что видит. Когда сэр Эндрю подошел, чтобы привести ее ко мне, лошадь покорно ждала его и позволила ему взять уздечку.

Некоторое время он говорил с ней, шлепал ее по шее и осматривал ее ноги и бока. Он поправил седло и подошел ко мне, ведя под уздцы послушную лошадь.

- Сейчас она совершенно спокойна, - признал он. - Итак, мисс Гордон, что скажете? Та ли вы женщина, которая способна сесть на лошадь, которая ее сбросила?

Я с сомнением посмотрела на Шалуню. Если говорить правду, я бы предпочла отправиться домой пешком. Но мягкий, полный раскаяния взгляд лошади убедил меня в обратном. У меня появилось дурацкое чувство, что я оскорблю чувства Шалунии, отказавшись дать ей еще один шанс.

Остаток пути она вела себя словно ангел. Сэр Эндрю настоял, что будет сопровождать меня, и я не отказалась от этого предложения. Когда мы добрались до конюшенного двора, сэр Эндрю рассказал Иану о том, что случилось. Грум был заметно расстроен. Он сказал неловко, но искренне:

- Надеюсь, хозяйка, вы не поранились.

- О нет. Нет сомнения в том, что это была просто пчела, как предположил сэр Эндрю.

- Может быть и так, - отозвался Иан голосом, полным сомнения.

Глава 7

Мистер Гамильтон вернулся той же ночью. Я видела из окна, как он въезжает во двор конюшни. Спешившись, он некоторое время постоял, глядя вверх, и мне показалось, что его взгляд направлен напрямиком на мое окно. Я шмыгнула за занавески, хотя и знала, что на самом деле он навряд ли смотрит на меня, да и не может меня видеть.

На следующее утро, входя в библиотеку, я чувствовала себя совсем больной от опасений. Но я знала, что нет причины откладывать встречу. Я не написала Рэндэлли; я сказала себе, что буду ждать до тех пор, пока хозяин не вернется, и посмотрю, что случится тогда. Что ж, теперь он вернулся, и мне придется решать.

Когда я вошла, хозяина в комнате не было, но там был кто-то другой - кто-то, кто сидел в большом кресле, свесив коротенькие ножки и сложив на коленях свои маленькие ручки.

- Что вы здесь делаете? - Я потребовала ответа, позабыв от удивления о хороших манерах.

- Хозяин послал за мной, - ответила миссис Кэннон. - Удивляюсь, что это ему понадобилось.

Сердце мое упало, хотя раньше мне казалось, что опускаться ниже ему уже некуда. Неужели ему понадобился свидетель того, что он намеревается мне сказать?

Наконец он вошел. На нем был шотландский килт, складки юбки развевались от ширины его шага.

- Доброе утро, - сказал он. - Миссис Кэннон, как поживаете?

Я полагала, что первое приветствие было обращено ко мне, но поскольку глаза мои были опущены, я не могла быть в этом уверена. Я смотрела на его руки, потому что не осмеливалась взглянуть ему в лицо. Затянутые в черные перчатки, его длинные и топкие пальцы разбирали кипу бумаг, которые он принес с собой.

Наконец его пальцы замедлили движение, и он произнес громко и хрипло:

- Что случилось? Вы поранились?

Я осознала, что мой рукав слегка отогнулся, представив взгляду повязку у меня на руке.

- Ничего страшного, - ответила я. - Вывихнула запястье. Шалунья меня сбросила.

- Шалунья? - Его голос звучал недоверчиво.

- Уверю вас, это пустяки. Вы знаете, какая я неуклюжая наездница.

Он ничего не ответил. Я все еще не могла взглянуть ему в глаза. Вместо этого я следила за его руками, которые вернулись к разбору бумаг. Он вытащил из стопки несколько конвертов.

- Миссис Кэннон, здесь есть несколько писем для вас. Я захватил их, пока ждал в Каслтоне. И одно для вас, мисс Гордон.

Беззаботный почерк я узнала сразу.

- Кузен Рэндэлл? - поинтересовался сардонический голос. - О чем он пишет? Позвольте мне взглянуть.

Услышав это из ряда вон выходящее требование, я в удивлении подняла глаза.

- Думаю, я сам смогу догадаться. Могу ли я спросить вас - просто как работодатель, - повлияет ли его послание на ваши планы? Не намеревается ли кузен Рэндэлл вырвать вас из этого логова зла, или он в добродетельном ужасе отказывается от вас?

Я почувствовала, как от воротника поднимается горячая волна, заливая мои щеки и лоб. Хозяин не пришел мне на помощь; он сидел, глядя на меня с каменной торжественностью идола.

- Что вы мне посоветуете? - спросила я.

- Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы вы остались здесь - хотя бы до конца лета. Это наилучшим образом соответствует моим планам. Но, конечно, если вы желаете уехать сразу... - Он безразлично пожал плечами.

И я ответила - униженно, малодушно:

- Я останусь.

- Благодарю вас.

- Я полагаю, - неуверенно начала миссис Кэннон, - что вы привезли хорошие новости о лорде Даннохе?

- Нет. Его здоровье ужасно, хуже, чем когда-либо.

Миссис Кэннон сочувственно закудахтала, но мне показалось, что ее глаза заблестели. Нет сомнений, что ее тщеславие было бы глубоко удовлетворено, если бы она стала домоправительницей пэра. Она даже слегка выпрямилась и с весьма зловещим звуком прочистила горло.

Хозяин удивленно посмотрел на нее:

- Да, миссис Кэннон?

- Сэр Эндрю Эллиот приезжал с визитом, пока вы были в отъезде.

Долгие годы общения с миссис Кэннон научили мистера Гамильтона, как следует с ней обращаться. Он сложил руки и в молчании ожидал продолжения речи, всем своим видом демонстрируя терпение, которого я от него, признаться, не ожидала. Через некоторое время миссис Кэннон набралась сил для следующего предложения.

- Он привозил с собой сестру, леди Мэри, они нанесли визит вдвоем. Аннабель виделась с ними обоими.

- И Аннабель прислала вас сообщить мне, что именно она желает надеть на свадьбу?

Детский ротик миссис Кэннон задрожал от этого издевательского топа.

Я решила вмешаться:

- Дело еще не зашло так далеко.

Мистер Гамильтон обернулся ко мне с видимым облегчением, обнаружив, что может обсудить эту проблему с кем-то несколько менее чувствительным.

- Только не говорите мне, что Аннабель не влюбилась в него по уши! А он ухаживает за ней?

- Я... я полагаю, что это возможно.

- Ну конечно же ухаживает. Для чего еще ему было приезжать в эту "чертову ужасную дыру", как он ее называет? Я должен был бы сразу же это понять. Но я был погружен в размышления...

Он вдруг резко замолчал. На мгновение наступила тишина. Наконец он сказал:

- Вот видите, мисс Гордон, с какой легкостью решаются подобные вопросы. За пять минут мы выяснили, что Аннабель без ума от сэра Эндрю, а сэр Эндрю без ума от Аннабель. Осталось только решить, когда именно мы должны предоставить им то, чего они оба хотят.

- Вы должны решить это, - сказала я.

- Нет, нет. Вы с миссис Кэннон - настоящие доки в сердечных делах. Как вам поправился сэр Эндрю? Достоин ли он, по вашему мнению, моей утонченной дочери? А каково ваше мнение относительно его сестры, мисс Гордон? Она красива? Темноволосая или блондинка? Старше или моложе сэра Эндрю? Думаю, мне следует отправиться туда и самому составить о ней мнение. Посмотрим, как далеко заведет меня ваше молчание, мисс Гордой, - меня, человека, который больше десяти лет вообще не наносил визитов.

Благодаря милости небес, миссис Кэннон уловила смысл последнего замечания и пришла мне на помощь:

- Не уверена, сэр, что эта леди принимает визитеров. У нее плохое здоровье.

- Да, сэр Эндрю тоже это говорил. Но если у нее достало сил, чтобы явиться сюда... Ну ладно, посмотрим. Это - все, миссис Кэннон. Благодарю вас, мисс Гордон.

Первое, что я сделала, вернувшись к себе в комнату, - это перечитала письмо Рэндэлла. По сравнению с тем, через что мне только что пришлось пройти, оно выглядело почти милым. Рэндэлл не был хитер; Рэндэлл не позволял себе наносить грубые, ядовитые и злобные удары. Он просто писал мне в общепринятых обтекаемых выражениях, что обо мне думает.

В тот же день, ближе к вечеру, когда я сидела на подоконнике, уныло оглядывая конюшенный двор, я увидела, как в ворота въезжает фургон и слуги разгружают свертки. Очевидно, мистер Гамильтон сделал в Эдинбурге покупки. Я не просила его купить что-либо для меня, так что позабыла о свертках, как только их унесли в дом... но тут моя дверь отворилась. Это был тот же угрюмый слуга, который принес мой багаж в ту первую ночь по приезде в Блэктауэр. Теперь он внес в комнату несколько пакетов, бросил их на кровать и вышел, прежде чем я успела что-либо сказать или остановить его.

Конечно, я знала, что эти пакеты предназначены не для меня. Но из-за грубого обращения бумага на одном из них надорвалась, и через прореху виднелось нечто сияющее, словно летняя трава, освещенная солнцем. Я открыла пакет. А потом открыла и остальные. После чего соскользнула на пол и принялась созерцать разложенные передо мной богатства.

Одно из платьев, судя по его длине, без сомнения, предназначалось мне; оно было сшито из мягкой черной шерсти, которая ниспадала красивыми складками. По крою платье было предназначено именно для наездницы. Всякая одежда, разумеется, являлась исключительно неподходящим подарком леди от джентльмена, но подобный жест не смог бы тронуть только самодовольного педанта. Другой наряд, судя по длине, мог бы тоже мне подойти – бледно-зеленый канифас, расшитый веточками с белыми и желтыми цветами. Расцветка ткани была чудо как хороша. Решено, думала я, если я смогу заплатить за них, оставлю себе черное и канифас.

Но другие ткани... я только качала головой, поднимая их одну за другой. Там был, например, отрез изумрудно-зеленого бархата, на котором невольно задержались мои пальцы; он был тонким, словно шелк, и, должно быть, стоил не меньше тех драгоценных камней, у которых позаимствовал свой цвет. Я страстно желала бы заполучить такой бархат. Мои волосы сияли бы на его фоне, словно огонь...

Прошло некоторое время, прежде чем я заставила себя сложить бархат, и шелк, и кружево и снова завернуть их в бумагу. Но, конечно, я не могла держать их у себя. Кто-то ошибся. Слуги не носят шелка или бархата. Ткани, должно быть, предназначались Аннабель.

Я не смогла ухватить все пакеты и потому взяла только бархат и направилась в комнату Аннабель. Пока я шла по коридору, передо мной внезапно нарисовалась отчетливая картина, на которой была я сама во всем великолепии этого тяжелого зеленого бархата. Добрых пять минут я стояла у двери Аннабель, прижимая к груди громоздкий сверток, прежде чем смогла заставить себя войти.

Добрая фея также посетила Аннабель. С ней была миссис Кэннон, и обе они ахали над сокровищами, разложенными на кровати. Я не смогла сразу рассмотреть их все, но там был и отрез чего-то розового, и нежно-голубой. Цвета, которые идеально подходили бледной красоте Аннабель. Изумрудно-зеленый был бы для нее, без сомнения, плохим выбором.

Я шагнула в комнату и бросила сверток на кровать, едва не задев стопку белых перьев цапли.

- Слуги по ошибке принесли ко мне несколько ваших пакетов, - объявила я. - Вот один из них; я попрошу Джеймса принести остальные.

- Но это совсем не мой цвет! - разочарованно вскричала Аннабель. - Я ненавижу этот оттенок зеленого. Уберите его отсюда, миссис Кэннон. Как глуп мой отец.

Миссис Кэннон собирала изумрудные складки, но, прежде чем убрать их, посмотрела прямо на меня. Такого выражения ее лица я никогда прежде не видела.

Если мистер Гамильтон и узнал, что произошло с его подарками, он ничего мне об этом не сказал. В последующие дни я очень мало с ним виделась; было похоже, что мы избегаем друг друга. Я оставила деньги за черное и канифасовое платья у него на столе; на следующий день они исчезли. То было странное время, полное ожидания, когда я шмыгала по дому на цыпочках, глядя во все глаза и в то же время пытаюсь остаться незамеченной, а мистер Гамильтон проходил от дома к конюшне с неизменно хмурым лицом. Он писал довольно много писем, которые не просил меня переписывать, и получал больше ответов, чем когда-либо.

Несмотря на свое обещание, леди Мэри больше не наносила нам визитов. Вскоре после возвращения мистера Гамильтона она написала мне, сообщив, что схватила простуду и в данный момент прикована к постели. Думаю, она написала также и Аннабель, но я не пыталась в этом удостовериться. Всякого рода шпионство и страсть совать нос в чужие дела вызывали у

меня болезненное отвращение, так что я утратила всякую возможность снова обрести расположение девушки. Теперь она спускалась вниз исключительно под присмотром миссис Кэннон и раз или два виделась с сэром Эндрю. Я ни капли не сомневалась в том, что их отношения расцветают пышным цветом под щедрым солнцем одобрения миссис Кэннон; и вообще, как я постоянно повторяла себе, все это не мое дело. По мне, пусть Аннабель выходит замуж – хоть за сэра Эндрю, хоть за самого дьявола.

Я не виделась с ней уже несколько дней, когда в поисках миссис Кэннон зашла в ее комнату.

То, что я увидела, едва не заставило меня броситься обратно за дверь.

У кровати Аннабель стояла ее горничная, Дженет. А рядом с ней, поддерживаемая загорелыми руками служанки, стояла сама Аннабель. Я уставилась на нее во все глаза, потом потеряла их и уставилась снова. Ну да – она стояла, стояла на своих маленьких подгибавшихся ножках.

И прежде чем я успела собраться с мыслями, Аннабель принялась кричать:

– Как вы осмелились войти сюда без стука! Убирайтесь отсюда – вы, дерзкая, бесстыжая женщина!

К этому времени я была уже достаточно приучена к ее эпитетам; их количество изумляло меня, но по большей части они никогда не задевали моих чувств. Ахнув, я упала на ближайший стул:

– Аннабель, вы меня просто потрясли! Не могу поверить своим глазам!

Личико Аннабель скривилось, а глаза потемнели.

– Я думаю, это замечательно, это просто чудо. Но вы не должны утомляться. Прилягте и расскажите мне, как это случилось.

Дженет помогла девушке вернуться в постель; и как бы критично я ни была настроена в отношении этой крупной женщины, я не могла найти ни одного промаха в том, как она обращалась с хрупким тельцем девушки. Мы с Дженет с самого начала стали неприятелями, а теперь она, похоже, негодовала по поводу моего случайного открытия даже больше, чем сама Аннабель. Уложив свою хозяйку обратно в постель, она, не глядя на меня, покинула комнату.

– Как долго все это происходит? – спросила я, восстановив дыхание.

– Не так долго. И никто не знает, кроме Дженет, а теперь и вас. Дамарис, пожалуйста, пока не говорите никому. Я хочу сделать им всем сюрприз!

– Да, я понимаю. Но, Аннабель, может быть, прежде чем начать ходить, будет лучше проконсультироваться с доктором? Боюсь, вы можете причинить себе вред.

– Не будьте такой глупой! – Она заговорила очень резко, но мгновенно смягчилась. – Как я могу повредить себе? Вы сами подали мне эту идею, Дамарис, когда сказали, что не видите никаких повреждений. И тогда я подумала, что мне стоит попробовать. Поначалу я боялась, что упаду, именно поэтому я никому ничего не говорила. А потом я подумала, как забавно будет посмотреть на ваше лицо, когда я самолично спущусь вниз по лестнице!

Она одарила меня широкой ребяческой улыбкой, но ее мимолетное замечание, что именно мое необдуманное заявление понудило ее к этому эксперименту, задело меня за живое. Впрочем,

когда я покидала комнату, она уже заручилась моим обещанием хранить молчание. Природная тупость, недостаток пронизательности, сентиментальность – не знаю, что именно повлияло на мое решение. Но в чем бы ни состоял мой грех, мне вскоре пришлось в нем горько раскаяться, и час расплаты не замедлил себя ждать.

* * *

Все это время я продолжала работать в библиотеке, решив оставить ее в безупречном состоянии. И тем не менее работа по-настоящему занимала меня лишь в те немногие часы, когда я была твердо уверена, что мистера Гамильтона нет дома. Так что однажды вечером он застал меня там только благодаря моей неосторожности.

Хозяин только что вернулся с прогулки. Его волосы и ботинки были в пыли; в руках у него была пачка писем – некоторые уже открытые, другие – нет.

В той части галерей, где я стояла, полки образовывали что-то вроде алькова, так что мистер Гамильтон меня не видел. Обычная вежливость требовала, чтобы я незамедлительно дала ему знать о своем присутствии. Но меня охватила внезапная слабость, и я не смогла произнести ни звука. Я так редко его видела; а видеть его, просто видеть его было для меня так же жизненно важно, как и дышать. Так что я смотрела, как он тяжело садится за стол. Он выбрал из груды одно длинное письмо, на нескольких листах бумаги большого формата, и прочел его про себя от начала и до конца. Его лицо изменилось – теперь оно уже не было таким отстраненным. Он поднес руки к глазам и потер их, словно у него разболелась голова.

Я про себя тихонько гадала, что за весть оказалась в письме, которое так его расстроило, и в конце концов пришла к заключению, что, должно быть, оно содержало плохие новости о его брате.

Я уже была готова окликнуть его из своего тайника, когда в дверь постучал слуга, сообщив о прибытии сэра Эндрю.

Сэр Эндрю вошел в комнату с обычным для него важным видом, улыбаясь и вертя в руках серебряное кнутовище для верховой езды.

– Добрый день, мистер Гамильтон, – сказал он, протягивая руку.

Мистер Гамильтон не поднялся и не протянул руки в ответ.

– Сядьте, – коротко сказал он, указывая стул напротив своего стола.

Яркие краски на лице сэра Эндрю слегка поблекли. Он уселся, закинув ногу за ногу.

– У меня здесь письмо, которое касается вас, сэр Эндрю, – произнес хозяин. А потом добавил тоном, от которого у меня кровь застыла в жилах: – Если это и вправду ваше имя... Я навел в отношении вас кое-какие справки. Результат оказался в достаточной мере странным.

– Какое вы имели право наводить обо мне справки?

– Это – старинное и всеми почитаемое право. Вы ведь состоите в переписке с моей дочерью?

Сэр Эндрю прикусил губу.

– Я не стыжусь этих писем. И не пытался этого скрывать. Я почту за честь просить руки вашей

дочери, дабы вступить с ней в законный брак.

- Между тем мои поверенные в Эдинбурге не смогли найти никаких ваших следов во всех тех местах, в которых вы, как утверждаете, побывали.

- Черт бы побрал адвокатов! Вы знаете, кто я, сэръ?

- Нет, не знаю. В этом и состоит проблема, не так ли? Но у меня есть кое-какие подозрения. Не могу сказать, что я - образец преданности в отношении своего потомства, но даже я не отдам руки дочери проходимцу без гроша в кармане.

- Сэр, мы с мисс Гамильтон любим друг друга! - Сэр Эндрю снова принял горделивую позу. Он неплохо выглядел с развернутыми плечами и высоко поднятой головой. Глядя, как поворачивается к нему насмешливое лицо хозяина, он добавил: - Можете ли вы честно признать, что она будет менее счастлива со мной, чем была под вашим крылом?

Это был удар, ощутимый удар. Губы хозяина сжались, на щеке проступил шрам.

- Оставим это, - коротко сказал он. - Впрочем, каждый человек имеет право быть выслушанным. Собирайте ваши доказательства.

- Благодарю вас. - Сэр Эндрю выпрямился. В его взгляде был триумф и кое-какие другие чувства, куда менее привлекательные. - Вы услышите обо всем от меня.

* * *

Все последующие дни я старалась избегать библиотеки. Мистер Гамильтон был в странном расположении духа; он проносился по дому, словно грозовая туча, ругал слуг, ссорился с Ангусом и пару раз довел миссис Кэннон до слез своими едкими комментариями по поводу ее управления хозяйством.

Скачки его настроения очень быстро передались всему дому. Женская часть прислуги стала такой нервной, что пугалась до полусмерти и начинала пронзительно визжать, если кто-то внезапно подходил, а миссис Кэннон, перед тем как выйти из своей комнаты, сначала внимательно осматривала коридор через щелку в двери. Только Аннабель, похоже, не коснулось общее напряжение, правда, она никогда не виделась с отцом. Лично я чувствовала, что собирается гроза. Сам воздух был насыщен электричеством - давление все возрастало, предвещая яростную развязку. Я желала, чтобы она наступила. Все, что угодно, думала я, будет легче вынести, чем это постоянное, все возрастающее напряжение.

Но я ошибалась. Я никогда и не думала, что гроза придет оттуда, откуда она действительно пришла. И конечно же у меня не было никаких предчувствий в тот вечер, когда я увидела, как мистер Гамильтон садится в седло и выезжает со двора. А между тем лишь несколько часов отделяло меня от самых разрушительных событий, какие только были в моей жизни. Из окна я смотрела, как хозяин скачет вперед, очень высокий и прямой и непривычно нарядный - в сапогах и костюме для верховой езды. Я смотрела, как он уезжает, не без облегчения. Я потеряла катушку ниток и полагала, что обронила ее в библиотеке. Теперь я могла пойти поискать их, не подвергаясь риску столкнуться с ним. Что я и сделала через полчаса.

К моему удивлению, в библиотеке за столом, положив голову на сложенные руки, сидел мистер Гамильтон. Я замерла, размышляя, не смогу ли ретироваться раньше, чем он меня заметит, но он слышал, как открылась дверь. Он поднял голову; я стояла без движения, прижав руки к груди.

Никогда, даже в самые страшные минуты гнева, я не видела его таким, как тогда. В его лице не было ни кровинки, даже губы были белы. Его глаза были безжизненны, словно пыльные черные камни.

Я бросилась к нему. Может быть, я что-то говорила или кричала. Я только помню, что случилось потом. Потому что, когда я достигла стола, его мертвые, тусклые глаза ожили и шрам на щеке запылал. Он вскочил на ноги, опрокинув тяжелый стул, словно он был соломенным. Он вытянул обе руки, словно отгоняя какой-то невидимый призрак.

- Нет, - хрипло произнес он. - Нет, только не вы. Уходите.

Я очнулась на лестнице, где стояла, всем телом привалившись к перилам. Когда я добралась до своей комнаты, я закрыла дверь на задвижку. Позже, когда уже стемнело, Бетти постучала в дверь и спросила, не выйду ли я к ужину. Я сказала, что у меня болит голова.

Ветер трепал занавески и касался моих горящих щек. Ночь была беспокойной; небольшие облака торопливо бежали по небу. Лунный свет плясал, словно пламя свечи. Приближалась еще одна из столь частых здесь летних бурь.

“Завтра, - сказала я себе, - напишу Рэндэллу”. Мысль, которая всего неделей раньше заставила бы меня содрогнуться, теперь вызвала во мне только тупое смирение. Ничто меня не трогало - ничто, кроме воспоминания о жесте, которым хозяин отослал меня от себя.

Ветер все задувал, он дребезжал стеклами створчатого окна, стонал в соснах за двором. Но его шума было недостаточно, чтобы заглушить другой, более близкий звук - тихий стук в дверь моей спальни.

Хотя стук был очень осторожным, он поднял меня на ноги. В нем было что-то таинственное и тайное, словно дверь ощупывала рука слепца, Я знала, что дверь заперта на задвижку, и все же на несколько секунд меня охватила тревога. Потом я заметила под дверью что-то белое.

Прошло еще немного времени, прежде чем я смогла успокоиться настолько, чтобы подойти к двери и поднять этот предмет. Это была записка. Я узнала почерк: “Я должен поговорить с вами сегодня ночью. Но только не в доме. Приходите к Черной башне”, - было там.

Я перечитала записку дважды; сначала я не могла понять, не могла поверить. Ведь хотя послание было составлено в весьма грубом, приказном тоне, оно содержало то, на что я надеялась всем сердцем и чего не смела ожидать. От счастья я не верила своим глазам. Его ужас и внезапное отвращение не предназначались мне! Они были вызваны чем-то еще. Он не ненавидит меня.

Я накинула шаль и надела туфли. Это заняло у меня некоторое время; после приступа плача у меня все еще дрожали руки. Из дома был один выход, воспользовавшись которым можно было ускользнуть незаметно. Записка подразумевала секретность, таким же было и мое собственное намерение. Чтобы добраться до башни, лошадь была не слишком нужна. Подъем был крутым и каменистым, но я могла добраться туда за пятнадцать минут.

К мрачному пейзажу этой ночи башня подходила как нельзя лучше. В неровном свете луны невозможно было разглядеть ее безобразных шрамов. На мгновение, взглянув на нее затуманенным взглядом, я ясно представила себе, как она выглядела первоначально: массивные дубовые двери висят на огромных петлях, красный свет факелов пробивается сквозь узкие окопные щели, а изнутри доносится звон кубков и гул голосов - это пируют жестокие воины высокогорья. Но тут я моргнула, и видение исчезло. Передо мной смутно

вырисовывалась пустая раковина, мрачная развалина.

Я ступила на мрачный уступ в основании башни и огляделась вокруг. Ветер шумел так сильно, что мне трудно было что-либо расслышать, лунный свет снова померк. И тем не менее я была уверена, что нигде в поле зрения не было ни одной человеческой фигуры. Может быть, я поторопилась и пришла на свидание раньше положенного? Но, учитывая то, с каким трудом дался мне подъем в гору, это вызывало большие сомнения.

Я подошла к зияющей дыре, которая когда-то была дверью башни, и заглянула внутрь. Мои ноздри в ту же секунду ощутили неприятный запах плесени. Башня не имела крыши, но ее стены были так высоки, что внутри стояла непроглядная тьма. Я колебалась, я вдруг почувствовала какую-то нерешительность при мысли, что мне нужно будет войти в пустой дверной проем. Мне казалось, что внутри что-то есть. Я не заметила в башне никаких признаков человека – никакого движения или смутного силуэта. Но у меня было ощущение, что я не одна.

Понизив голос, я позвала его, я назвала его по имени, которого никогда не осмеливалась произнести, встречаясь с ним лицом к лицу:

- Гэвин...

Толстые стены отразили мои слова глухим эхом. Другого ответа не было.

Неожиданно я почувствовала, что мне следует отойти от дверного проема. Это было абсурдом, но я подумала, что кто-то может выскочить на меня из двери. Здесь было немало волков и прочих диких тварей. И одной из них могло прийти в голову устроить себе логово в башне. Но не диких зверей я боялась.

Я обошла башню вокруг фундамента и вышла на ту часть платформы, что нависала над долиной. Ветер осыпал меня ударами, тяжелыми, словно удары дубинки; на мгновение я качнулась и в ужасе ухватилась за камни стены, чтобы удержаться на месте. У меня под ногами было лишь пустое пространство. По ту сторону долины смутно виднелись дальние холмы, которые едва вырисовывались на фоне неба, а сама долина, погруженная во тьму, казалась бездонной бездной.

И пока я стояла покачиваясь на самом краю утеса, я кое-что увидела. Внизу, почти прямо под мной, виднелся крошечный оранжевый огонек. Должно быть, это светилось окно пастушьей хижины, о которой как-то упоминал мистер Гамильтон.

Из-за воя ветра я не могла слышать ничьих шагов. Инстинкт, который сообщил мне о том, что кто-то приближается ко мне, не имел ничего общего с физическими чувствами; и его предупреждение пришло слишком поздно. Когда я обернулась, чья-то высокая фигура, лишенная черт, была уже рядом со мной. Я в тупом ужасе взглянула на нее, и фигура вдруг съежилась, словно пузырь, из которого выпустили воздух, и рухнула к моим ногам...

Я отступила назад. Я готова была сделать что угодно, чтобы избежать соприкосновения с бесформенными лапами, которые, мне казалось, тянулись ко мне, нащупывая в темноте мои юбки. Но я позабыла о том, где стою. Я шагнула в пустоту!

Секунду мои ищущие руки ощущали только пустоту. А потом уцепились за каменный край, которым оканчивалась платформа. Ужас пронзил все тело; я чувствовала, что мои пальцы соскальзывают. Одна рука сорвалась, и я с невероятным усилием выбросила ее вверх, пытаюсь найти опору. И я обрела ее – но то был не бесчувственный камень, а плоть теплой, живой руки.

Даже сейчас я помню радость, которая нахлынула на меня волной. Рядом была помощь, избавление – и жизнь! Но едва я об этом подумала, как поняла, что незнакомец не делает попытки сжать мою руку в ответ. Мои пальцы скользили по его запястью и неумолимо сползали вниз по ладони, безжизненной, словно камень. В конце концов я уцепилась за пять крепких пальцев, которые даже не попытались сжать мои пальцы. Моя правая рука, все еще державшаяся за скалу, слабела. Еще немного, и она не сможет меня удерживать. Мои ноги болтались в воздухе. Моей единственной надеждой была эта, чужая рука. Она же, если не считать ее живого тепла, неподвижностью своей походила на руку статуи.

И вот моя правая рука разжалась, и на мгновение я повисла всей тяжестью на левой руке. Теперь моя жизнь зависела от того, смогу ли я удержать эти жесткие, отвергающие меня пальцы. Затем пальцы пришли в движение – оно было столь незначительным, что его едва можно было почувствовать. Я полетела в бездонную глубину долины.

Последним, на что были способны мои легкие, стал пронзительный визг, который звенел у меня в ушах; но полагаю, что на расстоянии пары футов он уже никому не был слышен. От страха я тут же потеряла сознание, так что не почувствовала боли, когда мое тело ударилось о камни.

* * *

Меня разбудил дождь, его осторожные мокрые пальцы с любопытством ощупывали мое запрокинутое лицо. Небо все еще было затянуто тучами, но через них струился тусклый свет, который позволил мне оглядеться. Прямо надо мной виднелся край утеса, с которого я упала. Темная башня, казалось, опасно нависла над своей опорой, но она была не так уж далеко. Я пролетела лишь небольшое расстояние и упала на следующий выступ скалы, немногим ниже главного утеса. Выступ был таким узким, что одна моя рука болталась в воздухе, свесившись через его край.

Преодолевая боль, я поднялась на четвереньки, балансируя на узком уступе. Я не могла взобраться туда, откуда упала: склон был почти вертикальным. Но где-то здесь должна быть тропинка, ведущая из долины к башне. Эта тропинка опасна, но пройти по ней было можно; и она должна проходить рядом с уступом, поскольку хижина пастуха находится прямо подо мной. Если с моего уступа удастся выбраться на тропинку, я спасена.

Глава 8

Когда чувства вернулись ко мне, я лежала в кровати в своей собственной комнате. Я понимала, где я, но в первое мгновение не могла вспомнить ни как я сюда попала, ни почему мне так жарко. Я была укрыта несколькими толстыми одеялами, тяжелыми, словно они были каменными. Когда я попыталась сбросить их, то обнаружила, что слишком слаба, чтобы двигаться. Я открыла глаза. Надо мной, словно встревоженная розовая луна, склонилось лицо миссис Кэннон.

– Благодарение Господу! – воскликнула она. А потом сказала кому-то через плечо: – Говорила же я вам, сэр, она не так сильно пострадала.

– Она может говорить? – Голос принадлежал мистеру Гамильтону.

– Мне слишком жарко, – пробормотала я.

– У вас температура, – отозвалась миссис Кэннон. – Ничего удивительного, вы промокли до самых костей. Что вы делали на улице, в бурю, и в такой час?

- Она все еще слишком слаба, чтобы говорить, - произнес мистер Гамильтон, который пока что оставался для меня только бесплотным голосом. - Бетти, дайте ей бульона. - Затем добавил тише: - Она должна заговорить.

Вскоре я чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы разозлиться. Он хочет, чтобы я заговорила? Очень хорошо, я заговорю.

И рассказала всю историю от начала и до конца, упомянув и записку, которую подсунули мне под дверь. В этом месте миссис Кэннон бросила на хозяина изумленный взгляд, но ничего не сказала. Бетти была в восторге. Когда я упомянула черную фигуру, она подпрыгнула на месте и уставилась на меня вытаращенными глазами. Усилия, которые мне пришлось приложить, чтобы рассказать им все в подробностях, истощили меня. Под конец я позволила своей голове снова упасть на подушки. В комнате наступила тишина, нарушаемая только шипением огня в камине, когда туда попадали капли дождя.

- Я думаю, - наконец произнес мистер Гамильтон, - что вам лучше вернуться в постель, миссис Кэннон. Ваша пациентка вполне обойдется помощью своей горничной.

Я не хотела оставаться с ним наедине. Я открыла было рот, чтобы протестовать, но миссис Кэннон уже ушла. Бетти стояла у кровати. Я протянула руку и вцепилась в ее юбки:

- Не оставляй меня. Бетти. Пожалуйста, не оставляй меня!

- Я не оставляю вас, мисс, - твердо сказала девушка, но ее взгляд испуганно метнулся в сторону мистера Гамильтона.

- Вам нет нужды уходить, - холодно произнес он. - Просто станьте у двери и не вздумайте прислушиваться, иначе вы об этом горько пожалеете.

Мистер Гамильтон стоял, придерживая рукой полог кровати, и смотрел на меня сверху вниз. Его лицо было мрачно, но он вполне владел собой. Он подвинул к кровати стул и сел.

- Чего вы боитесь? - спросил он. - Не думаете ли вы, что то, что вы видели, было привидение?

- Та рука была из плоти.

- Ясно... Я не посылал вам записки. А вы... Как вы могли совершить такую глупость - выйти из дома ночью, одна?

Я не могла объяснить ему настоящей причины: что любовь затмевает всякий здравый смысл и что страстное желание побеждает осторожность. Так что я сообщила ему только часть правды.

- Чего мне было бояться? Никто не желает мне зла, у меня нет врагов.

- Послушайте - послушайте и попытайтесь понять. Вполне возможно, что вы причиняете кому-то неудобство, стоите у кого-то на пути...

- Если... кто-то... хочет, чтобы я покинула Блэктауэр, ему достаточно просто сказать об этом, - сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. - Это не имеет никакого значения. Вы хотите меня напугать? Именно поэтому вы говорите такие дикие вещи?

- Напугать вас? - Его руки метнулись к подушке, к моему лицу. - Дамарис...

Его рука, в этой черной шелковой перчатке! Я ничего не могла поделать; прежде чем она

коснулась меня, я вскрикнула от страха и отдернула голову.

Наступило тяжелое молчание. Мистер Гамильтон сидел неподвижно, его руки все еще были протянуты ко мне.

- Ну вот все и выяснилось, - сказал он. - Вы полагаете, что той черной фигурой был я, что рука, которая вас не удержала, принадлежит мне.

Я лежала безмолвно, меня словно парализовало. Он прочел ответ у меня на лице. Он дернул головой, словно у него болела шея.

- Конечно, вы должны так думать. Заранее предполагалось, что вы так подумаете, если выживете после своего падения. Дамарис... та рука не была моей. Клянусь в этом. Как мне убедить вас? - Мгновение он размышлял. - А, знаю. Рука - та самая, - это была правая или левая рука?

Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать ужасную картину, которая со всей силой тут же возникла у меня перед глазами. Ветер, тьма, мрак бездны под моими ногами...

- Правая! - прокричала я. На лбу у меня выступила испарина. - Это была правая рука!

- Вы уверены?

- Да, да!

- Правая рука, - повторил он. - И вы думаете, что это была моя рука. Смотрите.

Он поднес к моему лицу обе руки и сдернул с правой перчатку.

Как я и думала, она была покрыта шрамами. Через ладонь шли глубокие зажившие шрамы, словно раны были нанесены зазубренным ножом. Но это было не все. На руке было только три пальца. Оставшиеся два представляли собой грубые обрубки, они были ампутированы сразу после первой фаланги.

Я посмотрела на перчатку, которую он бросил на покрывало. Пространство, где помещались большой палец и еще два, было пустым. Отделения для двух других пальцев были плотно набиты, жутковатым образом имитируя плоть и кости.

- Вы сказали, что рука была теплой и на ней не было перчатки, - неожиданно горячо заговорил хозяин. - Но даже если вы ошиблись, вы не могли принять ватную набивку за живую плоть.

Мои глаза снова смотрели на вызывавшую жалость, искалеченную руку, которая лежала передо мной в ярком свете свечи. Рука была неподвижна, потом неожиданно задрожала. Потом дрожь прошла. Мистер Гамильтон поднялся со стула и шагнул к двери. Я слышала, как он коротко переговорил с Бетти, но не знаю, что именно он сказал. В ушах у меня стоял шум, перед глазами плыл туман. Думаю, что я провалилась в сон.

Я болела долго. Когда однажды утром я проснулась и обнаружила, что жар прошел, я была слаба, словно котенок. Рука, которую я высунула, чтобы отдернуть полог кровати, оказалась слишком хрупкой для выполнения подобной задачи. Послышался торопливый стук шагов. Занавески раздвинулись, и передо мной предстала сияющая Бетти.

- Мисс, вам лучше? Вы узнаете меня?

- Я должна была бы узнавать тебя, когда ты сидела со мной. Как долго это продолжалось, Бетти?

- Десять? Нет, одиннадцать дней. - Она пересчитала по пальцам и решительно кивнула. - Уже сентябрь, мисс.

Через несколько минут она принесла обед.

- Внизу, на кухне, все очень рады были услышать, что вам лучше, - сообщила она мне, и я подумала, что в ее словах больше любезности, чем правды. - И я взяла на себя труд сообщить хозяину, что вы проснулись; он был так доволен. В его глазах стояли слезы, когда он благодарил меня за эту весть.

Я сомневалась и в слезах, и в благодарности, но не стала перечить ей. Было так приятно поговорить с кем-то, кто видит в людях только лучшее. Мистер Гамильтон был внимателен. Его лицо да лицо Бетти были единственными приятными воспоминаниями, оставшимися у меня после долгого кошмара болезни и жара.

- Он был очень добр, - осторожно сказала я. - А как миссис Кэннон? И мисс Аннабель?

- Обе - превосходно. Они ежедневно спрашивали о вас, а сэр Эндрю и леди Мэри то и дело присылали кого-то справиться, как идут дела. Не говоря уже об Иане. Если бы вы не были леди, а он - всего лишь грумом, я бы стала ревновать.

- Значит, Иан - твой любезный друг? Ну что же, я тебя поздравляю. Насколько я его знаю, он хороший человек.

- О, это так и есть, мисс! Он не такой, как другие здешние.

- Другие - неподходящая партия, - согласилась я.

Доев свой суп, я взяла кусок хлеба. Бетти, которая следила за каждым моим движением, готовая прийти на помощь, больше не могла сдержать любопытства.

- О, мисс, - выпалила она, - что же вы видели той ночью? Это было привидение?

- Нет, в самом деле нет. Я касалась человеческой руки.

- Но слуги говорят, что существует привидение, которое постоянно бывает в башне. Призрак монахини, мисс! Она ведь нарушила свои обеты, мисс. Сбежала с распутным молодым лордом, правда-правда, из своего монастыря, а когда он ее бросил - повесилась в башне. Говорят, она до сих пор там ходит. И если она приходит, это дурной знак для Гамильтонов.

- Классическая сказка, - пробормотала я. - Бетти, держу пари, что ты никогда не слышала об этой монахине до тех пор, пока со мной не случилось несчастье, разве не так?

- Ну... это так. Но до тех пор просто не было причины рассказывать об этом, ведь правда?

Подобное сочетание суеверия и здравого смысла просто обезоружило меня.

- Все, что я могу сказать тебе, Бетти, - произнесла я, - это то, что фигура не была фигурой монахини. Она была в плаще и капюшоне - что правда, то правда. Но если ты так хочешь, чтобы это был призрак, в таком случае, ради бога, представляй себе призрак монахини. Но это был не призрак.

- Вы все еще очень бледная и худая, - сказала Бетти, качая головой и меняя тему, поскольку мы никак не могли прийти к общему мнению. - Вам придется еще некоторое время пробыть в постели. Но вы живы; в ту ночь я не сомневалась, что вы умрете. Во мне все перевернулось, когда я вас увидела, правда, - вся в крови и сама белая, как привидение, а ваши чудные волосы, промокшие II вое в грязи, свешиваются с руки хозяина...

Мое невольное восклицание прервало это весьма живое описание:

- Он принес меня?

- Ну да, мисс. Не думаете же вы, что в таком состоянии вы могли прийти на своих ногах? Мне сказали, он нашел вас лежащей под дождем на тропинке, ведущей от башни.

Прежде чем я достаточно окрепла, чтобы приступить к своим обязанностям, листья на рябинах покраснели. Я вернулась к своей работе в библиотеке и обнаружила, что все осталось по-прежнему. Мистер Гамильтон продолжал избегать меня, миссис Кэннон дремала, Аннабель отдалилась и была необщительна.

Мой каталог книг был близок к завершению, а сами тома книг стояли аккуратными рядами, их переплеты были вычищены и сверкали обновленным блеском. Моя задача была исполнена. Я больше не могла заблуждаться насчет того, что мистер Гамильтон нуждается в секретаре. Его предложение было просто подачкой, костью, брошенной моему тщеславию, благотворительностью, которая была оказана нуждающейся родственнице. С каждым днем становилось все яснее, что я должна решить, как жить дальше, и с каждым днем мне было все труднее это сделать.

И если мои планы нуждались в какой-то твердой опоре, то я нашла ее во втором письме кузена Рэндэлла, которое пришло вскоре после того, как я поправилась. Конверт был с черной каемкой, так что я была готова к той новости, которую письмо в себе содержало, и в любом случае для меня это не стало большим шоком. Моя тетя скончалась.

Удивительным в этом письме были не новости, в нем содержащиеся, но изменившийся тон автора. Рэндэлл просил меня вернуться в Лондон. Он обещал мне любую поддержку, о которой я только попрошу, и уверял, что мне нет необходимости выходить за него замуж, если я нахожу эту мысль столь отвратительной. (Тут я улыбнулась; в его заверениях так ясно звучало оскорбленное достоинство!) Но, продолжал он, если бы я дала согласие стать его женой, после свадьбы ни одного упрека не сорвется с его губ.

Я смягчилась. Конечно, на меня подействовала не его оскорбительная фразеология, но неуклюжая искренность, которая за ней чувствовалась. Может быть, я ошиблась в Рэндэлле. Теперь, когда моя тетя покинула этот мир, жизнь с ним вполне могла быть возможной. Даже лучше выходить замуж без любви: любовь - решительно неудобное чувство, очень затрудняющее жизнь. Сотни женщин выходят замуж по расчету, это происходит ежедневно, а у меня был Рэндэлл, который даже не настаивал на подобной жертве. Мне следовало бы ответить на письмо немедленно; нужно было бы, чтобы Рэндэлл знал, что я оценила его доброту.

Вскоре после этого мистер Гамильтон отбыл в Эдинбург. Он должен был вернуться к вечеру, когда леди Мэри и сэр Эндрю намеревались нанести первый визит с тех пор, как я заболела. Они прибыли, чтобы справиться о моем здоровье, - во всяком случае, так они утверждали.

Я едва успела сообщить о том, что чувствую себя вполне оправившейся, как леди перебила меня:

- Мое дорогое дитя, вы даже не представляете, что судачат о вашем приключении в деревне. Как донесли мне доверенные соглядатаи, в пивной ни о чем другом просто не говорят.

- Вряд ли им есть особенно о чем говорить, - сказала я, намереваясь поскорее завершить этот неприятный разговор. - Все, может быть, не так плохо, как выглядит в пересказе. Незнакомец мог быть ранен или болен; он рухнул у моих ног, словно в обмороке.

Не знаю, что заставило меня выступить в защиту той жуткой фигуры в черном. Наверное, я просто унаследовала привычку своего отца, который всегда старался видеть обе стороны медали. И, в общем, я сказала правду, когда добавила:

- В конце концов, зачем кому бы то ни было причинять мне зло? У меня нет врагов. А мистер Гамильтон доказал, и без вопросов, что он не мог быть тем, с кем я тогда столкнулась. В этом нет никаких сомнений.

С громким вздохом леди Мэри откинулась на кушетку, белая рука вцепилась в кружева, которые покрывали ее грудь.

- Я так рада! - воскликнула она. - Так рада слышать это от вас!

На мгновение мы все замолчали. Леди Мэри, откинувшись назад, полулежала с закрытыми глазами и искривленным в улыбке ртом и, похоже, была целиком и полностью занята тем, чтобы унять сердцебиение, которое заставляло дрожать ее кружева. Молчание сэра Эндрю было сдержанным и загадочным. Я же, говоря прямо, онемела от удивления.

- Простите меня, мисс Гордон, - сказала наконец леди Мэри. - Должно быть, вы подумали, что я немного не в себе. Но с момента нашей последней беседы я стала такой же пламенной защитницей вашего работодателя, как и вы сами. Сказки, которые мне приходилось слушать, ужасно меня расстраивали.

- Вы встречались с мистером Гамильтоном? - сухо спросила я.

- О да. Признаюсь, он показался мне очень привлекательным.

- Он... он никогда не упоминал о том, что вы знакомы.

- О, - пробормотала она, - полагаю, он никогда не говорит о том, что для него действительно важно.

В эту минуту я поняла, что я терпеть не могу леди Мэри. Она продолжала болтать, по-видимому не подозревая о том, что с этой минуты мы стали смертельными врагами.

Но когда мистер Гамильтон вошел в комнату, мы с леди с притворной благопристойностью пили чай и леди Мэри как раз заканчивала свое замечание насчет погоды.

Он едва не отпрянул, увидев нас столь уютно устроившимися вместе. Посторонний наблюдатель, вероятно, не заметил бы, как он слегка замедлил свой широкий шаг и быстро надел на лицо маску хмурости. Но я все это заметила.

Он склонился над протянутой рукой леди Мэри и поклонился мне. Я тихонько сидела на своем уголке дивана, словно гувернантка, быть которой я не желала, и хранила молчание. Сэр Эндрю по какой-то причине также был неразговорчив. Ну а двое остальных - леди и джентльмен - заполняли комнату звуками своих голосов, словно актеры на сцене. Мистер Гамильтон

превосходно владел искусством топкого подшучивания, принятым в обществе. Со мной он никогда не пускал его в дело, но остроумные выпады леди он парировал с блеском. В его голосе была знакомая холодная насмешка, но в его глазах то и дело появлялся блеск, который вовсе не свидетельствовал о холоде.

Я старалась утешить себя, что он игнорирует меня ненамеренно. Но он не смотрел ни на кого, кроме нее. Когда она поднялась, чтобы идти, он снова взял ее руку, и мне показалось, что она позволила ей задержаться там.

- Я собираюсь в деревню, - сказал сэр Эндрю, возвратившись к жизни с такой внезапностью, что я чуть не подпрыгнула. - Могу ли я надеяться, сэр, что вы составите мне компанию?

- Думаю, что нет.

- Превосходный брат, не так ли? - улыбаясь, произнесла леди Мэри. - Предоставляет мне возвращаться домой одной - и как раз через тот лес, мисс Гордон, где с вами случилось то странное приключение. Готова поклясться, что в этом лесу водятся привидения. Что же мне делать, Эндрю, если призрак или домовый выпрыгнет мне навстречу?

Когда леди упомянула о моем приключении, мистер Гамильтон взглянул на меня, но выражение его лица было неопределенным, словно он меня не видел.

- Ну что ж, полагаю, я должен отправиться с вами, - медленно произнес он, - чтобы оградить вас от домовых.

Я не собиралась следовать за ними; подобная мысль несколько месяцев назад привела бы меня в шок. Но как только они скрылись из виду, я сбросила платье и натянула свой наряд для верховой езды. Через пять минут я была уже на конюшенном дворе и просила Иана оседлать Шалунью. С момента моего падения я уже несколько раз ездила на ней.

Когда я выехала со двора, хозяин и леди Мэри уже скрылись из виду, но я знала, по какой дороге они поедут. И все же я наткнулась на парочку так неожиданно, что они не заметили меня только потому, что были слишком заняты друг другом. В маленькой пихтовой рожице они спешили и шагали рядом, увлеченные беседой. Я натянула поводья, остановив лошадь, и дружелюбное животное покорно принялось щипать траву. Затем, спешившись, я осторожно пробралась сквозь густые пихтовые ветви. Нет, они не видели и не слышали меня.

Я была слишком далеко, чтобы расслышать, о чем они говорят, и не испытывала никакого стыда - только острое сожаление. Если я вынуждена была стать самым жалким, самым презренным из всех творений, если я должна была подслушивать и шпионить, то, по крайней мере, я хотела бы, чтобы мне в этом везло. Если я не могла слышать, то могла видеть, и мне было ясно, что они не просто болтают о том о сем и что красота осеннего пейзажа тоже не является предметом их беседы.

По большей части говорила леди Мэри. Хозяин слушал, бросая время от времени словечко или кивая. Их лица были ясными. Один раз леди легонько улыбнулась, в другой раз коснулась его руки. Он не ответил ни улыбкой, ни жестом, но просто шел рядом с ней, глядя себе под ноги, где расстился мягкий ковер палых сосновых иголок.

Мое желание услышать, о чем они говорят, едва не выдало меня. Я наклонилась вперед, опершись одной рукой о ствол дерева, но рука соскользнула, и я повалилась вперед, сопровождаемая треском ветвей. Я упала на колени и съежилась, сердце бешено стучало, а я все продолжала смотреть на них через кусты.

Леди быстро обернулась, ее рука потянулась в его руке – и этот жест был таким интимным, таким привычным, что у меня захватило дух. Мистер Гамильтон тоже обернулся, глядя в кусты, где скорчилась я.

Я закрыла глаза и начала молиться. Боже, только бы они те поймали меня здесь, в таком унижительном положении! Возможно, я лучшего и не заслуживаю, но это больше, чем я смогу вынести. Если один из них подойдет ближе, я брошусь к лошади и ускачу.

Когда я снова открыла глаза, мистер Гамильтон качал головой, успокаивая ее. Это был просто ветер (я почти слышала его слова) или какой-то зверек в кустах.

Через мгновение они продолжили беседу, но теперь она текла более торопливо, словно они не хотели рисковать тем, что их прервут снова. Леди Мэри больше не улыбалась. Похоже, она на что-то дружески пеняла ему, а он возражал. Они стояли лицом друг к другу, их разделяло не больше сантиметра. Он покачал головой. Его отказ рассердил леди. Ее лицо стало жестким, и она ответила ему что-то так решительно, что ее белокурые локоны взметнулись.

И тут, пока я бесстыдно подглядывала за ними, меня настигло наказание за шпионство – наказание, достойное разгневанного божества. Лицо леди Мэри внезапно смягчилось и просияло улыбкой. Она протянула ему свои руки. К тому времени я уже ненавидела ее всем сердцем, но даже я не сумела сдержать восторженного вздоха при виде ее неземной красоты. Ее щеки пылали, ее глаза сияли; она с таким изяществом приподнялась на цыпочки, что казалось, едва касается земли. Мистер Гамильтон колебался, но только одну секунду. Он заключил ее в объятия с неожиданной силой, которую я так хорошо знала. Две одетые в черное фигуры слились в одно, и он покрыл поцелуями ее запрокинутое, улыбающееся лицо.

Глава 9

На следующее утро пустоши сковал мороз. Из окна своей комнаты я видела, как кусты вереска сверкают на солнце, словно бриллиантовые водопады, струящиеся на красновато-коричневую землю. Ветер с дальних холмов больше не был прохладным, он был просто холодным. Похоже, он стряхнул паутину с моего сознания и размел ее по углам, где собирается пыль.

Что же мне было делать?

Я уже несколько педель знала ответ. Теперь я наконец открыто признала это. Я должна немедленно покинуть Блэктауэр. Для меня здесь больше нет надежды и нет никаких оправданий для промедления. Но я все слонялась по дому...

В конце концов я вышла в холл при входе, где было сколько угодно мест, чтобы мерить его шагами, и принялась ходить туда-сюда, рассматривая портреты на стенах, – все они были темны и давно нуждались в чистке. Монотонное бормотание дождя пробивалось даже через тяжелую дубовую дверь. Я подумала о том, чтобы сходить за шалью: в холле было холодно и сыро. А потом увидела, как тяжелый железный молоток у двери опускается с громким стуком.

Никого из горничных видно не было, так что открывать пришлось мне. Я полагала, что это стучал сэр Эндрю; никто, кроме него, не осмелился бы выйти в такую погоду из дому, и даже его мне не хотелось бы оставлять мокнуть под дождем.

На ступеньках стоял мужчина. Завидев меня, он сиял шляпу, и чуть ли не чашка дождевой воды пролилась с ее полей. Он промок до нитки; его лицо было таким, словно он только что испугался, а над открытым ртом свисали остатки некогда очаровательных усов.

Сначала я даже не узнала его. Он был здесь совсем не к месту, его облик разительно не соответствовал окружающей его декорации.

Он хмурился все сильнее, пока я, разинув рот, смотрела на него, стоящего в дверном проеме.

- Ты намерена оставить меня мокнуть под дождем, Дамарис? - нетерпеливо спросил он.

- Я... прошу меня простить, Рэндэлл. Входи.

Он вошел, и каждый его шаг сопровождался кучей брызг.

- Господи боже, Дамарис, с твоей стороны это был действительно плохой поступок! Все эти отдаленные, заброшенные местечки!.. Как, скажи на милость, я смогу вернуться сегодня вечером в Каслтон? Я вымок насквозь. Ты знаешь, какие у меня бывают простуды, я потом чихаю неделями, это такие страдания...

- Знаешь, едва ли ты можешь обвинять меня в том, что на улице такая погода, Рэндэлл, - напомнила ему я. - Конечно же тебе придется остаться здесь на ночь. Подожди минутку, и я позабочусь о комнате для тебя.

Миссис Кэннон спала, когда я ворвалась в ее комнату, но мои новости мгновенно ее пробудили. Еще один джентльмен в доме! Джентльменам требуется забота, от них нельзя требовать, чтобы они слишком долго ждали. Будучи взволнованной, она умела двигаться достаточно быстро. В короткое время в одной из комнат для гостей был разожжен камин, на постели оказались свежие простыни, слугу послали за багажом Рэндэлла, а также приказали позаботиться о его лошади. Я вернулась за кузеном в холл.

Теперь, когда самые насущные вопросы были решены, у меня появилось время задуматься, не сплю ли я. Обнаружить в дверях промокшего Рэндэлла - это было почти так же невероятно, как ощутить, что я в одно мгновение перенеслась в Лондон. Я всерьез начала сомневаться в своем рассудке...

Затем до меня дошло, что мне полагается привести себя в порядок - причесать волосы или сменить платье. Я, не слишком церемонясь, связала волосы в узел, стряхнула с юбки какие-то прилипшие к ней нитки и двинулась напрямик в гостиную. Там я уселась, сложив руки на коленях, одернула рукава и принялась ждать.

Рэндэлл не слишком торопился. Я приказала Бетти подать чай и проводить джентльмена вниз, а сама приготовилась к неизбежной лекции.

Рэндэлл вошел и тут же двинулся к камину, У которого и встал, согревая руки, так что несколько мгновений я имела возможность незаметно изучать его. Он был достаточно высок, чтобы с легкостью нести излишки своего веса; этот его недостаток ясно проявлялся лишь в его слишком полных щеках и руках. Он научился довольно аккуратно прикрывать лысину на макушке. Его одежда была вне всякой критики.

На этом мою инспекцию пришлось прервать. Рэндэлл обернулся и прочистил горло - как хорошо я знала эту его манеру!

- Итак, Дамарис, ты целиком и полностью разрушила свою репутацию. В Лондоне прекрасно известно, что ты уехала сюда с... с этим человеком. Конечно, я знаю, что он наследует титул пэра. Но все равно, Дамарис, у него крайне плохая репутация. И такая глупость - стать его секретарем...

- В самом деле? - пробормотала я.

Рэндэлл пренебрег предостережением, прозвучавшим в моем голосе, хотя оно и было очень мягким.

- Нет, я не виню тебя. Я виню мистера Дауни; я весьма недоволен им за то, что он позволил тебе сбежать, поступить подобным образом. Но оставим это. Я не виню тебя, но другие не так милосердны. Твоя репутация...

- О, черт бы побрал мою репутацию! Неужели ты всегда думаешь только то, что думает весь свет? - Я вскочила на ноги. Пока мой кузен произносил свою речь, он понемногу приближался ко мне, так что теперь, когда я встала, мое лицо оказалось прямо напротив его. - Ты что, приехал сюда, чтобы оценивать меня и читать мне мораль? Если так, то можешь поворачиваться и уезжать!

И ведь я только сегодня думала написать тебе... думала сказать тебе, что я возвращаюсь назад... Как я могла забыть твою самонадеянность, твою тупость, твое...

Рэндэлл положил конец моей тираде самым неожиданным образом. Он схватил мою жестикулирующую руку и прижал ее к своей груди. Я была настолько изумлена, что упала на стул, потянув за собой Рэндэлла. Ему пришлось стать на колени, в этой позе он и остался.

- Ты писала мне? Ты говоришь, что хотела приехать ко мне? Моя дорогая девочка...

Я никогда не была в восторге от его роскошных усов. Их длинные кончики щекотали мне нос. Я успела вовремя подавить приступ смеха и придала своему лицу такую суровость, какую только могла.

- Ты сломаешь мне руку, - строго сказала я, - и испортишь свои брюки. Вставай же, Рэндэлл, пока кто-нибудь не вошел.

Но ни строгость, ни насмешка его не тронули. Усы приближались неотвратно; выражение его лица под усами было совершенно неузнаваемым. Я попыталась уклониться от объятий. Я подумала, что смогу скорее уговорить его, отдалившись на подобающее расстояние. Именно в эту минуту дверь отворилась и в комнату вошел мистер Гамильтон.

Он остановился в дверном проеме, с изумлением глядя на нас, и, правду сказать, я его не осуждала. Рэндэлл все еще не отпустил мою руку, его хватка не ослабела, так что я не могла освободиться. И тем не менее я ухитрилась повернуться и представить их друг другу.

Говорят, что хорошее воспитание в конце концов сказывается. Рэндэлл поднялся на ноги, освободив мою руку.

- Как поживаете, сэр? - произнес он с поразительным апломбом.

- Ваш покорный слуга, сэр, - ответил мистер Гамильтон ледяным голосом.

Они были примерно одного роста, хотя Рэндэлл был толще, чем хозяин, и шире в плечах. Последний был одет в свой обычный костюм: килт с чулками и куртка поверх не слишком чистой белой рубашки. Галстука на нем не было, воротник распахнут, а волосы влажные. Если бы чужака попросили решить, кто из этих двоих является наследником громкого титула пэра, он никогда не выбрал бы мистера Гамильтона.

- Вы должны простить мое непредвиденное вторжение, сэра, - произнес Рэндэлл. - Я приехал из Лондона в ответ на просьбу моей юной кузины и надеялся сегодня же вечером сопроводить ее обратно, в Каслтон. Но я не осознавал, что ваши владения простираются так далеко от города. Боюсь, что сегодня ночью мне придется рассчитывать на вашу снисходительность.

Мистер Гамильтон выслушал эту речь с похвальной серьезностью. Только один раз, когда Рэндэлл упомянул - в заблуждении - о моей «просьбе», глаза хозяина скользнули по моему лицу и так же быстро вернулись обратно к Рэндэллу.

- Не говорите о снисходительности, умоляю вас, - ответил он. - Я надеюсь, что вы окажете мне честь, оставшись в моем доме на несколько дней. К тому же мисс Гордон не может отправиться в Каслтон верхом. Вам необходима карета, я с сожалением должен сообщить, что моя в настоящее время неисправна. Но к субботе колесо должны починить.

У меня не было никаких причин сомневаться в подобном заявлении. И тем не менее я усомнилась. Я не видела кареты с тех самых пор, как мы прибыли в Блэктауэр; насколько я знала, она вообще могла уже развалиться на части. Но я хорошо знала голос хозяина, а в нем звучали какие-то скучные и неубедительные нотки.

- Кроме того, - мягко продолжил мистер Гамильтон, - у мисс Гордон по соседству имеются друзья, которых она не захочет оставить так внезапно и которые будут сожалеть о том, что не удостоились чести сказать ей последнее прости.

Рэндэлл самодовольно кивнул. Это заявление, изложенное в выражениях, принятых в той части светского общества, которую он хорошо знал, не казалось ему достаточно убедительным. Он даже представить себе не мог, какой дикостью оно прозвучало для меня.

Не было никаких сомнений в том, что мистер Гамильтон мысленно поздравлял себя со своей гениальной выдумкой насчет кареты. Он прилагал исключительные усилия, чтобы выглядеть гостеприимным хозяином: показывал Рэндэллу дом, лошадей и окрестности. Мы обедали "по-семейному" (правда, без Аннабель) в продуваемом сквозняками холле, а после ужина джентльмены удалялись в бильярдную, о существовании которой я даже и не подозревала, или играли в шахматы в библиотеке. Однажды вечером они отправились в деревню. Вернулись же очень поздно, и о том, что они приближаются, слышно было издали. Один из них пел, и голос этот был не баритоном хозяина, но цветистым тенором, какого я никак не могла заподозрить у Рэндэлла.

Вся эта достойная изумления деятельность мистера Гамильтона со своей стороны очень помогала мне придерживаться принятого мною решения - ни в коем случае не оставаться с Рэндэллом наедине. Воспоминание о его красной физиономии, все приближающейся к моему лицу, заставляло меня содрогнуться. Что я буду делать, когда мы останемся вдвоем в карете на дороге обратно в Лондон...

В один прекрасный день, когда мы сидели в гостиной за чаем, лицемерно наслаждаясь трапезой, прибыл сэра Эндрю. В конце концов, мы оба были лицемерами - и мистер Гамильтон, и я сама. Оба мы вели себя так, словно эта приятная послеполуденная церемония была для нас привычной, тогда как конечно же мы никогда не пили вместе чай до тех пор, пока не прибыл Рэндэлл. Все это устраивалось ради моего выдающегося кузена - и он принимал это за чистую монету. Я притворялась добровольно и охотно, но неизменная приветливость мистера Гамильтона меня по-настоящему удивляла.

Однако он не был столь же приветлив в отношении сэра Эндрю, хотя исчезло презрение, с

которым он обращался с молодым человеком в тот памятный день в библиотеке. Из этого я заключила, что сэр Эндрю отстоял свое доброе имя и представил необходимые рекомендации. И если он все еще не был принят в доме как официальный поклонник Аннабель, его, как минимум, продолжали принимать.

Я налила сэру Эндрю чашку чаю. Похоже было, что он бы скорее предпочел напиток покрепче, но не имел достаточно мужества, чтобы об этом попросить. Он вручил мне записку от своей сестры с приглашением на бал, который устраивали в Глендэрри в пятницу. "Просто маленькая дружеская вечеринка, - писала леди Мэри. - Я надеюсь представить вас, Дамарис, нескольким моим старым друзьями, которые приехали навестить меня. И конечно же теперь это станет еще и прощальным вечером". Записку завершало предложение, чтобы мой кузен также примкнул к группе приглашенных.

- Пожалуйста, поблагодарите за меня леди Мэри, - сказала я. - Но я должна буду отклонить приглашение. Мы уезжаем слишком скоро, и, правду сказать, у меня даже нет подходящего наряда.

Рэндэлл прекратил жевать свои усы и уставился на меня.

- У Аннабель достаточно материй, чтобы обеспечить целый магазин, - вмешался мистер Гамильтон. - Я не сомневаюсь, что у нее на полках найдется что-нибудь, из чего можно сделать платье.

Его глаза встретились с моими, и в них, словно в зеркале, отразился зеленый бархат. Эта ткань предназначалась мне, и он знал, что я отвергла подарок.

- Я не могу этого сделать, - сказала я.

- Разумеется, нет, - согласился Рэндэлл. - Дамарис нет нужды полагаться на доброту мисс Гамильтон. Завтра я отправлюсь в Каслтон. Полагаю, белый муслин - это то, что вполне подходит молодой леди.

Мистер Гамильтон ничего не сказал. Он продолжал смотреть на меня, его рот искривила легкая улыбка. Меня страшно нервировало сознание того, что он так просто может прочесть мои самые потаенные мысли. Очевидно, моя попытка избежать участия в бале была обречена на провал. В отношении же платья я должна была положиться на милость одного из двух мужчин. Я могла выбирать только между Рэндэллом и хозяином. Я кипела от гнева, которого не могла показать.

- Ты не сможешь в один день доскакать до Каслтона и вернуться обратно, - с трудом выдавила я. - Я поговорю с Аннабель.

* * *

Когда я пришла в комнату Аннабель поинтересоваться насчет бархата, я тут же поняла, что она уже прослышала о бале в Глендэрри. Я ожидала вспышки гнева или по крайней мере требования, чтобы ее взяли туда. Но, к моему удивлению, она упомянула о сем предмете довольно спокойно.

- Вам понадобится платье, - дружелюбно сказала она. - Посмотрите в шкафу и выберите себе что-нибудь подходящее.

Я обнаружила ткань сразу же. Она лежала поверх газа и шифона. Аннабель предложила его

мне, заметив для пушного эффекта, что зеленый в самом деле не ее цвет.

Все это было так не похоже на ту Аннабель, которую я знала, что я начала питать смутные подозрения.

- Не хотите ли вы поехать? - спросила я, обернувшись к ней с кипой нежной зеленой ткани в руках. - Вы ведь теперь чувствуете себя намного лучше. Как поживает ваш секрет?

Светлые ресницы Аннабель опустились, чтобы скрыть блеск ее глаз.

- Не так уж и хорошо. Я пока еще не могу ходить. Но я знаю, что должна быть терпеливой.

- О да, многолетняя болезнь не может пройти за день. Но я думаю, что в карете мы могли бы без труда вас довезти. Разве вы не хотите посмотреть на танцы?

- Посмотреть? Ну уж нет!

Она сказала это резко, и я подумала, что это я понимаю. Конечно же совсем не весело сидеть, словно старушка, закутанная в шали, тогда как другие женщины танцуют и наслаждаются комплиментами. Я забыла о своих подозрениях. И когда Аннабель спросила, не захочу ли я шить платье в ее комнате, так чтобы она могла смотреть и вносить свои предложения, я немедленно согласилась. Бедное дитя, думала я, неужели всю жизнь ей предстоит только смотреть, как другие женщины наряжаются на бал?

Глава 10

Поначалу я надеялась, что платье не будет готово к сроку, но вместе мы закончили его так быстро, словно это произошло по мановению волшебной палочки. Миссис Кэннон оказалась опытной портнихой, а у Аннабель было достаточно модных журналов с выкройками. Фасон, который они выбрали, поначалу меня ужаснул; юбка была так широка, что в нее могли бы поместиться сразу шесть женщин, а лифа почти что и не было.

В пятницу вечером была устроена последняя примерка. Когда я посмотрела на фигуру, отразившуюся в высоком зеркале Аннабель, я едва могла поверить, что это я. Зеленая юбка спадала красивыми величественными волнами, которые поддерживали новомодные обручи, подаренные мне миссис Кэннон. Бархат играл на свету - в зависимости от освещения его цвет менялся от ярко-изумрудного до темно-темно-зеленого. Лиф оставлял мои руки и плечи почти совсем обнаженными. Я попеняла на это, а Аннабель рассмеялась и показала мне картинку в своем журнале, где леди были прикрыты даже еще меньше.

Бетти соорудила мне прическу. Когда она закончила, на моей голове красовалась высокая корона и три длинных локона спускались до плеча. Затем она выбежала и вернулась с чем-то, что показалось мне пригоршней свежих цветов. Я воскликнула от удивления и наклонилась, чтобы их рассмотреть. Это и были цветы - белые шелковые розы с зелеными стеблями, хитрым образом обшитые и украшенные зелеными листьями - из того же бархата, из которого было сшито и платье. Наконец девушка оставила меня, окинув медленным взглядом - так художник смотрит на свое творение... И вот я стою перед зеркалом - неподвижная, словно кукла.

Теперь я была одна, и это был мой последний вечер. Четыре дня я гнала от себя всякую мысль о будущем. Но сейчас я думала: это - в последний раз. Я никогда больше не посмотрю в это зеркало; никогда не увижу, как умирает огонь в моем очаге, и никогда не увижу, как рассвет врывается в мое окно. Завтра я уеду, уеду навсегда - и покину этот дом, и вид на розовые склоны Бен-Макдьюи, и утесник, который к сентябрю становится золотым; я покину Бетти,

моего друга, и Тоби, и мою маленькую лошадку Шалунью; я покину хозяина.

- Я этого не выдержу, - громко сказала я.

Звук моего голоса напугал меня; казалось, он исходит от кого-то еще. Ну конечно, этот хриплый, подавленный голос не может исходить от создания, которое я вижу в зеркале. Я сведу эту красавицу вниз по лестнице и покажу ее всем им; и никто, даже Гэвин Гамильтон, не догадается, что это вовсе не я. Я неловко повернулась, путаясь в складках юбок, и пошла по коридору, чтобы пожелать Аннабель доброй ночи.

При виде меня девушка в восторге захлопала в ладоши. В тот вечер она выглядела необычайно хорошенькой; даже самые скромные удовольствия, казалось, приводили ее в восторг.

Мужчины ждали меня в гостиной. Рэндэлл развалился на стуле рядом со столом с наполовину опустошенным стаканом в руке. Когда я вошла, он поднял на меня взгляд, и на мгновение я подумала, что он сейчас проглотит свой стакан. Он вскочил и стоял, тупо глядя на меня; его рот был наполовину открыт, а губы в свете ламп казались мокрыми.

Мистер Гамильтон, устроившийся в своей любимой позе рядом с камином, не сделал никакого движения. На нем был вечерний наряд горцев, и он выглядел словно глава клана из числа сорока пяти избранных. Его куртка была из зеленого бархата, сочетавшегося с зелеными тонами шотландки; запястья украшали кружева, а на туфлях сверкали серебряные пряжки.

Рэндэлл подошел ко мне и поцеловал мою руку. Он сделал это очень неловко. На нем был вечерний наряд: черный шелковистый костюм и накрахмаленная белая рубашка. Среди оборок на рубашке сверкала бриллиантовая булавка. Когда он выпрямился, все еще держа мою руку в своих, я почувствовала сильный и неприятный запах бренди.

Словно издалека я услышала голос мистера Гамильтона.

- Карета будет подана через пару минут, - сказал он. - Рэндэлл, предложите мисс Гордон немного шерри.

Рэндэллу волей-неволей пришлось освободить мою руку. Я плюхнулась на ближайший стул, не сводя глаз с зеленых бархатных складок своей юбки и пытаюсь успокоиться. Пока что все шло даже хуже, чем я ожидала. Зеленый бархат - на моем платье, на его куртке. Теперь я никогда не смогу спокойно видеть зеленого бархата, он всегда будет для меня напоминанием.

Рэндэлл принес мне вина и снова наполнил свой стакан.

- Тост! - произнес он, причем язык уже не слишком хорошо ему повиновался. - За прекрасную мисс Гордон - да останется ее имя навеки тем же!

Он счастливо захихикал и выпил. Я не знала, присоединился ли к нему мистер Гамильтон; я не могла его видеть со своего стула, а из той части комнаты до меня доносилась лишь мертвая тишина.

Рэндэлл одним махом опрокинул свой стакан и глубоко вздохнул.

- Я кое о чем подумал, - объявил он и клюнул носом. - Мы ведь все кузены и кузины, разве не так? Давайте обращаться друг к другу по именам. Дамарис, перед тобой - Гэвин. Гэвин, позволь представить - Дамарис. Давайте же все пожмем друг другу руки!

- С удовольствием, - холодно произнес мистер Гамильтон. Он ухватил Рэндэлла за руку, одновременно отобрав у него стакан, который нежно сжимал в руке кузен. Затем повернулся ко мне: - Идемте, Дамарис.

В холле мы обнаружили миссис Кэннон, укутанную в фантастическую розовую накидку из тафты, и мы с ней вместе сели в экипаж. То, что она едет, было решено в последнюю минуту. Аннабель как-то вскользь упомянула, что старая леди очень убивается из-за того, что не сможет увидеть праздника, и добавила, почти так же вскользь, что мое положение и в самом деле требует присутствия дамы-компаньонки. Меня отнюдь не заботило, чего требует мое положение, но я подумала, что миссис Кэннон тоже имеет право на свои маленькие радости, поэтому я устроила так, чтобы она поехала.

Хозяин одним махом взлетел в свое седло, а Рэндэлл с трудом вскарабкался на свое. Я заняла место в карете и расправила складки своих юбок; они закрыли собой большую часть сиденья. Выглянув в окно, я заметила Бетти, которая, теребя фартук, наблюдала за мной из укромного местечка на балюстраде. Я улыбнулась ей. А потом неожиданно, без всякой задней мысли, произнесла:

- Приглядывай за Аннабель, ладно, Бетти?

Бетти послушно, хотя и удивленно, кивнула. Но я была поражена этим словом даже больше, чем она. Я снова устроилась в карете, гадая, что заставило меня сказать это.

Мы увидели огни Глендэрри задолго до того, как добрались до дома. Казалось, он плыл над пологим хребтом, словно корабль, освещенный призрачным светом лунных лучей и сиянием свеч. Двери были открыты, и на верхней площадке лестницы стоял сэр Эндрю, поджидая нас.

Рэндэлл подал мне руку, когда я выходила из экипажа, а потом помог спуститься объемистой миссис Кэннон. Так что, когда я повернулась, чтобы шагнуть на ступеньки террасы, я обнаружила, что меня поддерживает рука мистера Гамильтона. Мы поднялись по ступеням вместе, но ничего не сказали друг другу. Моя рука ощущала мягкий поношенный бархат на рукаве его куртки. Сэр Эндрю приветствовал нас и проводил внутрь; там, в холле, в сверкании свечей, зажженных в подсвечниках над ее головой, стояла хозяйка.

Леди Мэри была одета в тот оттенок синего, который совершенно не сочетался с моим зеленым. Она сделала шаг вперед и протянула руки, а ее лицо осветила улыбка. Ее свободно падающие локоны украшали синие страусовые перья, а на шее красовалось ожерелье из сапфиров и бриллиантов. И лишь одна деталь в ее костюме была не к месту и даже вызывала раздражение - большая, тяжелая брошь из грубого серебра с дымчато-желтым топазом. Это украшение сразу же бросилось мне в глаза, поскольку было таким огромным и было расположено прямо на груди, точнехонько посреди кружев. Это была, без сомнения, фамильная вещь, и достаточно старая. Серебро было отполировано, но чернота в глубоких гранях орнамента сопротивлялась чистке.

И тут я наконец почувствовала, как напрягся и застыл справа от меня Гэвин Гамильтон. Его рука под моей ладонью стала похожа на железный брус.

- Что такое? - шепотом спросила я.

- Ничего.

Он высвободил руку и взял в ладони тонкую белую руку, протянутую ему леди Мэри. И по тому, как он это сделал, я поняла, откуда появилась эта брошь.

После такого меня не развеселил бы и самый лучший вечер в мире. А собравшееся сегодня общество и в самом деле не блистало изысканностью. В воздухе витала определенная неловкость, и с этим ничего нельзя было поделать. Мой первый танец был обещан сэру Эндрю, а Гэвин повел в паре хозяйку. Таким образом, Рэндэлле оставалось довольствоваться вниманием леди и сильно открытым и несколько грязном платье цвета розы, которую подвела к нему леди Мэри.

Танцующее общество было представлено дюжиной пар, и, пока мы стояли, ожидая очереди, чтобы занять свое место, я сказала сэру Эндрю:

- Просто толпа пароду! Никогда не думала, что по соседству так много людей, чей возраст позволяет им танцевать.

- Представьте себе, это не так. Во всей округе мы с трудом отыскивали два более-менее известных семейства, у Дункана четыре цветущие дочери, и одна у Истона; может быть, они и не стоили того, чтобы быть приглашенными, но, в конце концов, они принадлежат к нашему классу. Однако большинство гостей – это друзья Мэри и мои.

Пара перед нами закончила поворот, и я подала руку сэру Эндрю. Мы плавно двинулись по полу – в такт пиликанию скрипки – и наконец заняли свои места.

- Какая жалость, что это наша последняя встреча, – сказал сэр Эндрю. – Сегодня вечером вы очень хорошенькая, мисс Гордон. Праздники вам к лицу.

Потом я танцевала с Рэндэллом, а потом с мистером Гамильтоном. К моему несчастью, следующим танцем был вальс, а не один из тех старомодных танцев с фигурами, которыми мы в основном развлекались. Мистер Гамильтон танцевал с видимым безразличием, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки; ни один из нас не произнес ни слова. Но каждая секунда этого танца причиняла мне страдания.

Как только закончился вальс, леди Мэри подошла, чтобы увести Гэвина, а взамен привела капитана Дьюбоиса, с которым я и танцевала следующий танец. Он казался слишком старым, чтобы быть одним из друзей сэра Эндрю, хотя именно так мне его и представили. Мне, в сущности, не было никакого дела до его грубого, изрезанного морщинами лица или до его хороших манер, которые были так неуклюжи и явно давались ему с большим трудом. Но на протяжении всего вечера я не могла удержаться, чтобы не подумать, что друзья сэра Эндрю представляют собой весьма странный выбор. В группе “друзей” были лишь две леди – если они заслуживали этого титула; в тусклом свете комнаты, на приличном расстоянии их платья выглядели элегантно, но при более близком изучении я не могла не заметить, что их кружева были подвергнуты штопке, их шелка не избежали действия грязи, а румянец на их зардевшихся щеках не имел никакого отношения к природному. Джентльмены были такими же потасканными; внешне все они были до странности похожи; высокие и низенькие, легкомысленные и мрачные, все шестеро несли в своем облике нечто общее – бегающий взгляд и жесткую складку у рта.

Так что, когда был объявлен вальс, я с облегчением отдала свою руку мистеру Дункану, одному из шотландских джентльменов, проживающих близ Каслтона. У него были седые волосы, я тучная фигура, но взгляд его голубых глаз казался прямым и искренним и после тех лиц, которые я только что изучала, произвел на меня освежающее действие. Было заметно, что он тоже обратил внимание на этот разношерстный сброд.

- Странные ребята, не правда ли? – произнес он, бросив пренебрежительный взгляд на майора

Грина, который как раз споткнулся, кружа в танце в одну из дочерей Дункана. – Я вроде бы даже жалею, что мы приехали. Но сэр Эндрю – такой светский, а его сестра – она очень, очень славная. – Правду сказать, я и сам бывал за границей, и такие типы мне знакомы. Пройдохи или авантюристы, держу пари, большинство из этих мужчин никогда не держали экзамена на военный чин. Капитан Такой-то да майор Тот-то – как бы не так!

– Но, – медленно произнесла я, – что им могло здесь понадобиться?

– О, они просто друзья молодого джентльмена. Ничего необычного в том, что парнишка насобирал в модных кругах подобного мусора, ведь он легкомысленный человек и всем вокруг верит.

– Я удивлена, что леди Мэри позволила ввести подобных людей в свой дом.

– Леди Мэри уж очень потворствует своему братцу. Уверен, что парню требуется твердая рука. И я не сомневаюсь, что она у него будет, поскольку Гэвин войдет в семью.

Я танцевала не сбиваясь с ритма, хотя мистера Дункана нельзя было признать самым легким в мире партнером. Но тут пропустила следующий такт.

– Вы думаете...

– О, конечно. Вы видели брошь? Так заведено у Гамильтонов – жди оглашения помолвки.

– Я видела брошь. Но я не знала, что она означает.

Польщенный моим неподдельным интересом, мистер Дункан принялся выделывать самые замысловатые па.

– Вы немного бледны, – сказал он, закончив танец. – Может быть, вам лучше ненадолго выйти на воздух?

– Да. Пожалуй.

Снаружи воздух был холодным, однако после спертой атмосферы бального зала он подействовал на меня освежающе. Я обхватила плечи руками.

– Расскажите мне подробнее о той броши, которая на леди Мэри, – попросила я.

– Ах да, брошь. Это настоящая шотландская брошь, понимаете; ее носил предводитель Данноха. Однажды юный жених отдал ее своей обрученной невесте, словно это была какая-то женская безделушка, а не знак воина. С тех пор это стало традицией: Гамильтон при обручении дарит ее своей невесте. Гэвин получил ее от матери. Он был любимым сыном, хотя и не старшим; ну а Алан никогда не заботился о старинных обычаях.

– Я понимаю.

– Я рад, что парень задумался о женитьбе, – задумчиво продолжал пожилой шотландец. – Он все эти годы жил один – одиноко, разогнал всех друзей, которые могли и должны были бы ему помочь. Но они все гордецы, Гамильтоны, такая уж судьба.

Ледяной ветер развеивал голые ветви ив. Мои обнаженные руки покрылись гусиной кожей, но я об этом не думала. Я постаралась, чтобы мой голос прозвучал как можно более обыденно. Я сказала:

- Нет сомнения, что потеря жены стала для него ужасным ударом.

- Может быть, и так. - Голос мистера Дункана был хриплым. - Может быть, и ударом. Скрытое благословение - вот как я это называю.

- Что вы хотите сказать?

- Этот брак был обречен с самого начала. Он женился на ней тайно, против воли своей семьи. Она была дочерью актера, и репутация у нее была не слишком... довольно сомнительная, в общем. Но она была хорошенькой, и он - ну что, он был совсем не плох, да еще и наследник Данноха - после Алана. Никто не ожидал, что Алан женится - он был слабого сложения, застенчивый - вот какой он был.

- Вы, наверное, познакомились с ней после того, как он привез жену в Блэктауэр?

- Не пришлось. Хотя о мертвых - либо хорошо, либо ничего, - медленно ответил мистер Дункан. - Но... я знал Гэвина с тех пор, как он был еще ребенком. Я видел, как он изменился - из парня, который любил посмеяться и от которого дурного слова никто не слышал - ни человек, ни животное, - а как он обращался с лошадьми! - он превратился в такого, как сейчас. Это превращение не иначе как колдовство. И именно она изменила его. Но вы знаете его только таким, каков он теперь. Вы не поймете.

Но я понимала. Несколько простых слов было достаточно, чтобы представить себе всю картину - столь живую, что я почти могла ее видеть. Мы помолчали. Мистер Дункан уже сожалел о своих опрометчивых словах, а я - я видела призрак, он сверкал на фойе ночного мрака - темноглазый, смеющийся мальчишка, с нежными руками и чистым, необезображенным лицом.

Когда между мной и мистером Дунканом легла тень, мы оба вздрогнули. В дверях стоял Гэвин. Если он и слышал, о чем мы говорили, то не подал виду.

- Эйлин готова ехать, Дункан, - мягко произнес он. - Она попросила меня найти тебя.

Мистер Дункан после нескольких исключительно формальных слов прощания поспешно удалился. Я осталась стоять, опершись на балюстраду. Гэвин присоединился ко мне. Он что-то держал в руке; теперь он развернул это и набросил мне на плечи. Это была моя шаль.

- Благодарю вас, - произнесла я. - Вы хотите ехать теперь же?

- Нет, когда вы будете готовы. Но у нас могут возникнуть проблемы с тем, чтобы вытащить отсюда кузена Рэндэлла и прервать его страстную погоню за удовольствиями. Когда я в последний раз видел его, он был в столовой и насыщался под завязку.

Его голос бы все тем же - хриплым, насмешливым.

- Итак, - сказал Гэвин, нарушая молчание, - завтра вы уезжаете. Каковы ваши планы?

- У меня нет планов.

Его лицо скрывалось в тени, и потому я не могла ясно его видеть, но я думаю, что его брови поднялись в знакомой, полной издевки гримасе.

- Планы есть у кузена Рэндэлла - их хватит на двоих.

- Он может держать их при себе, - коротко ответила я, плотнее запахивая шаль и намереваясь войти в дом.

Рука Гэвина остановила меня.

- Правильно ли я понял, что вы не изменили своего первоначального отношения к Рэндэллу. Уж если вы вызвали его сюда в качестве избавителя, вы, как минимум, должны чувствовать себя обязанной ему.

- Я ничем ему не обязана. Вы это знаете.

- Да, я знаю. Но это лишь прибавляет романтики его галантному жесту. Не долг, но любовь привела его через горы - к вам.

У меня больше не было желания удерживать в душе сентиментальные воспоминания о юности Гэвина. Мне захотелось дать ему пощечину. Я составила в уме весьма остроумный ответ и уже была готова высказать его, но, к моему ужасу, мой язык помимо моей воли произнес слова, говорить которые я вовсе не собиралась.

- Почему вы говорите мне все это? - прошептала я.

- Я не знаю. Полагаю, потому, что я всего лишь человек. Нет, Дамарис, не будем углубляться в эту тему. Я хотел лишь узнать, есть ли у вас хоть какая-то альтернатива Рэндэллу и желаете ли вы, чтобы у вас появилась такая альтернатива. Не... не беспокойтесь. Мы с вами поговорим об этом завтра утром, до того, как вы уедете.

- Но почему не сегодня?

- У меня есть на то причины, которые я нахожу необходимыми и достаточными, - вежливо ответил он.

Это было уже слишком. Я почувствовала, что теряю самообладание.

- У вас есть причины - у вас, - и так всегда. Вы когда-нибудь думали о ком-то, кроме себя самого? Неужели другие люди - лишь предметы, пешки, которые можно передвигать, согласно вашим капризам?

Он обернулся, протянув ко мне руку:

- Дамарис, пожалуйста... не надо...

- "Пожалуйста, не надо"! - Я беспощадно передразнила его. - Почему бы вам не продолжить, не сказать, что вы на самом деле думаете? Во всяком случае, я скажу. Вы кое-что для меня приготовили? Вы не лучше Рэндэлла - переставляете меня, словно предмет мебели, или лошадь, или... я ненавижу вас обоих! О господи, если бы я только была мужчиной и могла... могла...

- Этого желания, моя дорогая, я разделить не могу, - произнес Гэвин, и я неожиданно поняла, что за дрожь искажала его голос. Он смеялся.

И тут я расплакалась, но это были слезы ярости, и, когда Гэвин заключил меня в объятия, я попыталась его укусить. Он закрыл мой рот своими губами - от этого поцелуя потекла кровь; он ухватил мои руки, которыми я размахивала, молотя его куда попало, и сложил их у меня на

груди. И даже тогда, когда я билась в ярости, и боролась, и корчилась от боли, какая-то потаённая, бесстыдная часть меня наслаждалась этой борьбой и тем, как он покори́л меня, подчиняя себе мое тело и мою волю.

Когда он наконец поднял голову, я лежала у него на груди, измученная и дрожащая, и, когда мое шумное, причиняющее боль дыхание успокоилось, я смогла услышать, как он несвязно шепчет мне в волосы:

- Ты хотела бы быть мужчиной, правда? Это была бы утрата - ужасная утрата. Ты позволяла кузену Рэндэлле целовать тебя так? Надеюсь, нет. Это бесстыдство - так себя вести, Дамарис... Дамарис?

И я ответила, но не на словах. Несколько мгновений наша беседа была слишком хаотична, чтобы о ней можно было рассказать.

Наконец я высвободилась и, переводя дух, спросила:

- Теперь вы убеждены, что вам нечего беспокоиться о Рэндэлле?

- Должен бы. - Он мягко рассмеялся. - Но мужчины, Дамарис, - это неразумные животные. Стоит мне подумать о том, что ты с Рэндэллом завтра окажешься вдвоем в карете - о небо, я готов собственными руками привязать этого парня к лошади.

Ветер становился все холоднее, я чувствовала это, несмотря на защищающий круг его горячих объятий.

- В карете, - нерешительно повторила я. - Но... вы же не собираетесь отослать меня... только не завтра...

- Ты должна ехать. Именно завтра. - Его губы коснулись моих - легко словно ветер.

Холод охватил меня - он был не только в воздухе, он пронзил меня изнутри. Я попыталась оттолкнуть его.

- В таком случае... вы просто со мной играете. Вы собираетесь жениться на ней.

Он оказывал сопротивление моим попыткам вырваться. Но при этих словах его объятия ослабли.

- Жениться... на ней? О боже, Дамарис, что ты говоришь?

- Я это знала, - произнесла я, глядя ему в лицо, на котором ясно читалось отвращение. - Знала, что между вами что-то было. Что за власть у нее над вами, Гэвин? Почему вы отдали ей брошь?

Луна спряталась за темными верхушками деревьев. Было холодно и одиноко; мертвый, посеребренный мир. На его лице пятнами проступила бледность. Я следила за игрой чувств на этом лице и видела, как наконец оно исказилось в мучительной и бесплодной усмешке.

Его руки упали с моих плеч, и он со стоном отвернулся.

- Дамарис, я дал ей брошь, но ты не должна задавать вопросов.

- Это из-за вашей жены?

- Моя жена, - тусклым голосом повторил он. - Ты тоже так думаешь, Дамарис? Что я убил ее?
- Нет, нет! Вы не могли такого сделать.
- Но если сделал? - Его голос был очень спокойным. - Что ты чувствуешь ко мне теперь?
- Не имеет значения, что вы делаете, - сказала я, зная, что говорю абсолютную правду, - или что вы сделали. Я буду любить вас до того дня, как сойду в могилу.

Он глотнул воздуха, перевел дух.

- В таком случае верь мне - хотя бы немного. Это долго не протянется, клянусь; и тогда...

Он остановился, глядя куда-то мимо меня - туда, где темнели сосны. Ночь больше не была прекрасна. Завеса облаков скрыла луну, ветер стал пронзительно-холодным. Я дрожала, даже укутавшись в шаль. А потом я увидела то, что уже видел Гэвин: тень, которая медленно надвигалась на нас из черной тени сосен.

Гэвин перепрыгнул через низкую балюстраду и бросился к спотыкающейся фигуре. Фигура тоже прибавила ходу, и, когда луна наконец вышла из-за облаков, я увидела пошатывающегося Иана, хозяйского грума.

Я подняла юбки и побежала по ступенькам к дальнему концу террасы. Когда я добралась до них, Иан в изнеможении повалился на землю. Гэвин склонился рядом с ним, поддерживая его за плечо. Широкая грудь Иана вздымалась, словно у загнанной лошади. Вдоль его лица с одной стороны была видна длинная темная полоса, похожая на шрам. Я взгляделась и убедилась, что то была засохшая кровь.

Когда я подошла, глаза грума были закрыты, но когда я упала рядом с ним на колени, он с усилием открыл их и схватился за руку, которая его поддерживала.

- Мисс Аннабель, - выдохнул он, с трудом переводя дыхание. - Они... забрали ее!

Глава 11

Я достала платок и вытерла лицо Иана. Пот тек по нему ручьями, несмотря на пронзительный холод ночи.

- Кто забрал ее? - спросила я.
- Тот, кого они называют... сэра Эндрю. Мерзавец... выпустил лошадей. Дональд... был подкуплен.
- Но... - Я попыталась собрать разбегающиеся мысли. - Но сэра Эндрю здесь.
- Вы давно его видели? - Гэвин заговорил в первый раз за все время. Его голос был спокоен, но его лицо заставило меня отшатнуться. - Нет, я думаю, что он уехал сразу же после первого танца. Иан, парень, я должен узнать немного больше. Дыши глубоко, как только можешь. Мисс Аннабель уехала с ним по своей воле? Но как? Мы забрали карету, а она...

Иан вцепился в его рукав:

- Она ходит, хозяин. Он усадил ее на лошадь, и они ускакали.

И тут я вспомнила все, и эти воспоминания наполнили меня стыдом и сожалениями.

- О, Гэвин, она пыталась ходить! Она тренировалась долгие недели. И я знала и не сказала вам!

Он бросил на меня холодный взгляд:

- Сейчас на это нет времени. Итак, она может ходить. Но думаю, что это путешествие, верхом на лошади, будет для нее трудным. Как давно это случилось, Иан?

- Не могу сказать точно, сколько прошло времени. Там был еще один человек, незнакомый - он сбил меня с ног, когда я начал драться с сэром Эндрю. Я немного полежал, а потом прибежал сюда.

- Примерно час, - пробормотал Гэвин, - или два. Но они должны ехать медленно. Может быть, у нас еще есть время... Позаботься о нем, Дамарис.

И он исчез, чтобы вихрем ворваться в дом с парадного входа. Иан последовал за хозяином, я - за ним; мы вбежали на террасу вовремя чтобы увидеть, что там происходит. Широкий луч света струился сквозь открытую дверь, где стояла леди Мэри, прощаясь со своими уезжающими гостями. У ступеней стоял старомодный экипаж, в его окне виднелось лицо миссис Дункан. Ее муж уже поставил ногу в стремя своей лошади.

Гэвин бесцеремонно отодвинул его в сторону. В один миг он вскочил в седло мистера Дункана и прищпорил лошадь - так, что та встала на дыбы. И вот уже он галопом мчится по дороге в Блэктауэр.

- О, мистер Дункан, вы должны помочь! - кинулась я к нему. - Мисс Аннабель бежала с сэром Эндрю. Мистер Гамильтон помчался за ними вдогонку.

И тут я увидела, из какого материала сделаны настоящие шотландцы. Мистер Дункан - полный, в возрасте, страдающий одышкой - без единого слова повернулся и бросился к конюшне, расположенной позади дома.

Леди Мэри стояла в дверях словно статуя. Затем снизошла ко мне по ступеням, двигаясь с медленной грацией.

- Я правильно расслышала? - спросила она. - Что натворил мой брат?

- Он похитил мисс Аннабель, - сказала я. - Поступок, достойный настоящего джентльмена - особенно в отношении близкого соседа.

- Должно быть, это какая-то ошибка. Грум лжет.

Я с презрением посмотрела на нее, но не стала затруднять себя возражениями. Я была уверена, что она прекрасно знала об этом плане все; и она, одна из всех, должна была заметить отсутствие сэра Эндрю на вечере. В самом деле, я подозревала, что бал только для того и был затеян.

Мистер Дункан галопом обогнул угол дома, он оседлал одну из лошадей сэра Эндрю. В узде у него были две другие лошади. Он бросил поводья на ступени, в то время как остальные гости, привлеченные шумом, вышли на террасу; он безошибочно определил тех двоих, которые могли ему помочь.

- Истон и вы, мистер Гордон! Сэр Эндрю сбежал с девчонкой, Гэвин помчался за ними. Если мы их не перехватим, может случиться убийство. Быстрее!

На мгновение настала мертвая тишина, потом разом раздались восклицания. Рэндэлл рванулся ко мне вниз по ступеням. Его лицо все еще пылало, но выглядел он почти трезвым.

- Это самая отвратительная вещь, о которой я когда-либо слышал, - пробормотал бедняга, вытирая рукой разгоряченный лоб. - О, хорошо, Дамарис, если ты хочешь, я поеду. Но сначала я должен отвезти тебя домой.

- На это нет времени, - вмешался мистер Дункан, принявший на себя командование экспедицией. - Здесь есть кареты. Истон, сажайте туда своих леди и отправляйте их домой. Где та старая калоша, которая приехала с вами, мисс Гордон? Ради бога, тащите ее сюда и уезжайте вместе с ней.

Истон был уже в седле, и, когда я подтолкнула Рэндэлла к третьей лошади, мистер Дункан также приказал ему поторапливаться. Я не стала ждать, пока они отъедут. Вскрабавшись в карету, где уже сидели миссис Кэннон и Иан, я прикрикнула на кучера. Через минуту трое всадников унеслись, обогнав нас, и я некоторое время слышала впереди звук подков, пока он не потонул в громогласном шуме наших собственных колес.

Я высунула голову в окно, рискуя, что меня заденет веткой, и оглянулась назад. Одним взглядом я охватила весь вид, похожий на сцену театра марионеток, - леди Мэри, в ореоле своих ярко-золотых волос, стоящая, словно кукла, у подножия лестницы, тогда как пестрая толпа ее гостей сгрудилась вокруг нее - в своих штопаных кружевах и линялых шелках. Затем деревья укрыли нас, и сцена померкла.

Никогда еще ночь не тянулась так долго. Поначалу я нашла себе занятие в том, чтобы уложить миссис Кэннон в постель, удостоверилась, что об Иане позаботились, а потом попыталась добиться связного рассказа от Бетти.

Она была в страшном смущении и противилась разговору со мной. Постепенно выяснилось, что мешало ей говорить, после чего ее сопротивление стало мне понятно. Они с Ианом устроили так, чтобы провести ночь вместе. Иан был у нее в комнате, когда Бетти спустилась, чтобы проведать Аннабель, и именно поэтому она смогла позвать его так быстро - до того, как сбежавшая парочка покинула дом.

Когда Бетти поняла, что я готова принять эту часть ее истории без комментариев (кто такая, в конце концов, была я, чтобы осуждать ее?), она расслабилась и заговорила свободно. На Бетти большое впечатление произвела моя просьба "присмотреть за мисс Аннабель". Сама бессмысленность этих слов зафиксировала их в сознании. Движимая скорее беспокойством, чем чем-либо другим, Бетти на цыпочках пошла к двери Аннабель и прислушалась.

Она обнаружила там сэра Эндрю вместе с Аннабель - в плаще и капюшоне, у него на руках - и закричала. Поднялась тревога, Иан бросился ей на помощь.

- Он бы скрутил мошенника, - рассказывала Бетти, всхлипнув при воспоминании, - но был еще другой человек. Он стоял внизу на лестнице. Он налетел на Иана словно дьявол и сбил бедного парня с ног.

Остальное было просто. Негодяи привязали Бетти к стулу и заткнули ей рот кляпом; дальше им нужно было просто выйти из дома.

- Они снесли мисс вниз по лестнице, - прошептала Бетти. - Она посмотрела на меня через плечо и рассмеялась. Она обнимала руками его шею и то и дело целовала его в щеку. Никогда не думала, что мисс Аннабель такая бездушная!

- И никто из слуг не пытался остановить их?

- Знаете, мисс, они все были где-то в глубине дома; я сомневаюсь, чтобы они что-нибудь слышали. Я видела только эту девку, Дженет. Она была с негодьями заодно и шла рядом с мисс Аннабель.

- Я так и думала. А второй грум?

- О, как же! Он тоже был с ними в сговоре.

Я отослала Бетти спать и присела в одиночестве в гостиной. Часы тянулись бесконечно; свечи оплыли, и их свет стал тусклым. Я раздвинула занавески и широко распахнула одно из окон, чтобы услышать первые же звуки чьего-либо приближения. Воздух был ледяным и темнота такой глубокой, что мне казалось, что они заполнили комнату, словно черный туман, легли складками на пол и сгустились в углах - там, куда не доставал неверный свет свечи. Съежившись у огня, я потеряла счет времени. Но за окнами была все еще густая чернота, когда я услышала стук копыт.

Я вскочила на ноги - мои суставы затекли от долгого сидения - и бросилась к окну. Я напрягала зрение изо всех сил, но ничего не смогла разглядеть. Медленные удары подков слышались ближе - уже у двери - и, наконец, остановились. Я побежала к двери и навалилась на засовы. Мои пальцы не слушались меня - их сводил холод и страх. За дверью не было слышно ни звука, ни удара, никто не спрашивал, можно ли войти. Засовы словно приросли к своему месту. Наконец они со скрипом поддались, и я широко распахнула дверь.

На ступеньках стояла леди Мэри. В зеленом плаще с капюшоном, с холодным красивым лицом, она была похожа на фею. Стоявший за ней человек держал в руках фонарь; в его свете зелено-желтые складки плаща походили на листву, в которой играет солнце. Я узнала одного из тех подозрительных полковников, которых видела на балу. Я стала закрывать дверь.

- Подождите. - Ее голос был властным. - Неужели вы оставите меня за порогом в такую ночь?

- У меня в доме нет мужчин.

Она рассмеялась.

- Отправляйтесь на конюшню, Джек, - приказала она своему спутнику. - Молодая леди, похоже, испытывает к вам неприязнь. Подождите - дайте мне фонарь. Итак, Дамарис Гордон? Вы боитесь впустить меня в дом?

В молчании я отступила, и она вошла.

Я провела ее в гостиную и согнулась у огня. Пока я стояла у открытой двери, я промерзла до костей, но леди, сбросившая свой легкий плащ, казалось, была нечувствительна к холоду. Она сразу же подошла к окну и встала там, глядя в ночь. Ее изящная фигура была выпрямлена и строга, словно она приказывала ночи подать какой-либо знак.

- Садитесь к огню, - сказала я, движимая жалостью, невзирая на всю мою нелюбовь к ней. - Вы можете заболеть.

- Но не от свежего воздуха. - Но она все же подошла и встала у камина, протянув белые руки к остывающим углям. - Как вы думаете, где они сейчас?

- Не могу даже представить. Однако хотела бы.

Так мы и сидели вместе, две женщины, у которых не было причин любить друг друга, но которые были связаны общим страхом. Первые бледные полосы рассвета появились на небе, прежде чем мы услышали стук копыт. Вскоре наружная дверь отворилась, потом со стуком захлопнулась. В холле послышался шум ног. А потом в гостиную вошел Гэвин, неся на руках свою дочь.

Она была такой поникшей и бледной, что я сперва подумала, что она в обмороке, но когда Гэвин усадил ее на стул, она выпрямила спину и открыла глаза. Она не посмотрела на отца, взгляд, словно магнит, притягивал другой человек, вошедший в комнату сразу за ними.

При виде своего брата леди Мэри вскочила и подбежала к нему. Они не обнялись, просто сжали руки. Потом она встала рядом с ним, лицом к Гэвину. Это был довольно-таки трогательный жест. Может быть, они и не были сообщниками в совершенном преступлении, но в жизни они, без сомнения, были едины.

Рэндэлл вошел в комнату вслед за сэром Эндрю и закрыл дверь. Его превосходный черный суконный костюм был серым от пыли, галстук сбился на один бок, а волосы были взъерошены.

- Я чувствую себя словно тот крестьянин из сказки, который изгонял чертей, - пробормотал он и потер кулаками свои покрасневшие глаза. - Дамарис, не могла бы ты налить мне стаканчик бренди. Что за адская скачка!

- Где остальные? - спросила я, отходя к буфету, чтобы вытащить оттуда графин и стаканы.

- Я отослал их по домам, - ответил Гэвин. - И генерал Мальборо, или как он там себя называет, отправился с ними. Будет лучше, если он проведет пару дней в подвале в поместье у Дункана.

- У вас нет права заключать его в темницу, - спокойно сказала леди Мэри.

- Нет? Вы предостерегали, и вы обещали, и вы лгали - я мог бы сразу это понять. Больше я не поверю вашим словам.

Я наполнила стаканы для всех присутствующих, думая, что все нуждаются в подкреплении. Гэвин взял стакан, который я ему вручила, и протянул его Аннабель. Но девушка выбила стакан у отца из рук. Жидкость пролилась рыжевато-коричневой лужицей, стакан с громким звоном упал на пол, а Аннабель закатила истерику.

- Очаровательно, - с иронией сказал Гэвин. - Я начинаю подозревать, Аннабель, что мои родительские усилия спасти тебя от классической деградации никоим образом не приветствуются.

Тут сэр Эндрю выступил вперед:

- Мистер Гамильтон, я глубоко обижен вашими словами. Ваша дочь и я...

- Бежали к ближайшему служителю религиозного культа. Черт возьми, я в этом не сомневаюсь. Поберегите ваши речи, вы, юная свинья, до тех пор, пока моя дочь не окажется у себя в комнате. Рэндэлл...

Рэндэлл пришел в движение, жонглируя стаканом, который едва не выпал из его пальцев. Он смотрел на Аннабель со смесью изумления и... да, это было обожание. Я совсем забыла, что он никогда ее не видел.

- Да, Гэвин?

- Я не могу выразить, как я сожалею о том, что вы были вовлечены в такое отвратительное дело. Не сослужите ли вы мне еще одну службу? У меня есть дело к сэру Эндрю. Если бы вы отнесли мою дочь в ее комнату... Дамарис, покажите ему нужную комнату.

Рэндэлл бережно обхватил свою жертву; девушка обмякла, превратившись в рыдающую кучку розового шелка, и он смог беспрепятственно поднять ее. Я повела его наверх по лестнице, и, следуя моим указаниям, Рэндэлл осторожно уложил девушку на постель. В комнате было холодно. Я позабыла, что Дженет сбежала. Мне пришлось ухаживать за девушкой самостоятельно.

- Зажги огонь, хорошо, Рэндэлл? - попросила я и принялась стаскивать с Аннабель туфли и чулки.

Рэндэлл сделал так, как я сказала. Затем на цыпочках подошел к кровати и в восторге уставился на лицо Аннабель. Она безвольно лежала на подушках, ее лицо, окруженное белокурыми волосами, было искажено гримасой. Но по взгляду кузена я поняла, что он видит Спящую красавицу.

- Могу ли я чем-то еще служить вам, мисс Гамильтон? - спросил он.

- Нет, - отвечала я, понимая, что она не собирается ему отвечать. - Отправляйся спать, Рэндэлл, отправляйся. Должно быть, ты сильно устал.

Я повернулась к нему спиной и принялась стаскивать с Аннабель платье. Рэндэлл удалился.

Задолго до этого я уже начала подозревать, что никогда не полюблю Аннабель. И тем не менее я ничего не могла поделать, я ее понимала. И пока я с ожесточением возилась с подвязками и нижними юбками, не получая никакой помощи от тщедушного тельца Аннабель, я не могла не признать, что, с ее точки зрения, мы повели себя словно варвары. Почему она не могла получить в мужья юного идиота, если она того хотела? Я не руководствовалась - и не руководствуюсь - малоубедительной доктриной, что любой муж лучше, чем никакого. Но для романтической дурочки, вроде Аннабель, эта доктрина, может быть, была бы верна.

К тому времени, как я закончила укладывать ее в постель, я уже знала, что ее обморок был притворным - она просто хотела причинить мне лишнее неудобство. Закончив, я взяла ее слабую руку в свои ладони.

- Аннабель, - сказала я, - детка, не будь слишком жестокой. Почему было тебе не рассказать отцу о своих чувствах, вместо того чтобы бежать из дома, подобно маленькой дурочке?

- Мне пришлось бежать. Он не позволил бы мне выйти замуж за Эндрю. О, он сказал как-то - и это ложь! - о том, что Эндрю не джентльмен.

Как будто мне есть до этого дело! - Ее ротик искривился в странной полуулыбке, и между губами показался кончик языка. Я отпустила ее руку, почувствовав странное отвращение. - На самом деле он не хотел, чтобы я вышла замуж за Эндрю, потому что он ненавидит меня, и всегда ненавидел. Он не хочет, чтобы я была счастлива.

- Он не хочет, чтобы ты оказалась несчастной! - со злостью сказала я. - Он знает, что для тебя лучше. Сэр Эндрю просто... просто плут!

Она бесстрастно изучала мое лицо.

- Какая ты глупая, Дамарис. Ты ведь любишь моего отца, ведь правда? Ты веришь всему, что он тебе говорит; ты подлизываешься к нему, словно собачонка. Ну что ж, с сегодняшнего дня ты вряд ли когда-нибудь еще его увидишь. Это больно, не так ли? Постарайся сказать себе, что все к лучшему; почему бы и нет? - Она рассмеялась; это был отвратительный смех, который пронзил меня, словно нож. - О, я знаю, что ты чувствуешь. Но у меня есть надежда, а ты... ты уезжаешь. Ты никогда его больше не увидишь. Никогда!

Это не была истерика, и я не могла дать ей пощечину. Но я также не могла больше сидеть здесь и слушать ее бредни.

Я уже шла к выходу, когда она произнесла то, от чего кровь бросилась мне в голову:

- Эндрю - превосходный дуэлянт, он учился в Париже. Как ты думаешь, что случится после того, что отец наговорит Эндрю? Как ты думаешь, почему он отослал тебя подальше? И что, ты думаешь, они оба делают сейчас?

Глава 12

Не дожидаясь ее дальнейших слов, я бросилась вниз по лестнице. Гостиная была пуста. Я снова побежала наверх и забарабанила в дверь Рэндэлла. Наконец сонный и недовольный голос ответил мне.

- Сейчас же выходи! - прокричала я. - Происходит нечто ужасное!

Позади меня раздалось шарканье ног. Я повернулась. На верхней ступени лестницы стоял Ангус. Я схватила его за рукав куртки. Ткань была такой грязной, что мои пальцы соскользнули.

- Где они? Ты знаешь, я вижу это по твоему лицу.

- Ну да, знаю, - ухмыляясь, ответил Ангус. - Но не скажу.

Я почувствовала, как изменилось мое лицо. Не знаю, что он прочел на нем, но улыбка сползла с его физиономии.

- Там внизу, - пробормотал он, показывая где.

В самом конце холла тяжелая дубовая дверь отделяла западное крыло от более старого дома. Я навалилась всем телом, открыла ее и побежала, мои шаги эхом отзывались в пыльных деревянных панелях длинного коридора.

Потом я услышала голоса. Трудно было определить, откуда они исходили, и я стала толкать все двери подряд. Третья дверь открывалась на галерею менестрелей, высоко вздымавшуюся над Главным залом. Галерея выходила на восток; через высокие окна пробивались рассветные лучи, пыльные цветные стекла окрашивали их в мутный шафранный и бледно-алый цвет. В их мрачном сиянии в центре зала стояли друг против друга двое мужчин.

Они были почти одного роста; Гэвин стоял ко мне спиной, но сэра Эндрю я могла разглядеть

совершенно ясно. Он снова позировал и красовался. Одна рука покоилась у него на бедре, другой он подкручивал свой ус.

- Это - мое последнее предложение, - говорил Гэвин, когда я появилась в зале. - Принимаете вы его или нет?

Сэр Эндрю колебался, оглядывая комнату, словно бы в поисках ответа. Ни один из них не слышал, как я вошла. Балюстрада галереи была так высока, что мне пришлось встать на цыпочки, чтобы видеть Гэвина, который стоял прямо подо мной. Затем откуда-то, куда не доставал мой взгляд, раздался третий голос.

- Он отвергает ваше, как вы изволили его назвать, предложение, - произнесла леди Мэри. - Гэвин, не будьте глупцом. Вам не о чем торговаться.

- Вы забыли об Аннабель. Я скорее брошу ее в пруд, чем позволю ему завладеть ею.

В его голосе было столько страсти и столько презрения, что я похолодела.

- Как вы смеете говорить со мной таким тоном? - возмутился сэр Эндрю.

- Полагаю, что до этой минуты я был еще довольно сдержан, - ответил Гэвин. - Я не говорил вам множества вещей, которые хотел бы сказать. Трус... мошенник... лжец...

Несмотря на всю мою неприязнь к сэру Эндрю, я не могла не признать, что он достойно ответил на то, что, без сомнения, было провокацией.

- Я дам вам шанс взять назад эти слова, - вспыхнув, сказал он.

- Я не возьму назад ничего.

- Тогда вы не оставляете мне выбора. Один из моих друзей нанесет вам визит.

Я не осознавала, как молод сэр Эндрю, пока не увидела его самодовольной улыбки, с которой он произносил эти напыщенные слова.

- О нет. - Гэвин бросился к резному дубовому сундуку у камина. Когда он прыжком вернулся назад, в его руках было по одной богато украшенной рапире. - Мы разрешим этот вопрос прямо сейчас. Эти клинки покрыты пылью, но и они сойдут!

Мой паралич прошел.

- Гэвин! - прокричала я. - Вы не в своем уме. Прекратите!

- Иди к себе в комнату, - приказал Гэвин голосом, каким обычно приказывал собакам.

Галерея была мала; ступеней, ведущих вниз, в зал, у нее не было. Мне придется вернуться и обойти дом, чтобы добраться до них, а к тому времени, как я проделаю весь этот долгий путь, они уже начнут бой.

Гэвин бросил одну из шпаг, и сэр Эндрю поймал ее. По тому, как его рука легла на рукоятку шпаги, я поняла, что он знал, как фехтовать. Я посмотрела на затянутые в черные перчатки пальцы Гэвина, на рукоятку его шпаги и с ужасом вспомнила, что два из этих пальцев всего лишь набиты ватой. Святые небеса!

Двери в дальнем конце зала скрипнули и распахнулись. В щель просунулось сонное, недоуменное лицо Рэндэлла.

- Доброе утро, - сказал он с блаженной глупостью. - Что-то не так?

- Рэндэлл, останови их! - вскричала я, вставая на цыпочки. - Они собираются драться!

- Вы - джентльмен, мистер Гордон, - произнесла леди Мэри, выходя из тени и обращая на него всю магию своих глаз и улыбки. - Вы слышали, в каких выражениях характеризовал моего брата мистер Гамильтон. Теперь они здесь - почему бы и не позволить им слегка выйти из себя?

Она легко рассмеялась, сведя все дело к шутливой схватке двух разозлившихся мальчишек, и грудь Рэндэлла заметно выпятилась.

- Полагаю, вы правы, - сказал он, придерживая пальцами галстук. - Небольшая разрядка, просто, чтобы их успокоить... Я останусь, чтобы насладиться поединком.

- Поединком? Вы что, думаете, что это игра? - Гэвин стащил куртку и бросил ее на пол; одним нетерпеливым движением руки освободил воротник. - Ну же, сэр, занимайте позицию. Покончим с этим, пока не сбежались остальные домочадцы.

Эндрю поклонился.

Я подобрала свои юбки и побежала. Теперь оставался только один способ остановить их - физически встать между ними.

Еще до того, как добралась до зала, я поняла, что опоздала. В ушах раздавался резкий звон стали о сталь - ошибки быть не могло.

Солнце было уже над горами. Оно осветило холл сиянием и превратило тонкие стальные клинки в огненные колеса.

Гэвин все еще был на ногах; более того, он хорошо держался. Должно быть, они скрестили шпаги, как только я покинула галерею, потому что оба уже тяжело дышали. Сэр Эндрю двигался осторожно, словно первая же неудачная атака заставила его уважать противника. Они медленно кружили, движения их походили на танец. Вперед и назад, влево и вправо. Клинки едва касались друг друга, издавая легкий звук, похожий на звон колокольчика.

Потом - быстрые движения, скрежет металла, который эхом отозвался от стропил. Сэр Эндрю отпрыгнул назад, его плечи сгорбились. Рэндэлл, прочистив горло, поднял одну руку.

- Стоп! - провозгласил он. - Первая кровь!

Гэвин одарил его сардоническим взглядом, но послушно опустил кончик своей шпаги. Сэр Эндрю осматривал глубокую неровную полосу, сочащуюся красным, на превосходном батистовом рукаве его рубашки. Рэндэлл шагнул было вперед, но юноша взмахом руки приказал ему отойти.

- Это просто царапина, - пробормотал он.

- И все же, сэр, вы ранены. Я думаю, что требования чести удовлетворены.

- Черт бы пробрал честь, - сказал Гэвин еще до того, как Рэндэлл закончил свою фразу. -

Деремся снова, Эндрю, если вы не придумали ничего лучше.

Я повернулась к женщине, стоявшей рядом со мной, – она взирала на развернувшуюся перед нами сцену с бесстрастным интересом.

– Разве они не зашли уже достаточно далеко? – спросила я. – Если Эндрю откажется продолжать, дуэль окончена. Вы, если захотите, можете остановить ее.

– О, нет, – мягко произнесла она. – У меня нет намерения остановить его.

Сэр Эндрю завернул манжету, чтобы кровь не текла по руке на ладонь. Время еще было. Я рванулась вперед.

Рука леди Мэри вытянулась и обвила кольцом мое запястье. В этой изящной ручке была мужская сила. Я боролась, я щипала длинные бледные пальцы изо всей мочи, но и одной минуты промедления было достаточно.

Клинки скрестились. Теперь и их звук, и сами мужчины были совсем другими. Их движения стали более быстрыми и яростными. Сталь так звенела, словно слышался колокольный перезвон. Темные волосы Гэвина взмокли и упали завитками ему на лоб; он откинул их назад нетерпеливым рывком головы. Пять минут... десять.

Сэр Эндрю наступал, убыстряя шаг, а Гэвин повернулся. Теперь я могла видеть лицо сэра Эндрю. Он тяжело дышал, но его рука, казалось, не знала усталости.

Конец был близок. Рука Гэвина со шпагой отодвинулась назад, этот жест был столь неловким, что даже новичок мог видеть, что ему грозит опасность. Его правая сторона оказалась полностью незащищенной. Я издала сдавленный вскрик и попыталась высвободиться из цепких лап леди Мэри; и, как раз когда я закричала, сэр Эндрю выбросил вперед свою шпагу.

На мгновение – это длилось не дольше, – когда его рапира вошла в плоть и мускулы противника, он оказался безоружен и потерял бдительность, и в это мгновение оружие Гэвина описало начатый им круг. Он вернулся назад, затем атаковал – все это в одно мгновение, вырвав шпагу сэра Эндрю из раны и бросил свое тело в выпад, слившись со своим оружием в одну линию. Конец линии был – в груди Эндрю. Я видела, как кончик шпаги прошел насквозь и показался из спины юноши.

На какое-то время и зрители с бьющимися сердцами, и сами дуэлянты застыли. Тело Гэвина все еще сохраняло смертельную грацию последнего удара, а Эндрю стоял прямо, словно был наколот на булавку. Затем Гэвин ретировался. На лице Эндрю застыло выражение детского изумления. Его глаза все еще были открыты, они словно бы спрашивали, что происходит, когда он начал падать.

Из горла леди Мэри вырвался глубокий звук. Посмотрев на нее, я увидела, что ее гордое лицо смялось, словно мокрая бумага. С криком “Эндрю! Эндрю!” она бросилась к нему, и как раз вовремя, чтобы обхватить падающее тело руками за плечи. Она упала вместе с ним, увлекаемая на пол его весом. Рыдая, она прижала свои ладони к бледным щекам.

Это был ужасный звук. Он разрывал сердце. Я подошла к ним, шагая на деревянных ногах и одновременно чувствуя в них ужасную слабость, но, прежде чем я успела коснуться ее, Рэндэлл отстранил меня с брюзжанием:

– Это не место для леди, Дамарис!

Когда я повернулась от жертвы к убийце, в моем сердце боролись жалость и гнев. Шрам Гэвина выделялся на его лице, словно клеймо. Но если не считать этой огненной отметки, его лицо было так же бело, как и его рубашка. Правая рука все еще сжимала рукоять шпаги; другая ухватила раненую руку так крепко, что батист его рубашки топорщился под затянутыми в черный шелк пальцами. Его взгляд был прикован к поверженному противнику, и на лице было выражение горчайшего сожаления.

Под этим взглядом мой гнев растаял.

- Гэвин, Гэвин, не нужно горевать. Может быть, его еще можно спасти.

- Его можно спасти. Удар пришелся слишком высоко. Слишком высоко.

Гэвин откинул клинок резким движением, отчего тот, звеня, воткнулся между плитами.

- Дьявол превратил меня в полного дурака - удар пришелся слишком высоко!

Его глаза нашли мое лицо, и я отшатнулась от того, что я в них увидела.

- Господи боже, вы еще здесь? Убирайтесь. Забирайте своего недотепу любовника и отправляйтесь.

- Отправляться куда, Гэвин?

- Каслтон, Эдинбург, Лондон, мне нет дела куда. Просто убирайтесь вон.

- Вы хотите, чтобы я уехала из Блэктауэра, - тупо повторила я.

- Это место не годится для вас, Дамарис, - сказал он уже более спокойно. - Это место не годится ни для одной порядочной христианской души.

- Мое место рядом с вами, где бы вы ни были, - обреченно произнесла я. Мне было совершенно все равно, что меня могут услышат Рэндэлл или леди Мэри. При моих словах лицо Гэвина разгладилось и окаменело. Уголки его рта, обезображенного шрамом, приподнялись в неприятной улыбке.

- Ради бога, полагаю, что вчера вечером вы приняли мои слова всерьез, - воскликнул он. - Я недооценил свои собственные таланты!

Я почувствовала, как кровь отхлынула у меня от щек, но говорить была не способна. В это время его глаза осмотрели меня с головы до ног с невыносимо оскорбительным изумлением.

Наконец он заговорил:

- Если хотите, оставайтесь. Но, ради справедливости, прошу вас помнить, что я никогда не упоминал о женитьбе.

Я подняла руку и ударила его по лицу. Он отодвинулся на несколько шагов, чего не делал даже под ударами Эндрю. На его бледной щеке, той, что без шрама, проступили красные отметины от моих пальцев. Но его улыбка не изменилась.

Я отвернулась и обнаружила, что смотрю на измятые оборки рубашки Рэндэлла. Значит, он слышал... он слышал все. Но мне было все равно. Мне было все равно, даже когда он взял мою руку своей жирной рукой собственника и притянул меня к себе.

- Мальчишка ранен не так уж тяжело, - сказал он голосом, в котором слышалось удовлетворение. - Нужно позвать слуг, Дамарис, чтобы отнести его наверх.

- Он не найдет убежища в моем доме, - холодно заявил Гэвин.

- Он должен найти его здесь, нравится вам это или нет, - с насмешкой произнес Рэндэлл. - Если вы выставите его из дома, он может умереть, а если он умрет - святые небеса! - я прослежу за тем, чтобы магистрат выдвинул против вас обвинение в убийстве, сэр! Не беспокойтесь, мы все покинем ваш гостеприимный дом так быстро, как только сможем, не так ли, Дамарис?

Мы приблизились к леди Мэри, которая была близка к обмороку. Лицо, обращенное ко мне, показалось таким же старым, как и лицо миссис Кэннон.

- Он будет жить, - мягко сказала я. - А теперь пойдете со мной, а слуги позаботятся о нем.

В зале не было звонка, так что я подошла к двери, высунула голову наружу и изо всех сил своих легких стала звать Ангуса. Я подумала, что он должен быть где-то рядом - отвратительный старый упырь, - и, когда он обнаружил свое присутствие, я дала ему необходимые указания.

Леди Мэри со мной не пошла; она сказала, что не покинет Эндрю. Так что мы остались ждать, пока мужчины водрузили его тело на маленький тюфяк, чтобы было легче его перенести. Эндрю все еще был без сознания; его золотые ресницы были словно шелк на фоне его бледных щек. На его белой рубашке было ужасно много крови, но, поскольку и Рэндэлл и Гэвин в один голос заявили, что рана вовсе не обязательно окажется смертельной, я решила, что она выглядит страшнее, чем есть на самом деле.

Пока остальные суетились у импровизированных носилок, я смотрела, как Гэвин продвигается к двери. Одной рукой он опирался о стену, ноги его не слушались. Что-то больно повернулось у меня внутри, словно больной зуб после долгого затишья снова дал о себе знать. Я заставила себя отвернуться. Ему не было до меня дела. Он дал это понять совершенно ясно.

Рэндэлл тем временем обрабатывал рану мальчишки, его руки двигались с ловкостью, которая меня удивила. У Рэндэлла есть свои достоинства, это несомненно. Как жаль, что ни одно из них меня не интересует.

Когда мы наконец оказались в холле, Рэндэлл позволил себе глубоко вздохнуть.

- Что за сумасшедшая ночь! - весьма неоригинально заметил он. - Ты втянула нас в эту аферу, Дамарис, - ведь речь идет о мести! Ну что ж, сегодня мы можем отправляться в путь, как и планировали. Без всяких вопросов - в этом месте слишком много суматохи.

- Мы не можем покинуть этот дом, пока сэр Эндрю не уедет отсюда, - сказала я.

- Что? - Рэндэлл на мгновение разинул рот. А потом, демонстрируя значительно больше сообразительности, чем я ожидала, он проворчал: - Ты действительно думаешь, что Гамильтон... Черт побери все это, Дамарис, лично я не люблю подлецов, но он не может...

- Я не это имела в виду, - произнесла я, прекрасно зная, что лгу. - Но половина слуг сбежала, а остальные по большей части совершенно бесполезны; миссис Кэннон вообще ни на что не годна. Подумай, двое раненых мужчин и девочка-инвалид в доме - я не могу просто взять и покинуть их. Если вдруг что-то случится... Мне очень жаль, Рэндэлл. Отправляйся спать. Ты

устал, я знаю.

- Боже, да. Могу хоть сейчас свалиться и уснуть. Может быть, на этот раз, - добавил он с мрачноватым юмором, который был для него нов, - мне позволят провести в постели хотя бы несколько часов. Доброй ночи, моя дорогая. Или лучше - доброго утра.

Он поцеловал меня в щеку, довольно безразлично, и неторопливо двинулся по коридору, почесывая голову; отправился, чтобы лечь в постель и уснуть, ему не было дела до чувств, более горьких, нежели обыкновенная досада. А я даже сомневалась, что буду в состоянии уснуть.

Но, во всяком случае, я сниму наконец свое платье. Оно давило на мои измученные суставы, словно доспехи, и я ненавидела его и на вид, и на ощупь. Когда-нибудь - после того, как я стану избалованной и богатой женой Рэндэлла, - я сошью себе другое бальное платье; может быть, даже бархатное платье. Но только не из зеленого бархата.

Я уже повернула в свою комнату, когда поняла, что четвертая от моей дверь по коридору открыта. И кто-то стоит в дверном проеме. Фигура попыталась спрятаться, но две тонких бледных руки вцепились в дверную раму так цепко, что даже ногти побелели. Аннабель!

- Он мертв? - прошептала она.

- Нет, о нет! Он не умер, он даже не слишком серьезно ранен. Но если бы он был убит, - сказала я, - это была бы твоя вина. Ты навлекла на него все это - ты была причиной дуэли. Если бы ты не пыталась сбежать...

Она подняла на меня глаза, слезы все еще текли по ее щекам.

- Одна из причин, по которым я тебя ненавижу, это то, что ты такая лицемерка. Ты знаешь, почему я вынуждена была бежать. Мой отец собирался сегодня же отослать меня в Эдинбург - с тобой и Рэндэллом.

Я застыла на полдороге - волокла ее в кровать.

- Я не знала! Он не сказал мне об этом ни слова.

- Ну и что, он все равно собирался это сделать. А теперь он не может. - Она хихикнула. - Ты не можешь уехать сегодня, в доме слишком большой переполох. А до того, как ты сможешь уехать, я придумаю что-нибудь еще.

Я уложила ее в постель.

- Делай как знаешь, - сказала я. - Ни ты, ни твой отец меня ни капельки не интересуют.

Оказавшись за дверью, я отерла со своего лица испарину - испарину, причиной которой была не только крайняя усталость. Значит, он намеревался отослать ее. Это объясняло все то, что он произнес на террасе в Глендэрри, и его поцелуи, от которых у меня слабели ноги. Он не мог отослать от себя Аннабель - разве что я уехала бы с ней. Мой отъезд все это время был частью его плана.

Я пошла по коридору, внутренне сопротивляясь тому, что, как я знала, должна была сделать. Ни одна душа в мире не сделала бы этого; никто, кроме меня, и не подумал бы сделать так. Из своих давних путешествий по дому я знала, где расположена комната хозяина. Я даже не

постучалась. Я просто повернула ручку и вошла.

Это было ошибкой. Кое-кто еще видел лицо Гэвина, когда он нетвердым шагом уходил из зала. Ангус был здесь, явился, чтобы поухаживать за своим раненым хозяином.

Гэвин распростерся на стуле, с запрокинутой головой и свисающими руками. Казалось, он был без сознания, и я от всей души поблагодарила за это Небо. Очевидно, он добрался до комнаты и успел ухватиться за стул, прежде чем поддаться обмороку; и Ангус, вместо того чтобы перенести хозяина на кровать, оставил его в этом болезненном и неудобном положении. Старик расстегнул его рубаху и стащил ее с одной руки и с плеча. Когда я вошла, он совал в рану кусок тряпки. Похоже, помощь Ангуса пошла больному не слишком на пользу; обнаженное тело Гэвина было в крови и в разводах грязной воды, а под его свисающей рукой образовалась ужасного вида лужа.

Я думала, что слишком устала, чтобы снова испытать какое-либо чувство, однако я накинулась на Ангуса, словно фурия.

- Принеси горячей воды, - приказала я, выхватывая у него из рук грязную тряпку. - Горячую, я сказала! И простыню из кладовой. Поторопись, негодяй!

Я мало что могла проделать до тех пор, пока не вернулся Ангус, правда, я нашла свой платок и вытерла с руки большую часть грязной воды. На Гэвине все еще были эти проклятые черные шелковые перчатки. Правая перчатка намочена; я стащила ее и посмотрела на искалеченную руку. Она хорошо послужила ему сегодня, правда, может быть, не так хорошо, как он на это надеялся. Повинуясь некоему неясному импульсу, я взяла его другую руку - ту, которую никогда не видела без перчатки, и стянула покрывавшую ее ткань. На этой руке не было ни царапины.

Наконец из коридора до меня донеслись неторопливые, шаркающие шаги Ангуса. Я ничего не сказала, просто ждала в грозном молчании, пока он не поставит передо мной таз с водой и не положит одну из лучших простыней из кладовой. За все время перевязки Гэвин не сделал ни движения и не произнес ни звука. А потом я взглянула ему в лицо и встретилась с ним взглядом - он смотрел на меня открыто, он был в полном сознании, и я так перепугалась, что мои пальцы соскользнули с конца повязки.

- Я не знала, что вы пришли в себя, - запинаясь, произнесла я.

- Я полагал, что ты убежишь в добродетельном ужасе, если я заговорю, а, правду сказать, я предпочитаю твою помощь помощи Ангуса.

- Благодарю вас, - отвечала я.

- Это не слишком большой комплимент. Ты такая же неуклюжая, как и он, и я уверен, что ты всей душой меня ненавидишь.

- Я помогу вам добраться до постели, - сказала я. - Попробуйте встать.

Ему это не понравилось; он бы предпочел дойти до постели сам, высокомерный и независимый. Но он был слабее, чем ему казалось, и вынужден был достаточно тяжело опереться о мое плечо.

Либо его обличительная речь отняла у него последние силы, либо он слишком устал изображать из себя неподвижный и безответный камень, пока я его обмывала, но, когда я

закончила устраивать хозяина в постели, он притворился спящим. Этой ночью он пытался убить человека и не сумел только потому, что его умение не смогло соответствовать его намерению. Он научил свое собственное дитя ненавидеть его, и он бесстыдно одурачил меня. Но когда я стояла, глядя на этот бледный, жесткий профиль, мне на ум пришли слова, которые я произнесла на террасе в Глендэрри: “Чтобы вы ни делали, что бы вы ни сделали – я буду любить вас до самого дня своей смерти”.

Глава 13

- Мисс! Мисс Дамарис! Пожалуйста, проснитесь.

Мне показалось, что этот мрак и огонь я вижу во сне. Огонь оказался тонким пламенем свечи, которую держала в руках Бетти, она же настойчиво трясла мое плечо.

- Я должна немедленно упаковать ваши вещи, мисс. – В глазах Бетти отражалось пламя, они были ошалевшими от волнения. – Вы уезжаете через час! И мистер Рэндэлл тоже. – Бетти поставила свечу на стол и направилась к гардеробу. Кто-то заразил ее торопливостью; она ловкими, быстрыми руками выбрасывала из гардероба мои платья.

- Сэр Эндрю уехал, мисс. Обрато в Глендэрри. Мистер Гамильтон затолкал его в экипаж сегодня ночью, после того как вы отправились спать, волей-неволей и как попало, и отправил его из дома вместе с леди. Он говорит, что вам следует отправиться до рассвета. Мистер Рэндэлл уже собирает вещи.

В комнате было холодно. Огня не разжигали. Снаружи завывал ветер.

После памятной дуэли прошло три дня – сегодня было утро вторника. Сэр Эндрю все время лежал в постели, оставаясь нежеланным, немилым гостем, а леди Мэри неотлучно была при нем. Еду ей приносили в комнату; с того фатального утра я почти не виделась с ней. Но я не думала, что мальчишка в достаточной мере пришел в себя, чтобы решиться на переезд, даже и в карете. Во всяком случае, Гэвин не был бы Гэвином, если бы его это заботило. Что за план он придумал теперь?

Раздался легкий стук в дверь, и в комнату ворвался Рэндэлл, не ожидая приглашения войти.

- Еще в кровати? – зашумел он. – Поторопись, Дамарис. Что ты наденешь? На улице страшный холод. Шерстяное платье, я думаю, и твою самую теплую накидку. Господи боже, что за тоскливые одежды! Когда мы доберемся до Лондона, мы посмотрим, что можно сделать.

- Рэндэлл, присядь на минутку и расскажи по порядку. Что произошло?

- Мы уезжаем, – ответил он. – Ради бога, Дамарис, я никогда такого не видел – исключительно бессердечно, я бы сказал. Как только ты отправилась вчера вечером к себе, Гамильтон приказал готовить карету для Эндрю. Но парнишка не так плох, – добавил он едва ли не с завистью. – В любом случае сошел, вниз на своих двоих. А потом сел в карету и укатил!

Он снова принялся шагать по комнате.

- Поторопись, ну что ты?

- Я не могу одеться, пока ты здесь стоишь, – пробормотала я.

Рэндэлл подарил мне бессмысленный взгляд, потом до него дошло.

- О, черт, ну конечно. В таком случае я уйду.

Я торопливо одевалась, зубы мои стучали от холода. Бетти, упаковав мои вещи, принесла мне завтрак. Я не могла есть, но горячий чай немного согрел мое озябшее тело. Но на мой замерзший мозг он не оказал никакого влияния.

Я еще не успела застегнуть все пуговички на своих ботинках, когда за моим багажом пришел Иан. Он был одет для улицы: в грубую шерстяную накидку с крючками - так одевались многие крестьяне. Я поняла, что нас повезет он.

В то утро солнца на небе не было. Когда я добралась до заднего двора, я попала в мертвый серый мир. Я быстро прошла к карете, надеясь укрыться в ней от ветра, и вдруг застыла на месте. В коляске уже кто-то был. В окне виднелось встревоженное розовое личико миссис Кэннон. За ним рисовался профиль Аннабель.

Я шагнула назад, натянув складки своей мантильи и перекрестив их на груди. Мне следовало этого ожидать. Это все время было желанием Гэвина.

Дверь дома рывком распахнулась, и вышел Рэндэлл. Он посмотрел на грозное небо и застонал:

- Слово даю, снег пойдет еще до вечера. А мне придется ехать верхом! Какого черта...

Подшел грум, ведя под уздцы его лошадь, и Рэндэлл выругался, погружая себя в седло. Появился Иан с тяжелым коробом, который он взгромоздил на крышу кареты и привязал веревками. Я заметила, что его лицо мрачнее, чем обычно. Но в то утро моя голова работала слишком медленно. Я уже поставила было ногу на ступеньку кареты, прежде чем кое о чем догадаться.

- Иан, - сказала я. - Когда ты собираешься вернуться сюда?

- Через неделю, мисс. Мне придется остаться в Эдинбурге.

Его деревянное лицо не изменило своего выражения, но взгляд был умоляющим.

- Я знать не знаю, мисс, что здесь затевается, но он отсылает всех - вас, и молоденькую девчонку, и старуху, и меня. Похоже на то, что...

Он замолчал, словно боялся говорить дальше.

- Что ж, - произнесла я. - Бетти не может здесь оставаться. Я посмотрю, что можно сделать.

Тут дверь, хлопнув, отворилась, и во двор выбежала Бетти. Она была одета в темную накидку, капюшон был плотно натянут на ее кудри, и она несла с собой коробку.

- О, Иан, мисс, я тоже еду! - воскликнула она, подбегая к нам. - Я буду горничной молодой леди.

Иан, посадив свою любимую в карету так, словно она была знатной леди, посмотрел на меня:

- Хозяин хотел сначала поговорить с вами, мисс.

У меня не было никакого желания говорить с ним. Мне не хотелось ни видеть его, ни слышать его голос - этот низкий, грубый голос, который был столь незабываем и который был так не похож на голоса других мужчин. Но... Вскоре во двор вышел Гэвин.

Его голова была непокрыта. Ветер трепал его темные волосы и раздувал складки его килта. Повязки, которую он носил на протяжении трех дней, видно не было, его руку поддерживал плед, перекинутый через одно плечо и закрепленный простой серебряной брошью. Он шагал, словно Сатана среди ярости небес, широким свободным шагом и с высокомерно вскинутой головой; и я подумала, сколько лет понадобится мне теперь, чтобы изгнать из своей памяти этот образ.

- Что ты думаешь о погоде? - крикнул он Иану, который уже сидел на козлах.

Иан покачал головой, и хозяин кивнул:

- Ты должен гнать что есть мочи. Вам нужно добраться до Данкелда до того, как пойдет снег, - если, конечно, это возможно.

Затем он повернулся ко мне. Он старался не встретиться со мной взглядом; его глаза перебежали от моего рта на мои волосы, а потом уклонились в сторону.

- Если все пойдет удачно, вы доберетесь до Данкелда сегодня же к вечеру, а завтра будете в Эдинбурге. Там вы остановитесь в доме моего поверенного. Проследите, чтобы он получил вот это.

Я взяла пакет, который он мне подал. Это был маленький, туго перевязанный бечевкой пакет, который, судя по всему, содержал в себе письма. Вместе с ним хозяин вручил мне тяжелый кожаный кошелек.

* * *

Четырьмя часами позже мы во весь дух приближались к Каслтону. Путешествие в Блэктауэр показалось мне изматывающе тяжелым, но нынешнее было сущей пыткой. Хотя окна в нашей карете были плотно закрыты, холод становился все сильнее, а свинцовая темнота неба походила на сумерки. Снег все еще медлил. Отдельные нежные хлопья лениво кружили в воздухе, тая на окне; но сильного снегопада пока не было.

Напряжение тряской езды начало сказываться на Аннабель. Я не обращала внимания на постоянные вздохи миссис Кэннон; она была так обложена подушками, что не могла так уж сильно страдать. Но я беспокоилась о девушке: она была бледна, а ее личико вытянулось. Однако я оценила ее мужество. С самого начала пути она не произнесла ни слова жалобы. Я наклонилась вперед, чтобы поговорить с ней:

- Уже не так долго, Аннабель. Мы остановимся пообедать, и я уверена, что у тебя будет время отдохнуть.

Она взглянула на меня, потом в сторону и с холодной неторопливостью отвернулась. Я не винила ее. Не было сомнений в том, что она полагала свое юное сердце разбитым. Я знала, что на самом деле оно невредимо, иначе она не была бы такой злой. Когда что-то разбивается, силы покидают тебя, внутри не остается ничего, кроме пустоты.

На фоне темного окна резко выделялся профиль Аннабель, и в нем была какая-то странная зрелость. Она больше не выглядела ребенком. Она выглядела как... в моем сознании всплывали какие-то обрывки воспоминаний. Сначала я думала, что меня напугало то, что она стала похожа на своего отца, но стоило мне сравнить черты девушки, сидящей напротив меня, с теми, которые навечно запечатлелись в моей памяти, как я сразу поняла, что в них не было настоящего сходства.

Неожиданный порыв ветра бросил в стекло пригоршню белых хлопьев. Обернувшись, я увидела Рэндэлла, трусившего за каретой. Я скорее догадалась, чем узнала, что это был Рэндэлл; очертаниями его фигура была похожа на узел с тряпьем, а его лицо было скрыто за шарфами и платками. Он выглядел удивительно жалким.

Я почувствовала себя больной. Мои веки отяжелели. Я была так утомлена, что даже тряска кареты едва ли могла заставить меня бодрствовать. Мои глаза закрылись. И воспоминание тайком проскользнуло в сонную пустоту сознания.

Оно толчком разбудило меня, я выпрямилась на сиденье, у меня перехватило дух. Мои руки поднялись к горлу и ухватились за завязки моей накидки, словно бы они, а не мои собственные мысли душили, не давали впустить воздух в легкие. Это невозможно, думала я в ужасе. И тем не менее...

Если это было правдой, это так многое объясняло! Приезд Эллиотов в Глендэрри и их странный интерес к хозяину; и тот черный момент моей жизни на продуваемом ветрами утесе, где я боролась за свою жизнь, схватившись за невидимую руку; о да, и даже загадочный смех Ангуса, и печальная старинная баллада...

Нет. В конце концов, баллада не имела никакого значения. Это было бы слишком чудовищно. Картина и без того была ужасна - не столько из-за того, что уже произошло, но из-за того, что произойдет еще. Неуклонное стремление Гэвина отослать всех нас из дома получило новое и ужасающее значение. Что он задумал? У меня не было сомнения, что у него созрел определенный план. Что это могло быть? Он ведь не мог ничего поделать, кроме разве...

- О, нет, - произнесла я вслух. - Только не это...

Миссис Кэннон вытаращила на меня свои глаза, но Аннабель даже не повернула головы. И тем не менее она меня слышала; мускулы на ее щеке дернулись и застыли снова. Я гадала, как много она знает. Не так много, в этом нет сомнений - а может быть, и вообще ничего. На одну секунду я вдруг решила рассказать ей всю правду - или то, что, как я думала, было правдой. Но тут же отмела эту мысль. Она бы мне не поверила.

- Мисс, вам нехорошо?

Я думала, что Бетти спит. Проследив за ее встревоженным взглядом, я увидела, что мои руки сжимаются и разжимаются и мечутся, словно испуганные животные. С усилием я успокоила их.

- Нет, - сказала я. - Нет, со мной все в порядке.

И это было правдой. Пока я произносила эти слова, ответ пришел сам собой. Я знала, что я сделаю.

Вскоре показались дома Каслтона, и лошади замедлили шаг, исторгнув у бедняжки миссис Кэннон вздох благодарности. Мы въехали во двор гостиницы и остановились. Мы путешествовали около шести часов, был полдень.

Я вылезла из кареты едва ли не раньше того, как колеса перестали вращаться. Ветер обдал меня словно ледяной водой. Теперь мой разум работал ясно, и я не чувствовала холода. Но теперь сама погода была моей заботой, Я тревожно посмотрела на небо. Снег все еще шел негусто. Он лишь слегка припорошил, словно сахарной пудрой, мертвый старый вереск. Тучи все еще сгустились.

Иан слез с козел. Его лицо было ярко-алым от холода, но он весело улыбнулся мне и помог женщинам выбраться из кареты. И все это время у меня в ушах звучал голос Рэндэлла, который, полагая, что его никто не слышит, изрыгал самые странные и удивительные ругательства.

Хозяин ожидал нас, и вскоре мы все были устроены. Я обнаружила пустую комнату для гостей и позвонила прислуге. Когда служанка вошла, я приказала подать мне бумагу и чернила и уселась, чтобы написать письмо.

Письмо должно было быть очень убедительным. Я не думала, чтобы Рэндэлл последовал за мной; ему придется заботиться об Аннабель, да и о собственном удобстве тоже. Итак, я должна быть убедительной. Мое письмо было просто шедевром. Я внимательно перечитала его. А потом еще раз опустила перо в чернильницу и добавила последнюю строчку. “С тех пор, как я приехала сюда, я была хозяйкой в доме мистера Гамильтона”, – написала я с достойной восторга краткостью. Это остановит Рэндэлла. Он никогда не попытается меня вернуть. Он умоет руки и скажет: “Скатертью дорога” – и, вероятнее всего, вскоре обнаружит, что Аннабель так же прелестна, как и богата.

Я сложила письмо и написала на обороте имя Рэндэлла. Затем я снова позвала служанку, спустилась вниз и пробралась во двор конюшни. Через несколько минут я уже выезжала из гостиницы.

Из предосторожности я старалась избегать главной дороги – до тех пор, пока не выехала из деревушки. Оказавшись на проселке, я пустила лошадь во весь опор, и мы быстрой рысью устремились к горам. Они казались очень далекими. Шесть часов в карете... Всаднику может понадобиться меньше времени, но в это время года темнота наступает примерно в четыре часа. Правда, сейчас все против меня – погода, мое женское тело, мои слабые навыки наездницы. И тем не менее, это меня не смущало, даже тени сомнения не мелькнуло в моем сознании. Только одна вещь имела значение: добраться до Блэктауэра до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Не прошло много времени, как я столкнулась с первой из предстоящих мне трудностей. Лошадь не была моей спокойной Шалуньей; это был большой косматый жеребец, спина которого была широка, словно стол, а ход у него был такой, что у меня трещали кости. Его вывели из теплого стойла под снег, и ему хотелось домой. Поначалу он слушался моих понуканий, потом остановился и стоял с покорно опущенной головой, отказываясь двинуться с места. Я обернулась, чтобы посмотреть, как далеко мы отъехали. Деревня исчезла из виду. Дорога простиралась за нами, словно серая лента. А по этой лепте, скача во весь опор и сокращая расстояние между нами, мчался одинокий всадник.

Я ударила коленями в бока моего жеребца и закричала на него. Животное неожиданно отреагировало – так, что меня откинуло в седле назад. Он был не слишком красив, но он, без сомнения, хорошо бежал. Ветер свистел у меня в ушах и срывал капюшон с моей головы. Мои волосы растрепались и развевались, словно флаг. Меня охватило веселье, и я громко прокричала что-то лошади и рассмеялась. Скорость, скорость – вот что мне было нужно!

Всадник одурачил нас, иначе бы мы выиграли гонку. Я услышала сзади долгий свист, и мой конь замедлил шаг, наострив уши; другая лошадь поравнялась с нами, и вытянувшаяся рука ухватила поводья. Окаменевшая от изумления, я посмотрела на всадника. Это был Иан.

Он был так зол, что заговорил со мной так, как, наверное, говорил бы с Бетти.

- Глупая женщина! – прокричал он прямо мне в лицо. – Какого черта вы решили устроить такую бессовестную штуку? Может быть, мне перерезать вам горло и покончить с этим?

- Ты сообщил мистеру Рэндэллу? – спросила я.

Иан ухмыльнулся. А потом покачал головой.

- Иан, я должна вернуться назад. Там что-то не так, должно случиться что-то ужасное. Ты должен мне верить... – Слова застревали у меня в горле, и я недоверчиво смотрела в его отведенное в сторону лицо. – Ты ведь мне веришь! Ты сам думаешь о том же. Иан, что ты знаешь?

- Ничего, – пробормотал он. – Хозяин мне ничего не сказал.

- Тогда почему ты не сказал Рэндэллу, что я сбежала? Почему ты сейчас сидишь тут, рядом со мной, вместо того чтобы силой тащить меня назад?

- Ну да, я подозревал, что дело нечисто. – Он с трудом подыскивал слова. – Все лето я видел, как хозяин борется с какой-то черной бедой, но я не знал с какой. Хозяин спас меня и забрал в дом, чтобы выучить на грума. Неужели вы думаете, что я не сделаю для него всего, чего только смогу? С Божьей помощью и доброй удачей я, возможно, доберусь до дому сегодня же ночью.

- Мы поедем вместе. И мы доберемся туда. – Я подняла поводья. – Я верю тебе. – Я потянулась и взяла его руку в свои. Его рука была сильной и жесткой. – И если тебе когда-нибудь понадобится вся моя кровь – до последней капли, – можешь взять ее за все то, что ты делаешь. Но разве ты не понимаешь, что я должна ехать с тобой? Я подлажусь под любой шаг твоего коня.

Иан нахмурился. Неожиданно, к моему глубочайшему изумлению, уголки его рта причудливо изогнулись в одной из его редких улыбок, он сунул руку в седельную сумку и вручил мне узел. В нем была грубая шерстяная накидка, толстая шаль и митенки Бетти.

- Она сказала, что вы не станете слушать, – сдаваясь, произнес он.

Иан взял на себя руководство и пустил лошадей плавной рысью. Скользкая дорога тонула в дымке, милую за милей она не менялась. Если бы не холод и мокрые тающие хлопья снега на моем лице, я могла бы уснуть.

Так промчался вечер, с темнотой наши остановки становились все более и более частыми. Пейзаж стал гористым, дорога под стучащими подковами больше не была серой, она была грязно-белой. Снег покрывал ее всего лишь тонкой пленкой, но это было опасно. Два раза подкованные железом копыта скользили по льду.

Я все время напрягала зрение, надеясь различить знакомые места. Смотреть было трудно, потому что ветер нес в лицо снег – теперь это были похожие на град ледяные дробинки. Ночь почти полностью опустилась на мир, когда я увидела сквозь сощуренные веки, что как раз перед нами дорога пробирается между сгрудившимися скалами, прежде чем изогнуться, чтобы исчезнуть в пологом подъеме. Мы добрались.

- Вперед! – сказала я.

Как только мы приблизились к склону, я поняла, что нам не миновать беды. Под копытами лошадей был не снег, а лед. Мой жеребец скользил и спотыкался; сквозь намокшую от снега

юбку я чувствовала, как дрожат его бока. Это должно было послужить мне предостережением. И тем не менее несчастье случилось неожиданно. Всадник впереди меня издал сдавленный вскрик, и его лошадь с шумом упала, а потом я услышала самый ужасный из всех звуков – крик раненого животного. Когда я добралась до Иана, он уже встал рядом с лошадью на колени.

- Ты ранен? – прокричала я.

Иан не ответил. Его руки что-то делали под курткой. Последний луч света обрисовал ужасный предмет в его руке. Он нагнулся вперед. Крик раненой лошади поднялся до предела, а потом прекратился.

Я отошла на деревянных ногах пару шагов и прислонилась к шершавому стволу дерева, чтобы не упасть. Следующее, что я почувствовала, была рука Иана, державшего меня за локоть. В молчании он повлек меня вниз по склону и усадил на мою лошадь. Затем взял в руки поводья.

- Ты ранен? – спросила я снова.

Он покачал головой, медленным движением человека, слишком измученного, чтобы говорить.

Он лгал; я видела, что тяжесть его шага объясняется не только усталостью. Он поранил ногу или ступню; насколько серьезно, я не знала.

Вскоре мы вышли из-под защиты скал, и теперь ветер и снег бросались на нас в дикой ярости. Я не могла даже представить, куда направляется Иан, и, вправду сказать, меня это заботило только ради неги самого и ради лошади. Наконец я смогла разглядеть сквозь сосновые ветви, которые теперь нас окружали, желтоватый квадрат освещенного окна.

Хижина была низкой и маленькой и лепилась к пологому склону скалы. Это все, что я смогла разглядеть сквозь бурю. Иану пришлось довольно долго колотить в дверь, прежде чем она отворилась, но затем грубые, но гостеприимные руки втащили нас внутрь и усадили у ревущего огня.

Пастух и его жена были преисполнены любопытства, обнаружив нас на улице в подобную ночь. Но инстинктивная вежливость их класса удерживала их от того, чтобы расспрашивать меня, и хотя Иан, похоже, знал их, бедный парень слишком страдал от боли, чтобы быть разговорчивым. Его колено было вывихнуто.

Добрая хозяйка натерла ему ногу отвратительной массой из овечьего жира и устроила на ночь в конюшне. Я сходила туда, чтобы пожелать Иану доброй ночи и убедиться, что ему там удобно. В его глазах отражалось мучение.

- Я сделал все, что мог. Завтра – когда конь отдохнет – я пойду дальше. – Он поднял свою большую руку и осторожно дотронулся до моего рукава. – Мисс, не беспокойтесь. Этой ночью ничего не случится.

- Я знаю, – ответила я. – Спасибо, Иан. Ты сделал все, что только мог сделать мужчина.

Я оставила его не более успокоенным, чем была сама. Если даже буря завтра утром прекратится, он не сможет идти. Он на многие дни останется хромым. А промедление в один день может означать, что мы придем слишком поздно. Нужно нечто большее, чем буря и снег, для того чтобы удержать Гэвина от... от того, что он задумал.

Я легла на кровать. Спать я не собиралась, но милосердная природа взяла верх над моим

измученным телом, и я мгновенно провалилась в тяжелую дрему.

* * *

Что-то разбудило меня, хотя ночь еще не кончилась. Буря прекратилась. Разрозненные облака неслись, подгоняемые сильным ветром, а за ними мне удалось разглядеть холодный и чистый круг луны. Серебряные лучи осветили снежное одеяло, покрывшее землю, и темные сосны, очерченные на фоне белого хребта. Все было недвижимо. От зимней рамы тянуло холодом, но я не могла оторваться от этой странной красоты ночи. Хижина находилась очень близко к отвесной стене холма, я не видела его вершины. Я вытянула шею так далеко, как только могла; и там, резко выделяясь на фоне омытого луной неба, была линия, которую я хорошо знала, хотя она находилась высоко и далеко и была искажена расстоянием. Но это была башня.

Я вспомнила весеннее утро под ее стенами и слова Гэвина: "...дом одного из моих арендаторов. Я сам проходил по этой тропинке..."

И на волне этих воспоминаний, ясно, словно голос, взывающий о помощи, я услышала беззвучный приказ, который вел меня весь этот день. Теперь он был сильнее:

- Торопись, торопись... вернись, вернись.

Я отвернулась от окна и начала одеваться. Моя накидка, расстеленная у огня, высохла, туфли все еще оставались сырыми. Я надела обувь доброй жены арендатора. Ботинки были достаточно велики, чтобы вместить четыре моих ноги, но я набила их тряпками и туго завязала на лодыжках. На свою накидку я набросила накидку Бетти и укутала голову капюшоном, обвязав его шалью Бетти.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти начало тропинки. На самом деле я до конца не была уверена в том, что нашла ее. Я карабкалась и спотыкалась, я ползла по скалам до тех пор, пока не стало возможным идти вверх. Ботинки пастушьей жены тянули мои ноги, словно свинцовые.

Остаток пути по милосердию памяти помнится мне весьма туманно. Мои руки и ноги двигались механически, пока я наконец не упала на глубокий снежный покров на платформе в основании башни. Мой капюшон свалился с головы задолго до этого, и мои влажные волосы подушкой лежали под моей щекой. Я могла бы остаться там и впасть в смертельный леденящий сон, если бы эта настойчивая, беззвучная команда все еще не билась колоколом у меня в мозгу. Я неохотно подняла голову и осмотрелась.

Лунный свет был таким ярким, что снег вокруг меня сверкал, словно бриллианты. На этом фоне фундамент башни был черен, словно смола. А потом я увидела кое-что, от чего сон отлетел от меня в одно мгновение: какая-то фигура отделилась от тени фундамента и двинулась ко мне. Фигура двигалась так быстро, что казалось, она плывет над снегом. На ней был темный плащ с капюшоном. Я приподнялась на руках и смотрела, как она приближается ко мне. В глубине капюшона я разглядела лицо Гэвина.

Глава 14

Придя в себя, я не сразу смогла понять, где я.

Здесь было тепло, темно, место было защищено от снега и стужи. Мое мокрое платье и плащ исчезли; я была укутана в какую-то колючую шерстяную ткань. Руки Гэвина обнимали меня, а его лицо уткнулось мне в волосы.

Некоторое время я неподвижно лежала, не думая ни о чем. Мои глаза начали приспосабливаться к темноте; я разглядела что-то вроде грубых каменных стен и низкий потолок. Откуда-то шел свет – тусклое красное сияние. А потом я увидела другой свет – две светящихся сияющих окружности в нескольких сантиметрах от пола.

Я вскрикнула, и Гэвин поднял голову. Он мягко рассмеялся и сказал приглушенным голосом:

- Это всего лишь Тоби. Из него вышла бы превосходная сторожевая собака. Именно он услышал, как ты повалилась в снег там, снаружи.

Тоби вспрыгнул на меня, облизал мне лицо, а потом уселся у меня на руках и начал мурлыкать.

Силы вернулись ко мне, а вместе с ними – и память.

- Леди Мэри, – произнесла я. – Где она? Вы не... вы...

- Не говори так громко. – Гэвин огляделся. – Я не знаю, где она в данный момент. Что ты имела в виду, когда спросила: “Вы не...” Ты полагала, что я намерен совершить какое-нибудь злодеяние. Моя дорогая девочка, гораздо больше шансов на то, что она причинит зло мне. Но, Дамарис, как, ради всего святого, ты могла очутиться здесь?

Я натянула ткань плотнее на голые плечи. Теперь я могла разглядеть даже ее рисунок. Это был плед Гэвина. Я рассказала все без утайки. Потом спросила:

- Где мы? Я не узнаю этого места.

- В подвале в фундаменте башни. Это мое убежище. Сожалею, что здесь не слишком комфортно, разве что имеется жаровня. Эх, чертов лунный свет разрушил все мои планы... Но я бы предпочел не обсуждать их, во всяком случае с тобой. И в любом случае теперь они пошли прахом. Ради бога, Дамарис, я думал, что ты убралась с моей дороги. Почему ты вернулась?

- Кое-что случилось – до того, как мы добрались до гостиницы. Я посмотрела на Анна-бель...

- Аннабель, – перебил он. – Я молю Небо о том, что хотя бы она уже на пути к Эдинбургу. Пакет, который я тебе дал... ты не привезла его обратно?

- Я оставила его Рэндэлу, – сказала я. – Вместе с запиской. Разумеется, я привела определенные причины своего возвращения. Но, конечно, не истинные.

- Каковы же истинные?

Я колебалась. Именно теперь, когда пришла минута, чтобы ответить на вызов, минута откровенности, я не могла заставить себя произнести ни слова.

- Расскажите мне сначала, что вы задумали. Почему вы отослали всех нас?

Что-то в моем голосе подействовало на него, так что он отвечал без дальнейших двусмысленностей. Прислонившись к холодной стене, Гэвин вытянул свои длинные ноги.

- Я отослал Аннабель для того, чтобы эта жалкая свинья Эндрю не мог до нее добраться. Она исключительно глупа и совсем потеряла голову; стоит ему поманить ее, как она бросится к ближайшему приходскому священнику. Поскольку она хитрила со всеми нами и теперь ее здоровье значительно улучшилось, единственным реальным способом предотвратить этот брак было убрать ее отсюда подальше. Рэндэлла мне послали Небеса. Я знаю, что он довезет ее в

полной безопасности до Эдинбурга; он парень упрямый и слегка туповатый, поэтому в точности выполнит все инструкции. Ну а там мой юрист, который еще и старый друг семьи, позаботится о том, чтобы она не наделала ошибок. Теперь скажи, что привело тебя обратно?

- Это было в карете, - начала я во второй раз. - Я посмотрела на Аннабель. Ее лицо напомнило мне кое-что. Некоторое время я ломала голову, пытаюсь различить в ней ваши черты, а потом как-то разом поняла, что видела в ее лице не вас, Гэвин. Я видела леди Мэри.

Гэвин сидел неподвижно, не произнося ни слова. Тишина была такой глубокой, что мурлыканье Тоби раздавалось в ней словно рев.

- Она - ваша жена, - продолжала я и сама удивлялась тому, как звучит мой голос. - Она не умирала в Лондоне и не тонула в пруду. Она сбежала в тот день, четырнадцать лет назад, по той самой дороге. Может быть, вы надеялись, что она мертва. Вы ведь не видели ее до тех пор, пока она не вернулась этим летом - под чужим именем, не так ли?

Гэвин все еще молчал. Я могла слышать его тяжелое дыхание.

- Вот только я совсем не понимаю... - продолжала я. - Разумеется, она не могла ожидать, что вы примете ее обратно. И это дело с Эндрю и Аннабель, это, должно быть, какая-то шутка. Ее дочь и ее брат...

Гэвин пошевелился:

- Он ей не брат.

Это меня удивило. Я уставилась на Гэвина, а он продолжал со все возрастающей страстью и гневом:

- Она только говорит, что он - ее кузен. Уже этого было бы довольно, если бы Аннабель сочеталась браком с кем-то из того же ведьминоного выводка, что и моя несравненная жена; но даже это - ложь. Я едва мог вынести боль, когда увидел, как она развлекается и кокетничает с потасканным любовником своей матери! Да! Этот плут лишь один из долгой череды ее любовников. Я надеялся, что сумею убить его во время дуэли. Но я слишком стар; я промахнулся.

- Убийство - это не решение. Должен же быть какой-то другой выход.

- Но его нет. Теперь нет. - Гэвин рассмеялся; его смех болью отозвался у меня в ушах. - Я пойман в собственную сеть, Дамарис. Или, скорее, я слишком поздно спохватился. Как ты думаешь, почему я скрываюсь здесь, словно загнанная в угол крыса? Я должен был убить Эндрю прежде, чем он убьет меня.

Я издала недоверчивый звук, и Гэвин торопливо продолжил:

- Ты ведь видела пеструю толпу на балу в ту ночь - я в этом уверен. Друзья моей драгоценной жены - головорезы и авантюристы, отбросы Англии и Европы - собрались здесь, чтобы обеспечить ей преимущество. Я не думаю, чтобы она с самого начала замыслила убийство. Но когда я увидел эту команду, я все понял. Мужчины этого типа ничего не делают задаром, а у нее нет собственных денег, чтобы заплатить им. Доход от поместий Данноха составляет примерно пятьдесят тысяч в год, Дамарис. Мой брат - почти мертвец. А когда и я умру, все достанется Аннабель.

Даже в моих худших опасениях я не доходила до такого. Я потрясла головой в немом протесте.

- Тебе это кажется фантастикой, - мягко сказал Гэвин. - Должен ли я рассказать тебе всю историю, Дамарис? Теперь ты знаешь важную ее часть - ту часть, из-за которой я готов был перевернуть небо и землю, лишь бы она не коснулась тебя. Ты готова выслушать остальное?

Его рука нашла мою руку. Я позволила ей остаться там.

- Да, - сказала я.

- Я повстречал Мэри Маллоран, - начал Гэвин, - когда мне было восемнадцать. Ее отец был учителем в Каслтоне - во всяком случае, такой была его профессия в то лето. Угадай, где я встретил ее, Дамарис. В церкви. О, я пропал еще до того, как впервые коснулся ее руки или заговорил с ней. Дело сладилось быстро, пастор в Данкелде, куда мы приехали вместе в один солнечный сентябрьский денек, обручил нас.

Мы провели вместе одну ночь, и я вернулся домой, чтобы предстать с этой новостью перед отцом. Я думал, его хватит апоплексический удар. Он бушевал и ревел и едва не поранил меня кнутовищем, которое было у него в руках. В те дни я был проворным и тонким, и мне удавалось увертываться до тех пор, пока он не поостыл. А он в конце концов остыл. Дамарис, ты бы его любила. Несмотря на все свои угрозы, он был самым добрым человеком на земле. Он мог бы оставить меня без единого пенни. А вместо этого он дал мне Блэктауэр, чтобы я здесь жил, да еще и небольшой доход. Я больше никогда его не видел. На следующий год он умер; и я всегда думаю, не мое ли поведение укоротило ему жизнь...

Мы с Мэри поселились здесь. Я осыпал ее драгоценностями, нарядами и безделушками; я тратил каждый пенни своего небольшого дохода, пытаюсь порадовать ее, и работал управляющим на собственных землях, пытаюсь заработать больше денег. Затем родилась Аннабель, и она, казалось, была счастлива.

Примерно через год после рождения ребенка мы получили первый удар. Мой стеснительный затворник-брат влюбился, женился и наградил свою жену ребенком, и все это - на протяжении каких-то недолгих месяцев. После того как все это случилось, я заметил в Мэри перемену, но, Боже помоги мне, я не понимал, чему ее приписать. Я думал, что наша тихая жизнь, которая меня вполне устраивала, начинает ей надоедать. Она стала раздражительной даже с ребенком. Один раз я видел, как она отшлепала малышку за то, что та измяла ей платье... Я думаю, что мое обожание начало тускнеть задолго до этого. Она была в основе своей очень примитивная женщина, понимаешь; умная и быстрая, но - поверхностная и мелкая.

Той весной, когда Аннабель исполнилось два года, у нас гостил один из моих старых друзей. В Сент-Эндрюсе он был на два курса старше меня, блестящий студент и атлет - я был горд, когда он снизошел до дружбы со мной. К тому же он был привлекателен, этот дьявол, - нечто в стиле последнего увлечения Мэри. Мэри сразу же приняла его, как родного. Они вместе играли на рояле и пели дуэты по вечерам, пока я сидел в тени, все еще ни о чем не подозревая. Полагаю, что мне и не слишком хотелось быть подозрительным.

Последний удар по надеждам Мэри был нанесен как раз тогда, когда у нас гостил Джек, - от моего брата пришло письмо, сообщающее о рождении здорового первенца мужского пола. Это письмо отбирало у меня титул и отдавало его хныкающему младенцу. Мне было все равно, Дамарис. Но, после того как пришло письмо, Мэри на остаток дня заперлась в своей комнате, а вышла оттуда изменившейся даже по виду.

На следующий день мне нужно было уехать; я вернулся домой, когда начало вечереть. Это был

серый, туманный день, то и дело собирался дождь. Стоило мне войти в дом, как я понял, что что-то не так.

Домашние слуги исчезли – все, кроме Ангуса. С издевательской ухмылкой тот сказал мне: “Ваша жена сбежала с Соутропом, Гамильтон”. Он так хохотал, что его лицо побагровело. Я слышал его смех все время, пока бежал от дома к конюшне.

Ты можешь спросить, зачем мне было преследовать ее. Я ее не любил. Но у меня были гордость, и гнев, и разрушенная дружба – и Аннабель. Признаю, что никогда не был нежным отцом, но она была мое дитя – или так я тогда думал, – и я не намерен был позволить ее гуляющей матери забрать ее.

Я увидел их на дороге, которая шла мимо пруда. Должно быть, лошадь Мэри споткнулась о камень, потому что они удалялись слишком медленно, чтобы я не мог их настигнуть. Они услышали, как я приближаюсь. Джек оглянулся. Я услышал, как он выкрикнул какие-то слова, но из-за расстояния я не мог разобрать их смысла, а потом эта отважная душа дала лошади шенкелей, и та словно сумасшедшая помчалась к пруду. Разве это не было низостью – бросить женщину на растерзание моей ярости после того, как он ее соблазнил и уговорил бежать?

– Мэри тоже меня увидела, – продолжал он бесцветным, спокойным голосом. – Она пришпорила свою лошадь, и та перешла на галоп. Но я мчался быстрее, и она, должно быть, поняла, что ей не уйти. Следующее, что я увидел сквозь туман, было похоже на то, что она опускает на берег какого-то зверька или узел с одеждой. Но я знал, что это, даже до того, как из глубины его донесся детский крик. Передо мной стояла моя дочь – двух лет от роду, – дрожащая, и потирающая ушибы, и кричащая вслед своей матери, которая мчалась прочь от нее так быстро, как только могла.

Я позабыл обо всем, Дамарис, кроме пруда. Кромка воды была всего в десяти футах от ребенка, а у двухлетних детей нет чувства опасности. В ужасе я сделал самое худшее из всего, что мог сделать. Я принялся кричать на Аннабель. Она обернулась и посмотрела в мою сторону. Ты понимаешь, что она должна была увидеть – яростный призрак, вопящий и ревуший, мчащийся прямо на нее на громадной лошади. Она издала сдавленный крик ужаса – я слышал его очень отчетливо – и бросилась прямо к пруду.

Ты знаешь, какое там течение. Волосы обвивались вокруг ее лица, словно водоросли, а глаза были широко открыты и смотрели невидящим взором. Позже я понял, что она просто потеряла сознание от страха. Но тогда все, о чем я мог думать, – это о том, чтобы добыть ее тело, чтобы похоронить по-христиански.

Я почувствовал, что вода вцепилась в мое тело, и понял, что нас захватило в плен течение. Медленно, невзирая на все мои усилия, нас несло к центру пруда, а дальше – водопады. Никто не мог бы выжить после падения с высоты этих скал; я знал, что моя единственная надежда – это островок в середине пруда. Именно тогда я поранил руку; ты сможешь представить себе силу течения, когда я скажу тебе, что мне отрезало пальцы иззубренным краем скалы, за который я уцепился. Меня нашли позже на островке с другой стороны пруда. Полагаю, что именно там я поранил свое лицо, но я этого уже не помнил. Поисковая партия из дома искала нас почти до темноты; я пришел в себя и узнал, что моя дочь жива, а я лишился нескольких пальцев руки.

– И вы не слышали о ней больше до этого лета? – спросила я в потрясении.

– Нет. Я не делал попытки отыскать ее. Я испытывал к ней такой ужас, что не хотел ни

слышать ее имени, ни видеть ее лица. И я стал испытывать такой же ужас при виде своего ребенка. Аннабель с каждым днем становилась все более на нее похожа.

- Так вот почему вы относились к ней с отвращением.

- Да. Удивляюсь, что ты раньше не заметила сходства. Для меня оно было просто вопиющим. Но куда хуже физического сходства было развитие характера Аннабель. Я не видел в ней ничего своего - только эгоистичную хватку ее матери, ее раздражительность, ее тупость. Я начал сомневаться, в самом ли деле она - мое дитя...

Он надолго замолчал.

- А этим летом... - В его голосе звучало горькое изумление. - Первоначальной идеей было вернуть себе прежнее положение. Она приготовила жалостную сказочку, она сделала одну или две попытки возбудить былую страсть, но мой отклик был не таков, на который она надеялась. Однако настоящей преградой для ее планов была ты.

- Я? - недоверчиво спросила я, а потом поняла.

- Но я не мог рисковать - только не с тобой и не с тем чувством, которое я к тебе испытывал, - продолжал он. - Долгие месяцы я боролся против своей любви к тебе, и, когда я, наконец, должен был ее признать, я сделал то, что должен был сделать много лет назад, - я послал адвокатов отыскать след моей законной жены. Я бы праздновал победу, если бы выяснилось, что она мертва. Но вместо этой недостойной радости я все же рассчитывал, что смогу начать бракоразводный процесс, когда они ее обнаружат. Затем, думал я, я смогу поговорить с тобой. В конце концов, я бы получил титул, который мог бы компенсировать скандал с разводом, а также мои увечья.

Я поднялась на колени, позволив пледу упасть с моего тела, и протянула к нему обе руки.

- Вы желаете, чтобы я снова унизила себя, - произнесла я. - Вы же знаете, что я бесстыдна - мне наплевать, даже если бы у вас было десять жен и сорок шрамов. Это все, что вы хотели от меня услышать? Это правда. Только не отсылайте меня от себя снова. Мы отправимся в Эдинбург. Гэвин, пожалуйста, если вы не сможете освободиться от нее, я... я останусь с вами в любом случае. Или... неужели вы лгали, когда говорили, что любите меня?

Одним броском его руки обхватили мои обнаженные плечи, пальцы впились в мою плоть с сокрушающей силой. Он бросил меня себе на колени. И вдруг словно одернул себя - и его хватка ослабла. Я прижалась к нему и обвила руками его шею.

- Будь со мной! - прошептала я.

- Не играй этим, Дамарис, - сказал он мне в волосы. - Сердце мое, тебе нет нужды меня подкупать. Долгое время я ждал этой минуты; но я не хочу, чтобы это случилось здесь, в этой грязной подземной дыре. Дамарис, ты не понимаешь, а может быть, ты и не можешь понять. Я ушел бы с тобой - если бы мог.

- Но ты же не всерьез говорил о том, что она...

- Хочет меня убить? Нет, я говорил об этом всерьез. Все - или ничего, другим она не удовлетворится. - Он сел, обнимая меня руками; я видела, как его глаза внимательно вглядываются во тьму. - Ситуация предельно ясна. Понимаешь, мой брат, бедняга, все еще жив - черт бы его взял! Он оставит все, чем владеет, мне, и, если я умру раньше него, - Аннабель.

Если я унаследую его богатства, я могу составить завещание и распорядиться деньгами по собственной воле. Я уже это сделал; именно это завещание было в пакете, который я отослал с тобой в Эдинбург. Но моя воля ничего не будет значить, если я умру раньше своего брата. В этом случае все его громадное состояние отойдет Аннабель – и, таким образом, к Эндрю и Мэри. Убрав меня с дороги, они с легкостью добьются желаемого.

Это было так просто и так смертельно опасно, что у меня перехватило дыхание.

- Но в таком случае... тебе нужно убираться отсюда, прямо сейчас!

- Я был слишком большим оптимистом. Они уже сейчас ищут меня, дом полон наемников Мэри, и вооруженные мужчины контролируют все известные тропинки, и даже те, которые почти не известны. Тебе по какой-то странной удаче удалось разминуться с тем парнем, который сторожит этот утес. Но мы не можем рассчитывать на то, что при спуске нам будет сопутствовать такая же удача. Если нас заметят, два верно пущенных камня разом решат все проблемы Мэри.

- Понимаю, – медленно сказала я. – Ты намеревался остаться здесь, чтобы я могла бежать. Но, Гэвин, почему бы не попробовать другой способ. Я отвлеку охранника, и ты спустишься вниз. Они не причинят мне зла, даже если поймают меня.

Его руки сжались вокруг моего тела.

- Бедная моя, невинная любовь, разве ты не знаешь, что ты была самым сильным оружием из всех, которые применяла против меня Мэри? Разве ты забыла ту ночь, когда упала прямо с этого утеса? Как ты думаешь, чья рука отказалась ухватить твою руку? У тебя было целых два приключения, каждое из которых могло окончиться фатально, – на утесе и с лошадью, которая понесла. Гвоздь под седло сунуть довольно, просто...

В наступившей тишине возник звук, похожий на стон плененного злого духа. Моя голова взметнулась с такой скоростью, что чуть было не слетела с плеч. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы определить источник звука, и, когда я его определила, у меня волосы встали дыбом. Это выл кот.

Гэвин метнулся от меня в сторону. Раздался легкий стук металла, и свет померк, когда он накрыл жаровню крышкой.

Чернота, которая практически ослепила нас, обострила слух. Стены, потолок были каменными, в несколько футов толщиной, но я услышала шарканье ног, скрежет, стук. Движение в пустом пространстве башни.

Гэвин приблизил свое лицо к моему и прошептал:

- Он здесь, в башне. Человек, который за мной охотится. Не двигайся.

- Что ты собираешься делать?

Я слышала, как он скрипнул зубами.

- Тропинка... Если мы выйдем в сосны...

Поскольку видеть я не могла, я услышала, как он покачал головой в знак протеста:

- Слишком далеко. Холод. Ты не сможешь.

Глухой удар потряс стены прямо у нас над головами. Стражник простукивал камни.

Мое дыхание прервалось. Щека Гэвина рядом с моей одеревенела.

- Я смогу. Я должна.

- Это лучше, чем утес, - шепотом признал Гэвин.

А потом мы услышали другой звук, который снова заставил нас похолодеть, - это был звук человеческого голоса. Я не могла разобрать слов, но в самом звуке был странный ритм, он не был похож на приливы и отливы обычной беседы. Гэвин слушал так же напряженно, как и я. Наконец я услышала, как он переводит дух, а потом раздался и тихий смех, словно он отважился нарушить тишину.

- Святые небеса, да он поет! У него бутылка. Весьма типично... Теперь у нас появился шанс.

Глава 15

Мы ждали. Наконец пение прекратилось, но Гэвин все еще не двигался. Наконец его голова снова приблизилась к моей.

- Теперь нам придется рискнуть.

Пока мы ждали, я натянула свое платье и башмаки и закуталась поплотнее в накидку.

- Я готова, - сказала я.

Я последовала за Гэвином в пролом, который был так низко, что нам пришлось пробираться через него на четвереньках. Тоби последовал за нами, а потом двинулся, не оглянувшись в нашу сторону, вдоль основания башни к утесу.

- Я предпочитаю собак, - сказал Гэвин с легкой усмешкой.

Перед нами лежал длинный иззубренный позвоночник холма, к югу плавно спускающийся в долину. Склон представлял собой поочередно сменяющиеся полосы черного и серого - это был голый камень и наметенный снег. Луна скрылась за холмами как раз в ту минуту, как я посмотрела на нее, но сияющие звезды ярко пылали на черном бархате неба, а снежные заплатки, казалось, сами излучали слабый свет. Нам следовало избегать снега. Любой движущийся по снегу объект будет виден с огромного расстояния.

Я посмотрела вправо, в сторону имения, и у меня перехватило дыхание. Дом стоял в сиянии огней. Золото свечей и фонарей переливалось за стеклами окон, во дворе колонна красного огня освещала ночь адским пламенем. Даже с этого расстояния я испугалась, что меня смогут увидеть, - в свете пламени туда-сюда двигались фигуры, похожие на причудливых насекомых.

- Охотники, - шепнул Гэвин. - Будем молиться о том, чтобы они сегодня были слишком заняты там.

Он взял меня за руку, и мы пустились в путь. Мы преодолели три четверти каменистого пространства, когда Гэвин остановился перед высоким валуном и прижал меня к его поверхности. Лес был очень близко, но, чтобы добраться до первых сосен, нужно было преодолеть открытое пространство. Склон был пологим и тянулся - гладкий и белый, словно

покрывало, на сотню футов вперед.

Таиться было бессмысленно, и мы бросились бегом. Длинные ноги Гэвина могли преодолеть открытое пространство со скоростью оленя, но мои мелкие шаги и путающиеся юбки замедляли наш ход. К тому же мы проваливались в снег, в котором вязли ноги и который набивался и таял в наших башмаках.

Ближайшие ветви были уже в нескольких ярдах от нас. Я глотнула воздуха, чтобы перевести дух, но мне это не удалось – я слишком нервничала перед последним рывком. Когда мы доберемся до леса, мы конечно же сможем отдохнуть. И в это мгновение из-под деревьев нам навстречу шагнул человек и встал перед нами, преградив дорогу.

Сначала я его не узнала. Было темно, и шок внезапной встречи, в тот миг, когда свобода казалась так близка, застлал туманом мои глаза. Но Гэвин издал гневный посвист и снова шагнул вперед, загораживая меня собой. Неясная темная фигура, едва видная на фоне черных сосен, подняла одну руку, и Гэвин поднял руку в ответ. Затем молчаливая фигура двинулась, отводя в сторону края пледа, намотанного у него вокруг головы. Мое дыхание вырвалось наружу со всхлипом.

- Это Ангус, – произнесла я. – Ангус, Гэвин. Пойдем...

Я так и не узнала, к какому решению они пришли. Я едва могла разглядеть черты Ангуса, а он ни разу ничего не сказал. Но Гэвин, однако, каким-то образом почувствовал, когда конфликт между ненавистью и долгом был разрешен. Он взметнулся скорее как гигантская птица, нежели как человек, и его плед, подхваченный ветром, взвился, словно крылья над его раскинутыми руками. Когда тело Гэвина уже накрыло собой старика, повалив его на снег, Ангус успел выдать из глотки жуткий звук. Он эхом отразился от холма и улетел в покрытое неподвижными звездами небо. Рука хозяина в ее черной перчатке накрыла морщинистые губы, не пропуская ни звука; другая прижимала правую руку старика к земле. В этой руке было тонкое длинное лезвие – кинжал горцев. Эта позиция оставляла левую руку Ангуса свободной, и он колотил и царапал ею лицо Гэвина. Когда голова Гэвина отклонилась в попытке уберечь глаза, я увидела еще одну метку на его обезображенной шрамом щеке – тройную царапину неровных ногтей Ангуса.

Танцую на истоптанном снегу в приступе страха, я быстро оглянулась через плечо, чтобы посмотреть на дом, и увидела то, от чего кровь застыла у меня в жилах. Огней больше не было. Это означало только одно: они отправились на охоту.

Гэвин не мог видеть того, что видела я, но он так же хорошо, как и я, знал, что надо торопиться. Он отвел руку ото рта Ангуса и неожиданно выхватил у того кинжал. Старик хватал ртом воздух, и Гэвин ударил его по черепу тяжелым кулаком – как раз вовремя, чтобы предотвратить новый крик.

Затем он вскочил на ноги и ухватил меня за руку.

- Бежим! – приказал Гэвин, и мы побежали не оглядываясь.

Кроны сосен сомкнулись над нами, словно обнимающие руки. Некоторое время мы бежали в молчании.

Вдруг Гэвин внезапно остановился и вскрикнул, и я осознала, что он напоролся прямо на ствол дерева, которых до этого так ловко избегал. Я схватила его за руку, чтобы успокоить; и он отдернул руку от моего прикосновения, издав еще один резкий звук.

- Ты ранен, - сказала я. - Гэвин, твоя рука...

- Это просто царапина. Но я боюсь, что собаки... Проклятие, Дамарис. Черт бы все побрал, я оставлял кровавый след на протяжении двух миль.

Используя одну из своих нижних юбок, я кое-как перевязала его предплечье.

- Ты потерял слишком много крови, - бормотала я, работая так быстро, как только могла. - Удар пришелся поверх твоей старой раны...

- Мои собаки нас не побеспокоят. - Гэвин потряс своим рукавом. - Но у них могут быть и незнакомые мне. Но даже и без собак они найдут Ангуса и кровь на снегу там, где мы дрались. Они без труда нападут на след.

Он снова взял меня за руку, и мы двинулись дальше - теперь уже шагом. Я должна была беречь дыхание, но оставалась одна вещь, которую я должна была сказать.

- Ангус был на их стороне. Почему он тебя так ненавидит?

- Он ненавидит не меня. Он ненавидит дом и семью. Говорят, что он - сын моего деда. Насколько я могу вспомнить моего деда, это могло быть правдой. Но истина не имеет значения. Ангус в это верит.

Лес вставал вокруг нас черной стеной, оставляя мелкие просветы, в которых виднелось усыпанное звездами небо, и, когда мы только могли, мы избегали этих просветов. Мы еще два раза останавливались отдохнуть. Во второй раз я свалилась, говоря себе, что мне нельзя засыпать. Я не могу спать... А потом я проснулась в ужасе, почувствовав, как рука Гэвина треплет меня за плечо.

- Мне очень жаль, дорогая, но нам нужно двигаться дальше. Слушай.

Я прислушалась, и волосы на моей голове встали дыбом. Собаки! Нет... теперь звук был так близко, что я могла сказать: это была только одна собака, которая издавала какой-то непривычный вой. Я ожидала, что она сию же минуту появится в проходе между соснами.

- Я их слышал, - Гэвин двинулся вперед, таща меня за собой, - но не думал, что они осмелятся сунуться в лес. Сегодня нам не слишком-то везет. У них только одна собака, но эта собака - не моя.

Мы вышли на опушку так внезапно, словно вынырнули из сна, и оказались на усыпанном камнями плато, которое я уже видела когда-то раньше. Перед нами лежал пруд. Я ясно могла его видеть, потому что рассвет уже раскинул свое рваное покрывало над восточным гребнем хребта.

Мы достигли начала пруда и побежали вдоль него. Вода была темной, почти черной, но отсвет рассвета на востоке обозначал медленный смертельный завиток течения, которое сворачивалось, словно бледная змея. Я спотыкалась, почти падала, а потом услышала гром лошадиных подков. Это означало, что преследователи вышли из леса.

Их было двое. Перед ними бежала гигантских размеров собака, с массивными челюстями и бочкообразной грудью. Она неслась скачками, высунув от возбуждения язык.

Гэвин остановился. Больше не было нужды бежать. Я подняла камень, а он заслонил меня

плечом и вытащил из-за пояса кинжал Ангуса. У него было для этого достаточно времени, прежде чем собака прыгнула. Через мгновение морда собаки лежала между подбородком и грудью Гэвина, из ее горла вырвался сдавленный и тревожный рык. Над спиной собаки взметнулась и упала рука Гэвина. Лезвие его кинжала было темно от крови животного, но у зверя не было никаких признаков того, что он ранен. Я сделала два шага вперед, с трудом удерживая равновесие из-за веса камня, поднятого над головой, и разжала руки. Раздался леденящий душу вой собаки, потом наступила тишина.

Гэвин выкатился из-под мертвого тела. Теперь и на его левом рукаве была кровь – точно так же, как и на правом. Толстая шерсть его плеча была разорвана там, где собака грызла ее. Медленно он встал на одно колено, но сил, чтобы подняться дальше, у него не было.

Всадники не двигались. Я не понимала почему. Может быть, они просто длили пытку, надеясь, что мы снова попытаемся бежать. Мэри бы это поправилось...

Я вытерла лоб тыльной стороной ладони, и мои глаза снова стали видеть. Двое всадников разговаривали. Да, их было только двое – Мэри и Эндрю. Конечно, они оставили эту часть охоты для себя. Но, похоже, охотники не могли прийти к соглашению. Мэри на нас не смотрела; она повернулась к Эндрю и, качая головой и размахивая руками, на чем-то настаивала. Он не желал покоряться; я видела, как его голова поворачивается в упрямом отказе.

Женщина отвернулась от него с презрительным жестом. Ее рука поднялась, она размахивала своим кнутом для верховой езды. Я видела, как она ударила им по боку лошади, и животное пустилось в галоп. Они мчались прямо на нас, рука Мэри хлестала лошадь. Всадница была уже почти над нами, когда лошадь встала на дыбы. Она остановилась всего в шести футах от нас, опустив все свои четыре копыта на землю с решительным глухим стуком. Я была слишком занята всадниками, чтобы обращать внимание на их лошадей, но теперь я поняла, что эта лошадь мне знакома.

- Шалунья! – Неожиданно нахлынувшая на меня надежда придала моему голосу сил. – Шалунья, ты меня узнаешь?

Она знала мой голос; может быть, она уже и без того узнала меня. Она двинулась вперед шагом, наивно протянув морду за яблоком или кусочком сахара, которые я всегда приберегала для нее. Мэри – гримаса ярости исказила ее лицо – подняла кнут и ударила снова.

Я никогда не касалась Шалуньи кнутом. Этот последний удар переполнил чашу ее терпения. Она поднялась почти вертикально на своих задних ногах и перебросила всадницу через круп. Я схватила ее за поводья, как только она подтрусилась ко мне. Мэри с трудом поднялась на ноги, но без лошади она была почти безопасна. Я благодарила Небо за то, что она, а не Эндрю оседлала Шалунью.

К этому времени Эндрю подъехал к нам – так неторопливо, словно прибыл с визитом. Так же – подчеркнуто лениво – Эндрю оглядел нас. Он взглянул на Мэри, которая смотрела на него так, словно надеялась, что сила взгляда может заставить его исполнить ее волю; на меня – потрепанное и мокрое чучело, и на Гэвина, который стоял прямо, но едва не падал в обморок. Странное выражение промелькнуло на лице Эндрю, когда он смотрел на человека, в котором так жестоко ошибся, и я подумала, что именно это и удерживает наглеца. Может быть, это был страх совершить откровенное преступление или даже – случаются ведь на свете странные вещи – последний порыв совести или чести. Он покачал головой:

- Нет. Ради бога, Мэри, существует же предел - во всяком случае, для меня. Мы не можем позволить себе благородства.

- Тогда что ты намерен делать? Стоять здесь, пока мы не пустим корни в землю? Ты разве забыл, что поставлено на карту?

Сэр Эндрю менялся в лице. Но пятьдесят тысяч фунтов в год прибавили ему решимости. Мальчишка медленно поднял руку.

Но тут заговорил Гэвин:

- Эндрю, хороший мальчик. Делай то, что говорит леди. Если кого-либо и повесят за убийство, то это будет не она.

Эндрю закусил губу и позволил своей замахнувшейся было руке упасть. Он колебался еще одно мгновение, но слова были выбраны слишком хорошо, чтобы от них отмахнуться.

- Я не буду нападать на незащитного человека, - упрямо сказал он. - Я дам ему шанс - как мужчина мужчине.

Гэвин шагнул, его дрожащие руки и ноги говорили всем нам о том, что мы уже знали, что он слишком измучен, чтобы парировать самую обыкновенную атаку. Он отмерил примерно десять футов между собой и Эндрю, прежде чем мальчишка слез с лошади. Эндрю последовал за ним, двигаясь с какой-то задумчивой медлительностью. Я не могла видеть его лица, но могу поклясться, что он улыбался. Его рыцарская честь была лишена глубины, это была всего лишь маска.

Гэвин все еще пятился назад и двигался точно к краю пруда, где в него врывался ручей, и берега были влажны от брызжущей ледяными брызгами воды. Ужасная мысль мелькнула у меня в голове. Он должен знать, куда заведут его собственные шаги. Он - хороший пловец. Если у него не будет такой ноши, как я, он сможет достичь другого берега. Та же мысль, видимо, пришла в голову Эндрю, а у него не было представлений о порядочности, по которым он мог бы судить о других. Кроме того, я думаю, что он не знал о течении. Он бросился вперед, его руки вытянулись, чтобы схватить своего противника прежде, чем он сумеет от него ускользнуть.

И тогда это случилось. Так уже случалось когда-то раньше. Я должна была помнить дуэль - медленное отступление, намеренное снижение бдительности, как бы приглашающее соперника в свою очередь открыться. Может быть, Эндрю тоже вспомнил это - в ту, последнюю секунду. Но было слишком поздно. Он потерял равновесие в своем диком рывке, и Гэвин, упавший в другую сторону, поднял ногу и толкнул тело мальчишки через край пруда.

Падая, тот закричал. Звук закончился всплеском и треском ломающегося льда. А дальше не было слышно ничего - только яростное рычание ручья, падающего со скал водопадом.

В следующую секунду Мэри была там. Она стояла у края пруда, глядя в его темные воды. Первый луч солнца упал на ее волосы, и они вспыхнули. Этот луч на ее волосах словно золотой нимб вокруг изможденного ведьминога лица... еще миг - и она исчезла, исчезла без единого звука. Течение подхватило ее вместе с потоком потревоженной воды и унесло.

На четвереньках я подползла к тому месту, где на краю берега стоял Гэвин. Я заставила себя посмотреть через край, как смотрел он. Но внизу ничего не было - ничего, кроме темной воды, и изломанного льда, и рева водопада вокруг затопленных скал.

Лошади стояли там, где мы их оставили. Гэвин посадил меня на спину Шалуни, и она повернула голову с легким ржанием радости. Он взобрался на гнедого Эндрю. Мы повернулись спиной к берегу и поехали на юг - в долину, где был наш дом. Солнце осветило восточный хребет, и снега засияли в его ясном свете.

mir-knigi.org